

Анализ делового климата в Узбекистане

при финансовой поддержке:

Анализ делового климата в Узбекистане

Данная работа публикуется под ответственность Генерального Секретаря ОЭСР. Изложенные в ней мнения и приводимая аргументация могут не отражать официальных взглядов правительств стран – членов ОЭСР.

Настоящий документ и любые содержащиеся в нем данные и карты носят непредвзятый характер в отношении статуса и суверенитета территорий, определения государственных границ и разделительных линий, а также наименований территорий, городов и областей.

Статистические данные по Израилю предоставлены компетентными израильскими органами под их ответственность. Использование ОЭСР этих данных не является отражением предвзятого отношения к статусу Голанских высот, Восточного Иерусалима и израильских поселений на Западном берегу реки Иордан в соответствии с положениями международного права.

При цитировании просьба ссылаться на настоящую публикацию:

OECD (2023), *Анализ делового климата в Узбекистане*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/84ffe567-ru>.

ISBN 978-92-64-61625-7 (Печатное издание)

ISBN 978-92-64-93335-4 (PDF)

ISBN 978-92-64-74413-4 (HTML)

ISBN 978-92-64-64780-0 (epub)

Первоначальное название: OECD (2023), *Insights on the Business Climate in Uzbekistan*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/317ce52e-en>.

Перевод выполнен внешней компанией/переводчиком, не включенным в базу данных переводчиков EXD: Настоящий перевод выполнен по заказу Директорат международных отношений и сотрудничества, и его точность не может быть гарантирована ОЭСР. Единственными официальными версиями являются тексты на английском и/или французском языках.

Сведения об авторах фотографий: Обложка © Hairem/Shutterstock.com.

Исправления в публикациях ОЭСР можно найти по адресу: www.oecd.org/about/publishing/corrigenda.htm.

© ОЭСР 2023

Использование настоящего документа, будь то в цифровой или печатной форме, регулируется Условиями, которые доступны по адресу <https://www.oecd.org/termsandconditions>.

Предисловие

Узбекистан является второй по величине экономикой Центральной Азии, и правительство стремится достичь статуса страны с уровнем дохода выше среднего к 2030 году. В 2022 г. реальный ВВП вырос на 5,3 % по сравнению с 7,4 % в предыдущем году. В течение почти трех десятилетий после обретения независимости рост в стране был обусловлен главным образом государственными инвестициями и индустриализацией, при этом международная торговля и развитие частного сектора были существенно ограничены. С запуском широкомасштабной программы реформ в 2017 г. эта ситуация изменилась.

После кризиса COVID-19 Узбекистан вышел на относительно сильные позиции, а по состоянию на весну 2023 года влияние войны России в Украине ослабло. Устойчивость страны перед лицом серьезных экономических потрясений последнего времени свидетельствует об осторожной и гибкой политике властей, а также о том, что страна смогла извлечь выгоду из роста мировых цен на ключевые экспортные товары, такие как золото. Тем не менее перспективы роста остаются неопределенными: продолжение войны России в Украине и связанное с этим потенциальное воздействие дальнейших санкций на торговлю Узбекистана, сохраняющаяся высокая внутренняя инфляция и ужесточение глобальных финансовых условий – все это создает сложную ситуацию в краткосрочной и среднесрочной перспективе. С начала процесса реформ правительство приложило значительные усилия, чтобы уменьшить роль государства в экономике и позволить частному сектору играть более активную роль в экономическом развитии.

Тем не менее на устойчивость экономики Узбекистана продолжает негативно влиять относительно слабо развитый частный сектор. Понимание проблем, которые мешают частному сектору инвестировать, нанимать персонал, внедрять инновации и расти, будет иметь ключевое значение для обеспечения устойчивого процветания в ближайшие годы. Это также будет иметь важнейшее значение для успеха Узбекистана в прохождении двойного перехода – цифровизации и декарбонизации. Настоящий отчет объединяет в себе недавние аналитические материалы ОЭСР по ключевым вопросам делового климата в стране для того, чтобы сосредоточить внимание лиц, ответственных за разработку политики, на наиболее актуальных вопросах, стоящих перед бизнес-сообществом страны.

Содержание отчета основывается на данных, полученных в результате опроса международных, в первую очередь европейских, компаний, работающих в Узбекистане. Указанный опрос дал возможность оценить настроения среди небольшой когорты международных компаний того типа, который правительство активно стремится привлечь в страну. Опасения, замечания и положительные оценки, полученные в ходе опроса, в основном совпадают с результатами анализа ОЭСР по вопросам делового климата в Узбекистане.

Выражение признательности

Отчет подготовлен Отделом Евразия ОЭСР Секретариата международных связей и сотрудничества ОЭСР под руководством г-на Уильяма Томпсона, руководителя Отдела Евразия ОЭСР, а также г-на Грегори Леконта, руководителя подразделения Центральная Азия. Подготовка отчета осуществлена в рамках Программы ОЭСР по повышению конкурентоспособности стран Евразии, которая является компонентом Инициативы ОЭСР по странам Центральной Азии. Работа над отчетом финансировалась Европейским союзом (ЕС).

Отчет был подготовлен г-ном Люком Маклом, аналитиком по вопросам экономической политики, Отдел Евразия ОЭСР. Значительную помощь при составлении статистических данных и редактировании отчета оказал г-н Хьюго Бризбард, младший аналитик по вопросам экономической политики, Отдел Евразия ОЭСР. Содержательные комментарии к отчету были представлены г-жой Пелин Атамер, руководителем программы, г-жой Амели Шурич-Рей и г-жой Селест Лапорт, аналитиками по вопросам экономической политики, Отдел Евразия ОЭСР. Ценную поддержку при редактировании и публикации отчета также оказала г-жа Элиза Ларракоэчеа, а эффективное администрирование проекта обеспечила г-жа Анна Чахтахински, обе из Отдела Евразия ОЭСР.

Отчет основан на опросе частных предприятий и организаций частного сектора Узбекистана, и ОЭСР выражает благодарность каждому предприятию и организации за их участие. ОЭСР также благодарна ряду партнеров по развитию, которые поделились своими комментариями и мнениями по поводу опроса и его результатов.

ОЭСР хотела бы поблагодарить коллег из Представительства Европейского союза в Узбекистане за их поддержку в подготовке отчета. В частности, ОЭСР выражает благодарность г-же Шарлотте Адриан, послу ЕС в Республике Узбекистан, г-ну Виму Риепме, руководителю отдела сотрудничества, и г-ну Эльбеку Ходжаеву, руководителю проектов, оба из Представительства ЕС в Республике Узбекистан. ОЭСР также хотела бы поблагодарить г-жу Сару Ринальди, руководителя отдела Генерального директората по международным партнерствам Европейской комиссии, за оказанную поддержку.

Содержание

Предисловие	3
Выражение признательности	4
Сводная пояснительная записка	8
1 Введение	13
1.1. Введение	14
Список литературы	17
2 Трансформация и структурное изменение экономики Узбекистана	19
2.1. Развитие частного сектора в условиях застоя структурных преобразований	20
2.2. Рост, торговля и инвестиции: актуальные экономические тенденции для развития частного сектора	25
Список литературы	31
3 Методология и результаты опроса	33
3.1. Введение	34
3.2. Методология и проведение опроса	34
3.3. Общие наблюдения касательно экономических показателей в Узбекистане и недавно принятых мерах экономической поддержки	37
Список литературы	41
4 Упрощение процедур торговли и интернационализация предприятий в Узбекистане	43
4.1. Результаты опроса и обзорный анализ	44
4.2. Правительство реализует ряд реформ нормативно-правовой базы, направленных на поддержку интернационализации предприятий	47
Список литературы	55
5 Преобразование нормативно-правовой среды для ведения бизнеса в Узбекистане	57
5.1. Результаты опроса и обзорный анализ	58
5.2. Правительство осуществляет широкий комплекс реформ нормативно-правовой базы для поддержки развития частного сектора и привлечения иностранных инвесторов	61
5.3. Для устранения фактических барьеров для инвестиций необходимы сопутствующие реформы, направленные на защиту конкуренции	68
Список литературы	70

6 Навыки и инфраструктура для цифровизации частного сектора

73

Список литературы

84

Рисунки

Рисунок 2.1. Добавленная стоимость в сельском хозяйстве, промышленности и секторе услуг (% от ВВП)	20
Рисунок 2.2. Добавленная стоимость на одного работника и показатели занятости в различных секторах, 2020 г. (в UZS)	21
Рисунок 2.3. Динамика развития бизнеса в Узбекистане	22
Рисунок 2.4. Доля МСП в торговле, ВВП и занятости (2000–2021 гг.)	23
Рисунок 2.5. Реальный рост ВВП и факторы роста	26
Рисунок 2.6. Интенсивность выбросов CO ₂ и энергоёмкость экономики Узбекистана	28
Рисунок 2.7. Структура торговли: экспортная корзина и партнеры	29
Рисунок 2.8. Прямые иностранные инвестиции в Узбекистане	30
Рисунок 3.1. Статистические данные компаний-респондентов	36
Рисунок 3.2. Эффективность мер правительства против пандемии COVID-19 по мнению респондентов	38
Рисунок 3.3. Реакции компаний на военную агрессию России и оценка правительственных мер	39
Рисунок 4.1. Структура торговли (по стоимости)	46
Рисунок 4.2. Динамика развития компаний в секторах экономики, связанных с внешней торговлей	47
Рисунок 4.3. Узбекистан в Индикаторах упрощения процедур торговли ОЭСР, 2017–2022 гг.	51
Рисунок 4.4. Упрощение процедур торговли в сравнении с международными стандартами, 2022 г.	52
Рисунок 5.1. Оценка предприятиями реформ и недавно достигнутого прогресса в Узбекистане	59
Рисунок 5.2. Индекс регуляторных ограничений ПИИ, разработанный ОЭСР: Узбекистан (2020)	66
Рисунок 5.3. Индекс регуляторных ограничений ПИИ, разработанный ОЭСР: Секторальные ограничения в Узбекистане (2020)	67
Рисунок 6.1. Стоимость фиксированной широкополосной связи как процент от ВНД (2021)	77
Рисунок 6.2. Региональная инфраструктура связи и экономическое развитие (2021)	77
Рисунок 6.3. Инвестиции в ИКТ: Узбекистан в международном контексте	78
Рисунок 6.4. Воздействие избранных мер в области политики на повышение продуктивности	79
Рисунок 6.5. Обзор цифровых навыков: Узбекистан, Казахстан и средний показатель по ОЭСР	81
Рисунок 6.6. Цифровые навыки по категориям: Узбекистан, Казахстан и средний показатель по ОЭСР (2019)	82
Рисунок 6.7. Гендерные различия и разрыв в цифровых навыках: Узбекистан, Казахстан и средний показатель по ОЭСР (2019 г., в процентных пунктах)	83

Таблицы

Таблица 5.1. Введение в законодательство и политику Узбекистана в отношении конкуренции: обзор рекомендаций:	89
--	----

Блоки

Вставка 4.1. Индикаторы упрощения процедур торговли ОЭСР	50
Вставка 5.1. <i>Закон об инвестициях и инвестиционной деятельности от 2020 г.</i>	65
Вставка 6.1. «Цифровой Узбекистан – 2030»	75

Follow OECD Publications on:

<https://twitter.com/OECD>

<https://www.facebook.com/theOECD>

<https://www.linkedin.com/company/organisation-eco-cooperation-development-organisation-cooperation-developpement-eco/>

<https://www.youtube.com/user/OECDiLibrary>

<https://www.oecd.org/newsletters/>

Сводная пояснительная записка

Узбекистан приступил к реализации широкомасштабной программы экономических реформ, однако многое еще предстоит сделать

С момента начала широкомасштабной программы реформирования в 2017 году Узбекистан добился значительных успехов в области создания рамочных условий для формирования конкурентоспособного частного сектора. В первые десятилетия независимости развитие Узбекистана было главным образом обусловлено государственной моделью индустриализации, при которой государственные предприятия преобладали в большинстве секторов экономики, а роль международной торговли и частного сектора была в значительной мере ограничена. Хотя макроэкономические показатели страны были относительно высокими, подобная модель развития препятствовала перераспределению человеческого и основного капитала, необходимого для проведения структурных преобразований. По мере ускорения процесса реализации реформ в 2017 году правительство приложило значительные усилия, чтобы уменьшить непосредственную роль государства в экономике и позволить частному сектору принимать более активное участие в экономическом развитии страны.

Шаги, предпринятые правительством в последние годы, способствуют повышению социально-экономической устойчивости и открытию экономики для новых инвестиций, технологий и идей. После кризиса COVID-19 Узбекистан вышел на относительно сильные позиции, а по состоянию на весну 2023 года влияние войны России в Украине ослабло. Устойчивость страны перед лицом внешних потрясений последнего времени свидетельствует об осторожной и гибкой политике властей, а также о том, что страна смогла извлечь выгоду из роста мировых цен на ключевые экспортные товары, такие как золото. Повышение уровня инвестиций, возобновление переговоров о вступлении во Всемирную торговую организацию, либерализация регулирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и реформы в широком спектре политических областей указывают на то, что страна движется к более инклюзивной и устойчивой модели развития.

Тем не менее, Узбекистан остается на относительно ранней стадии пути к открытой и конкурентоспособной рыночной экономике, и по-прежнему сталкивается с рядом проблем, которые препятствуют развитию частного предпринимательства. Вместо того, чтобы быть движущей силой экономического роста, правительство постепенно начинает пересматривать свою роль в экономическом развитии в сторону содействия развитию частного сектора и инвестициям, например, путем улучшения рамочных условий необходимых для предпринимательства, таких как навыки, доступ к финансированию, инфраструктура и т. д. Рационализация роли государства в экономике страны и устранение дисбалансов, связанных с конкуренцией, которые могли быть

обусловлены его исторической ролью, являются ключевыми вопросами, которые решаются во многих мерах государственной политики, направленной на поддержку развития частного сектора.

Текущие реформы, направленные на поддержку предпринимательства и инвестиций, могут улучшить показатели роста и производительности

ОЭСР провела опрос ряда частных предприятий в Узбекистане, чтобы оценить отношение деловых кругов к текущему процессу реформ, проводимых правительством, и помочь определить возможности и проблемы в деловом климате. Данный опрос проводился в небольшом масштабе, однако он был целенаправленным и был нацелен в первую очередь на иностранные предприятия, работающие в Узбекистане, а также на ряд деловых и торговых организаций. Респондентам было предложено высказать свое мнение касательно прогресса, достигнутого страной в реализации стратегии реформирования, и проблем, с которыми они сталкиваются на этом пути, выделить вопросы в области экономической политики, которые они считают наиболее приоритетными, высказать свое мнение о влиянии войны России в Украине и пандемии COVID-19 на ведение бизнеса в Узбекистане, а также поделиться своими мыслями об экономической политике в области поддержки частного сектора в контексте перехода к цифровым и зеленым технологиям.

Полученные результаты позволили выделить три основных приоритетных направления. Во-первых, респонденты подчеркнули важность упрощения процедур трансграничной торговли, при этом лишь несколько предприятий заявили о значительном успехе в области упрощения процедур торговли за последние пять лет. В то время как респонденты признали значительные усилия, предпринимаемые правительством для улучшения нормативно-правовой среды для деятельности предприятий, они также подчеркнули необходимость дополнительных мер экономической политики, направленных на защиту конкуренции, которые позволили бы предприятиям свободно выходить на рынок и конкурировать между собой на равных условиях. Наконец, несмотря на высокую оценку возможностей, которые предоставляет цифровизация в Узбекистане, предприятия отметили необходимость увеличения инвестиций в инфраструктуру связи и развитие цифровых навыков.

Упрощение процедур торговли позволит предприятиям выйти на международный уровень и укрепить позиции Узбекистана в качестве регионального торгового центра

Значительная часть респондентов отметила важность рыночных возможностей – как внутренних, так и региональных – в качестве фактора, влияющего на их решения о выходе на рынок Узбекистана. Предприятия положительно оценили ряд областей, в которых действия правительства способствовали упрощению процедур международной торговли, в частности либерализацию обменного курса и ослабление валютных ограничений. Тем не менее, значительное число предприятий отметили сохранение узких мест и сбоев в логистике, из-за которых практическая реализация процедур международной торговли замедляется и влечет за собой дополнительные расходы. Некоторые из этих сбоев были краткосрочными, связанными с войной России в Украине и пандемией COVID-19, однако результаты опроса в целом свидетельствуют об отсутствии удовлетворенности общими темпами реализации реформ по упрощению процедур торговли.

Обеспечение того, чтобы предприятия, стремящиеся выйти на рынок, могли беспрепятственно осуществлять торговую деятельность, а местные МСП могли интегрироваться в потенциальные новые производственно-сбытовые цепочки, повышает

важность упрощения процедур торговли и поощрения экспорта. Правительство Узбекистана давно осознало важность реформ, направленных на упрощение процедур торговли, облегчающих местным МСП доступ к международной торговле и конкуренцию за рубежом. Несмотря на то что Индикаторы упрощения процедур торговли (ИУПТ) ОЭСР свидетельствуют о том, что Узбекистан постепенно совершенствует свою систему содействия торговле, остается значительный разрыв со средними показателями по ОЭСР, который мог бы быть сокращен за счет разработки и реализации целенаправленных мер в области экономической политики. Дополнительная целевая поддержка, направленная на поддержку выхода МСП на зарубежные рынки и повышение их осведомленности о потребностях этих рынков, также может в значительной мере способствовать интернационализации частного сектора.

Реформы, направленные на защиту конкуренции, усилят преимущества реформ, открывших страну для потока иностранных инвестиций

Предприятия в целом оценили деловой климат в Узбекистане как «благоприятный» и отметили очевидный прогресс по большинству показателей, затронутых в ходе опроса. Респонденты положительно отозвались об усилиях, направленных на упрощение процедур регистрации и лицензирования бизнеса. Многие из препятствий, которые оказались наиболее проблематичными, были связаны с созданием равных условий для государственных и частных предприятий, при этом политика в области защиты конкуренции и обеспечения исполнения контрактов представляли собой отдельную проблему. По каждому из субпоказателей политики, направленной на защиту конкуренции, большинство респондентов отметили, что они находятся на низком уровне (институциональная основа конкурентной политики – 52 %; контроль концентрации – 54 %; меры по борьбе с картелями и сговорами – 57 %; контроль рыночного доминирования и монопольной практики – 67 %).

Дополнительные реформы, направленные на защиту конкуренции, позволят обеспечить возможности для развития частного сектора в условиях либерализации нормативно-правовой базы для бизнеса и инвестиций. Обеспокоенность предприятий вопросами защиты конкуренции контрастирует с положительной оценкой прогресса реформ в других областях, и эта озабоченность возникает на фоне большого количества институциональных изменений, которые были осуществлены именно для того, чтобы уравнять правила игры для представителей частного сектора. То, что предприятия еще не ощутили преимущества этих правовых реформ, говорит о проблемах с реализацией, масштабах проведенных на данный момент правовых реформ и сложном спектре смежных реформ (например, по вопросам, связанным с земельным рынком и рынком факторов производства, акционированием и приватизацией государственных активов), которые необходимы для выравнивания условий игры между государственными и частными предприятиями.

Для обеспечения экономической конкурентоспособности и инклюзивности в будущем требуются новые навыки и значительные инвестиции в инфраструктуру связи и цифровые технологии

Респонденты с энтузиазмом восприняли возможности для бизнеса, связанные с цифровой трансформацией Узбекистана. Значительное большинство опрошенных сообщили, что цифровизация открывает для них новые возможности в стране, и многие из них уже внедрили расширенные цифровые инструменты, такие как программное обеспечение для управления взаимоотношениями с клиентами и услуги облачных вычислений. Предприятия также положительно оценили усилия правительства, направленные на внедрение цифровых технологий

для совершенствования процесса предоставления государственных услуг. Тем не менее респонденты также отметили ряд проблем, сдерживающих внедрение и использование цифровых инструментов на уровне предприятий.

Узбекистану требуются значительные инвестиции в инфраструктуру связи и цифровые технологии, а также в навыки, которые нужны предприятиям для извлечения максимальной выгоды из возможностей, предоставляемых цифровизацией. В то время как цены на услуги фиксированной широкополосной связи в Узбекистане являются относительно высокими, стоимость доступа приближается к среднему показателю по ОЭСР и целевому показателю 2 % от ВВП, установленному в Целях в области устойчивого развития. Однако качество доступа сильно различается в отдельных регионах страны, в то время как инвестиции в информационные и коммуникационные технологии (как доля от общего объема инвестиций), необходимые для максимального использования расширенной инфраструктуры связи, остаются намного ниже среднего показателя по ОЭСР. Правительству следует активизировать усилия, направленные на удовлетворение потребностей предприятий в цифровых навыках и информирование их о возможностях, предоставляемых цифровыми технологиями с точки зрения производства и инноваций.

Освобождение частного сектора позволит ускорить путь Узбекистана к формированию процветающей и конкурентоспособной экономики

Узбекистан имеет прочную основу для долгосрочного устойчивого роста. Узбекистан – густонаселенная, предприимчивая и богатая природными ресурсами страна, а ее правительство привержено амбициозной программе систематических и всеобъемлющих реформ. Успехи, достигнутые Узбекистаном с 2017 года, являются впечатляющими, однако для проведения значимых структурных реформ, в условиях, когда частный сектор играет все более важную роль в экономическом развитии, в предстоящие годы Узбекистану необходимо будет решить более сложные задачи. Во многих областях, затронутых в данном отчете, процесс реализации реформ будет более сложной задачей по сравнению с их разработкой и потребует творческого подхода, новых возможностей и политической воли со стороны правительства и государственных учреждений. Переход к «зеленым» и цифровым технологиям сопряжен с дополнительными вызовами, с которыми правительству придется столкнуться в ходе реализации разработанной программы реформ, однако они в то же время открывают огромные возможности для Узбекистана, если стране удастся освободить частный сектор от ограничений, которые создавали преграды для осуществления предпринимательской деятельности в прошлом.

1 Введение

Устранение барьеров на пути развития частного сектора уже давно является целью правительства Узбекистана: в 2017 г. в стране началась реализация масштабной программы реформ, предусматривающей удвоение усилий, направленных на увеличение количества конкурентоспособных и производительных частных компаний. Узбекистану необходим более динамичный и инновационный частный сектор для того, чтобы отвечать на вызовы и использовать возможности зеленого и цифрового переходов, которые создадут новый импульс для ускорения указанных реформ. Опрос частного сектора в Узбекистане предоставил возможность собрать новые ценные сведения о восприятии компаниями текущего процесса реформ и перенаправить внимание лиц, ответственных за разработку политики, на некоторые из наиболее актуальных вопросов.

1.1. Введение

Узбекистан является второй по величине экономикой Центральной Азии, и правительство стремится достичь статуса страны с уровнем дохода выше среднего к 2030 г. Страна является густонаселенной, дважды замкнутой сушей, обладает значительными природными ресурсами и имеет предприимчивый, хотя и ограниченный, частный сектор. До начала широкомасштабной и амбициозной программы реформирования в 2017 г. рост в стране после обретения независимости в 1991 г. был обусловлен в основном государственными инвестициями и индустриализацией, при этом международная торговля и развитие частного сектора были существенно ограничены. С начала процесса реформ правительство приложило значительные усилия, чтобы уменьшить роль государства в экономике и позволить частному сектору играть более активную роль в экономическом развитии.

После кризиса COVID-19 Узбекистан вышел на относительно сильные позиции, а по состоянию на весну 2023 г. влияние войны России в Украине ослабло. В 2022 г. экономика выросла на 5,3 % по сравнению с 7,4 % в предыдущем году (World Bank, 2022^[1]). Устойчивость страны перед лицом серьезных экономических потрясений последнего времени свидетельствует об осторожной и гибкой политике властей, а также о том, что страна смогла извлечь выгоду из роста мировых цен на ключевые экспортные товары, такие как золото. Тем не менее перспективы роста остаются неопределенными: продолжение войны России в Украине и связанное с этим потенциальное воздействие дальнейших санкций на торговлю Узбекистана, сохраняющаяся высокая внутренняя инфляция и ужесточение глобальных финансовых условий – все это создает сложную ситуацию в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

На устойчивость экономики Узбекистана продолжает негативно влиять относительно слабо развитый частный сектор. Понимание проблем, которые мешают частному сектору инвестировать, нанимать персонал и расти, будет иметь ключевое значение для повышения устойчивости страны в ближайшие годы. Это также будет иметь определяющее значение для успеха Узбекистана в прохождении двойного перехода – цифровизации и декарбонизации. Настоящий отчет объединяет в себе недавние аналитические материалы ОЭСР по ключевым вопросам делового климата в стране для того, чтобы сосредоточить внимание лиц, ответственных за разработку политики, на наиболее актуальных вопросах, стоящих перед бизнес-сообществом страны.

Содержание отчета определяется на основе опроса международных, в первую очередь европейских, компаний, работающих в Узбекистане. Указанный опрос дал возможность оценить настроения среди небольшой когорты международных компаний того типа, который правительство активно стремится привлечь в страну. Опасения, замечания и положительные оценки, полученные в ходе опроса, в основном совпадают с результатами анализа ОЭСР по вопросам делового климата в Узбекистане.

1.1.1. Глобальный экономический контент претерпевает значительные изменения

Правительство должно решать проблемы частного сектора в стране в глобальном экономическом контексте, который претерпевает значительные изменения, что влияет на направление, скорость и обоснованность реформ в Узбекистане. Глобальное стремление к более устойчивым способам производства и организации экономики меняет роль, которую правительства требуют от частного сектора в экономике. Теперь обоснование не ограничивается созданием рабочих мест и повышением производительности; компании также должны стать движущей силой перехода к декарбонизации, инвестируя в технологии, знания и инфраструктуру, необходимые для решения климатических проблем. Взаимосвязанность мировой торговли и

постепенное внедрение таких мер как Европейский механизм пограничной углеродной корректировки, также свидетельствуют о связи между устойчивостью промышленности Узбекистана и его будущей конкурентоспособностью.

Цифровая трансформация глобальной экономики меняет то, как, что и где происходит в производстве и организации бизнеса. Цифровизация имеет большие потенциальные преимущества для Узбекистана, например, создание возможностей для роста производительности и инноваций в государственном и частном секторах или повышение эффективности государственных услуг и прозрачности. Как и переход к устойчивому развитию, цифровизация имеет серьезные последствия для инклюзивности, поскольку возможность воспользоваться преимуществами цифровых технологий – будь то на уровне отдельного человека или компании – зависит от доступа к знаниям, технологиям и навыкам, необходимым для их использования.

1.1.2. Улучшение делового климата является ключевым фактором, влияющим на способность Узбекистана справиться с двойным переходом.

Способность частного сектора использовать возможности двойного перехода – цифровизации и экологической устойчивости – заметно ограничивается существующими недостатками делового климата. Тот факт, что улучшение делового климата является столь давней, но нереализованной амбицией правительства Узбекистана, свидетельствует о сложности данной задачи. Хороший деловой климат в действительности является сложной взаимосвязью множества различных областей политики с различными обязанностями и обоснованиями для принятия практических мер. Поэтому одной из главных задач является обеспечение того, чтобы лица, ответственные за различные области политики – конкуренция, фискальная политика, инвестиции, образование, окружающая среда, труд – двигались в одном направлении. Слабость в одной из них, например, в области конкуренции, может свести на нет самые успешные усилия в других.

Предоставление частному сектору возможности внести значимый вклад в повышение конкурентоспособности, устойчивости и стабильности требует устранения многочисленных барьеров для ведения бизнеса, сохраняющихся в Узбекистане. Кроме того, в контексте двойного перехода к устойчивому развитию и цифровизации частный сектор нуждается в дополнительном вкладе и поддержке со стороны лиц, ответственных за разработку политики. Поэтому текущий процесс реформ для поддержки развития частного сектора и инвестиций, проводимый с 2017 г., должен идти в тандеме с политикой, поддерживающей способность частного сектора вносить вклад в достижение ряда комплексных целей устойчивого развития.

ОЭСР была проведена масштабная работа над вопросами политики, касающимися текущих реформ по поддержке национального и международного частного сектора в Узбекистане (см., например, отчет ОЭСР от 2019 г. под названием «*Совершенствование правовой среды предпринимательства и инвестиционной деятельности в странах Центральной Азии*» и отчет от 2022 г. под названием «*Введение в законодательство и политику в области конкуренции в Узбекистане*»), а также в сфере анализа влияния глобальных шоков на экономику Узбекистана и Центральной Азии (см., например, отчет от 2021 г. под названием «*Период после COVID-19: перспективы экономического восстановления в Центральной Азии*» и отчет от 2022 г. под названием «*Преодоление экономических бурь в Центральной Азии: первые последствия войны в Украине*») (OECD, 2022^[2]) (OECD, 2022^[3]) (OECD, 2021^[4]) (OECD, 2019^[5]). ОЭСР также была проведена большая работа по изучению того, как эти переходные процессы влияют на страны Центральной Азии, например, в рамках недавней работы по цифровым навыкам в Узбекистане или анализа проблем в области потребностей устойчивой инфраструктуры для декарбонизации экономики (OECD, 2023^[6]) (OECD, 2019^[7]).

1.1.3. Результаты опроса перекликаются с результатами анализа ОЭСР по вопросам делового климата в Узбекистане

Настоящий отчет использует результаты опроса частного сектора, чтобы пролить свет на некоторые ключевые вопросы делового климата в Узбекистане. Опрос являлся небольшим, но содержательным и охватил 52 компании, работающих в Узбекистане, большинство из которых полностью или частично принадлежат компаниям из Европейского Союза. Опрос предоставил возможность собрать мнения из первых рук на уровне отдельных компаний по вопросам политики, касающимся делового климата и развития частного сектора в Узбекистане. Результаты опроса во многом совпадают с результатами предыдущей работы ОЭСР по вопросам делового климата в Узбекистане и подтверждают необходимость прогресса реформ в ряде областей:

- **Дополнительные реформы для поддержки упрощения процедур торговли и содействия экспорту помогут развитию частного сектора страны, ориентированного на международную деятельность.** Тот факт, что одним из аспектов решений инвесторов о приходе в Узбекистан является поиск новых рынков, подчеркивает важность реформ, способствующих развитию торговли, как внутри страны, так и между Узбекистаном и его соседями. Аналогичным образом, дополнительная поддержка МСП страны может помочь им в поиске новых рынков за границей и выходе на них.
- **Компании положительно оценивают направление реформ по поддержке делового климата, но им требуются дополнительные реформы, направленные на защиту конкуренции, чтобы извлечь выгоду из процесса либерализации в стране.** Респонденты признают значительный прогресс за последние пять лет в решении некоторых проблем, которые долгое время мешали местному деловому климату, в частности, связанных с лицензированием и регистрацией. В то же время компании сообщают, что остаются значительные проблемы, связанные с ключевыми аспектами делового климата, особенно в областях, связанных с антимонопольной политикой и ее реализацией.
- **Респонденты оптимистично оценивают возможности, которые открывает цифровизация в Узбекистане, однако цифровизация частного сектора сдерживается недостаточными инвестициями в инфраструктуру и развитием навыков.** Большое количество респондентов сообщают, что они внедрили и используют цифровые технологии, но отмечают, что возможности цифровой экономики уменьшаются из-за недостаточного развития инфраструктуры связи, низкого уровня инвестиций в информационно-коммуникационные технологии, а также недостаточно высокого уровня цифровых навыков у работников.

В ходе опроса возникла также и четвертая тема, которая, хотя и не рассматривается непосредственно в данном отчете, создает важный дополнительный контекст для других рассматриваемых областей. Ответы в рамках ОДК свидетельствуют о том, что компании в Узбекистане осознают возможности и проблемы, связанные с переходом к устойчивому развитию. Относительное большинство сообщают об активном внедрении новых технологий и операций для снижения углеродного следа и поддержки заявленных правительством амбиций в области изменения климата и устойчивого развития. В то же время большинство компаний отмечают, что политическая поддержка зеленого перехода остается недостаточной, причем большинство призывает к увеличению инвестиций в устойчивую инфраструктуру, улучшению экологических стандартов и усилению финансовых стимулов для внедрения более экологических практик в компаниях.

Взяты вместе, эти выводы обеспечивают важный контекст для текущей работы ОЭСР по поддержке улучшения делового климата в Узбекистане и помогают подтвердить и обосновать акцент, сделанный ОЭСР на ряде приоритетных областей реформ для узбекских властей. Это включает в себя важность улучшения как материальной, так и нематериальной инфраструктуры,

необходимой для торговли внутри Узбекистана и между ним и его соседями по региону; важность решения неизменно сложных вопросов, связанных с конкуренцией и обеспечением соблюдения нормативных требований; а также важность инвестиций в инфраструктуру и навыки, необходимые для того, чтобы компании могли не просто быть объектами цифрового и зеленого переходов, а быть активными участниками этих структурных изменений и извлекать из них выгоду.

1.1.4. Обзор отчета

В Главе 2 представлены ключевые аспекты экономического контекста с освещением последних тенденций в политике и производительности и обсуждением их последствий для долгосрочного роста. Далее в Главе 3 приводится введение в опрос и некоторые общие наблюдения.

Каждая из остальных глав отчета посвящена одному из трех ключевых вопросов, указанных выше, и опирается как на результаты опроса, так и на дополнительный анализ ОЭСР по каждому из указанных вопросов. В Главе 4 представлено краткое обсуждение вопросов, связанных с содействием торговле и продвижением экспорта. В Главе 5 приводится краткий обзор текущего процесса реформирования нормативно-правовой базы, в котором выделяется ряд сохраняющихся проблем, связанных с конкуренцией. В Главе 6 рассматривается вопрос цифровой инфраструктуры и навыков для конкурентоспособности частного сектора.

Список литературы

- OECD (2023), *Digital Skills for Private Sector Competitiveness: Peer Review of Uzbekistan*, OECD Eurasia Policy Insights, OECD Publishing, Paris. [6]
- OECD (2022), *An Introduction to Competition Law and Policy in Uzbekistan*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/daf/competition/an-introduction-to-competition-law-and-policy-in-uzbekistan.pdf>. [3]
- OECD (2022), *Weathering Economic Storms in Central Asia*, OECD Publishing, <https://www.oecd.org/publications/weathering-economic-storms-in-central-asia-83348924-en.htm>. [2]
- OECD (2021), *Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/Beyond_COVID%2019_Central%20Asia.pdf. [4]
- OECD (2019), *Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/Improving-LEB-CA-ENG%2020%20April.pdf>. [5]
- OECD (2019), *Uzbekistan, Sustainable Infrastructure for Low-Carbon Development in Central Asia and the Caucasus*, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd-ilibrary.org/environment/sustainable-infrastructure-for-low-carbon-development-in-central-asia-and-the-caucasus_d1aa6ae9-en. [7]
- World Bank (2022), *Europe and Central Asia Economic Update: Social Protection for Recovery*, World Bank, DC, <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>. [1]

2 Трансформация и структурное изменение экономики Узбекистана

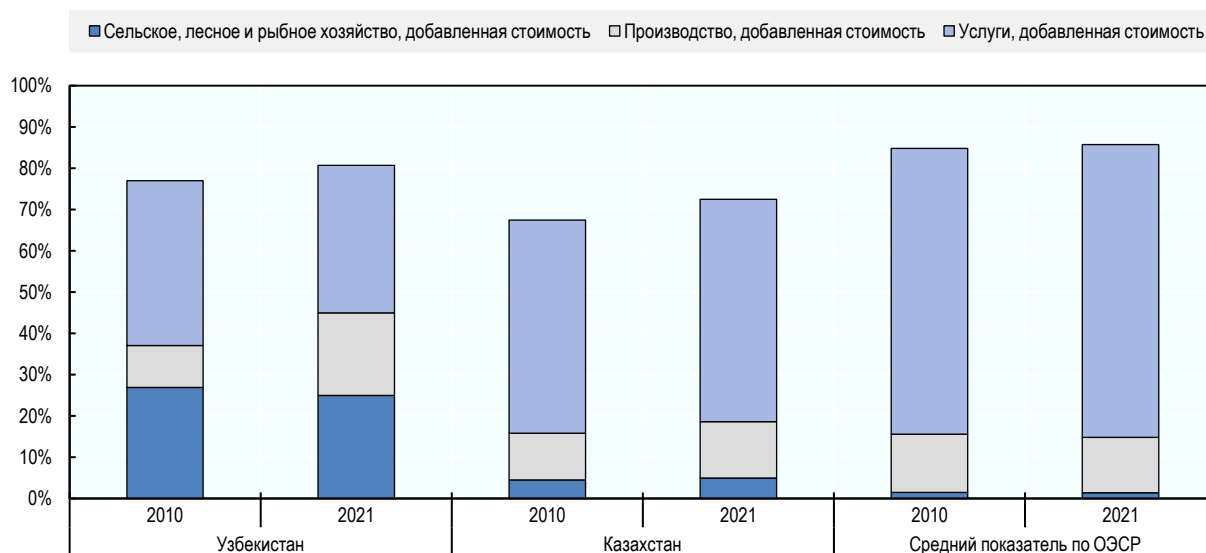
В 2017 г. правительство Узбекистана приступило к реализации широкомасштабной программы реформ, направленной на ускорение перехода к открытой рыночной экономике. В настоящий момент страна находится на пути к укреплению своих экономических и бюджетных позиций, однако успех этих стратегических амбиций зависит от решения давних проблем, связанных с деловым климатом. Решение этих проблем также имеет решающее значение для обеспечения более широких структурных преобразований в экономике страны, которые, хотя и были инициированы в середине 1990-х гг., все еще находятся на относительно ранней стадии реализации.

2.1. Развитие частного сектора в условиях застоя структурных преобразований

Структурные преобразования в экономике Узбекистана, начавшиеся в 1991 г., остаются на относительно ранней стадии реализации. Это во многом обусловлено ограниченными успехами в перенаправлении ресурсов – человеческих и капитальных – из исторически важных отраслей, характеризующихся низким уровнем создания рабочих мест и производительности, на новые, более продуктивные виды деятельности. Хотя добавленная стоимость в сельском хозяйстве в процентах от ВВП снизилась с 27 % в 2010 г. до 25 % в 2021 г., она остается самой высокой в Центральной Азии и значительно выше, чем в Казахстане (5 %) и в среднем по ОЭСР (1 %). Напротив, добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности за тот же период удвоилась с 10 % до 20 % ВВП, что выше, чем в Казахстане (14 %) и в среднем по ОЭСР (13 %) (Рисунок 2.1).

Рисунок 2.1. Добавленная стоимость в сельском хозяйстве, промышленности и секторе услуг (% от ВВП)

За последнее десятилетие Узбекистану удалось достичь определенного прогресса в области структурной трансформации

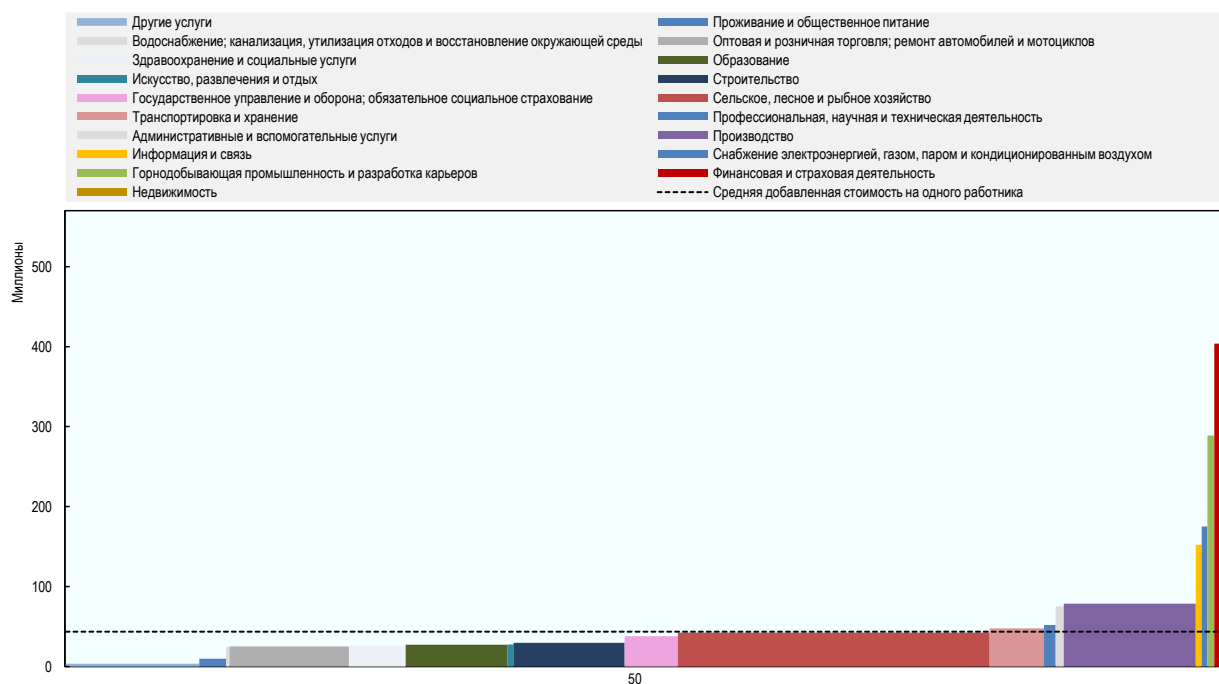
Примечание: добавленная стоимость по отраслям в текущих ценах, выраженных в долларах США
 Источник: (UN, 2023^[1]) (World Bank, 2023^[2])

Удельный вес услуг в создании стоимости остается ограниченным. В 2021 г. добавленная стоимость в секторе услуг составила 35,7 %, что является вторым самым низким показателем в Центральной Азии после Таджикистана (35,3 %) и значительно ниже среднего показателя ОЭСР (71 %). Это ниже аналогичного показателя 2010 г. (40 %) и свидетельствует о расхождении с другой крупной экономикой Центральной Азии – Казахстаном, где доля услуг за тот же период выросла с 52 % до 54 %. Эти цифры показывают, что, хотя недавние усилия по либерализации экономики являются значительными и позитивными шагами, предстоит еще много работы по структурной трансформации страны, в результате которой больше работников будет занято в секторах с более высокой, а не низкой производительностью.

Распределение занятости также свидетельствует о проблемах со структурными изменениями и трудностях в достижении инклюзивного роста. Более 80 % населения заняты в секторах, где производительность труда составляет половину или ниже половины от средней по стране (Рисунок 2.2), хотя сохраняющаяся в Узбекистане высокая степень экономической неформальности – особенно в таких секторах с низкой производительностью, как торговля и сельское хозяйство – может означать, что в действительности в стране больше работников, занятых в секторах с низкой производительностью, чем следует из официальных данных. На сельское хозяйство приходится 27 % общей занятости, а добавленная стоимость на одного работника составляет в среднем 42,5 млн. сумов (около 3780 долларов США); доля сельского хозяйства в занятости является второй по величине в регионе после Таджикистана (46 %) и значительно выше, чем в среднем по ОЭСР (5 %). В то же время на сектора с самым высоким уровнем производительности – деятельность в сфере недвижимости, финансовые и страховые услуги, горнодобывающая промышленность, ИКТ – приходится очень небольшая доля занятости. Задача лиц, ответственных за разработку политики, – обеспечить, чтобы выгоды от высоких макроэкономических показателей страны распределялись в обществе таким образом, чтобы обеспечить инклюзивность и способствовать социальной сплоченности.

Рисунок 2.2. Добавленная стоимость на одного работника и показатели занятости в различных секторах, 2020 г. (в UZS)

На сектора с высокой производительностью приходится небольшая доля от общей занятости

Примечание: горизонтальная ось лежит в диапазоне от 0 до 100 %. Важно отметить, что график не показывает неформальную занятость, которая остается значительной как в Узбекистане, так и в других странах Центральной Азии.

Источник: расчеты ОЭСР на основе (ILO, 2023^[3]) и (UN, 2023^[1])

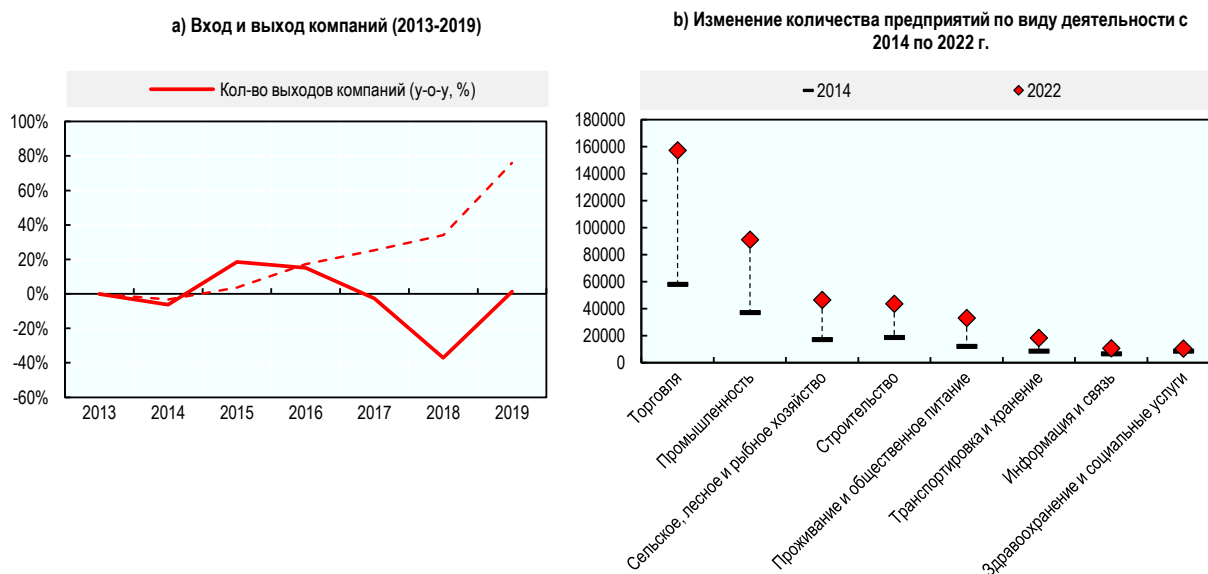
Как и в других экономиках Центральной Азии, существует связь между глубиной и устойчивостью структурных изменений и диверсификацией. В значительной степени расширение сектора услуг Узбекистана – будь то создание рабочих мест в сфере услуг с высокой добавленной стоимостью, таких как финансы, или с низкой добавленной стоимостью, таких как

розничная торговля и гостиничный бизнес – осуществлялось за счет ренты от торговли минеральными ресурсами и труда мигрантов. Это не умаляет успехов в создании высококачественных рабочих мест в секторе услуг в Узбекистане, но подчеркивает связь между диверсификацией и устойчивостью секторов, не связанных с внешней торговлей.

С тех пор как правительством была начата реализация программа либерализации рынка в 2016–2017 гг., динамика развития бизнеса значительно выросла. После нескольких лет относительного застоя в росте количества предприятий, начиная с 2016 г., числа входов предприятий – количества вновь созданных предприятий – начало быстро расти, в особенности в 2018 и последующих годах (Рисунок 2.3). В то же время заметно сократилось число выходов предприятий – ликвидации или банкротства ранее действующих компаний. Тенденции роста числа предприятий были нарушены пандемией COVID-19, и число предприятий, покидающих рынок, резко возросло в 2020-2021 гг., хотя число новых предприятий в течение этого периода продолжало расти. Отрасли, в которых наблюдались самые высокие темпы создания предприятий, включают (розничную) торговлю, промышленность и сельское хозяйство.

Рисунок 2.3. Динамика развития бизнеса в Узбекистане

Темпы роста количества новых предприятий увеличиваются в основном за счет секторов экономики, не связанных с внешней торговлей

Примечание: данные за 2020 г. и 2021 г. были исключены из диаграммы 1 в связи с исключительной частотой выхода (ликвидации) предприятий в этом году, хотя в реальном выражении количество входов (создания) предприятий по-прежнему значительно превышало количество выходов; 2013 = 0. На диаграмме 2 показано изменение числа предприятий по видам экономической деятельности слева направо по горизонтали в зависимости от величины изменения в период с 2014 г. по 2022 г.; данные по категории «другие отрасли» опущены.

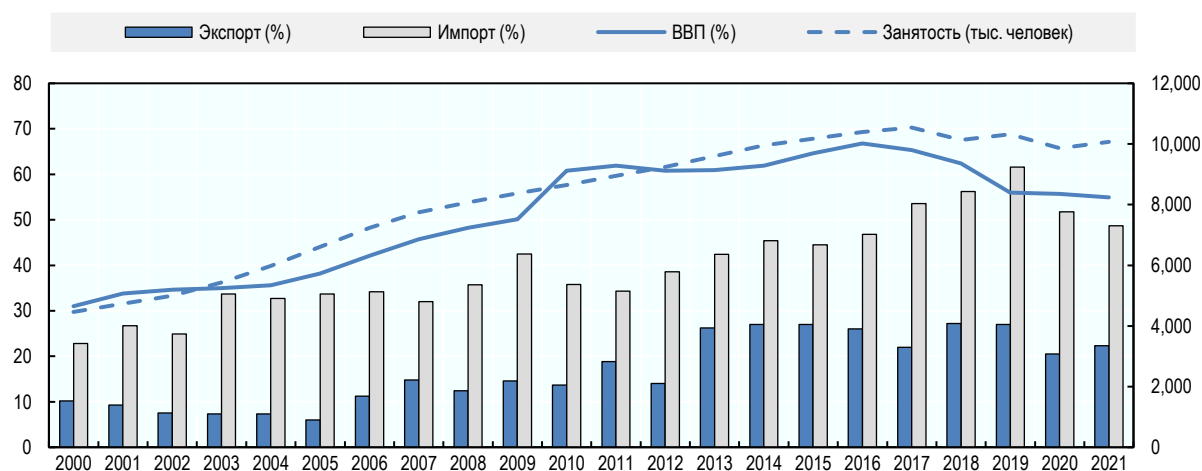
Источник: расчеты ОЭСР на основе данных по предприятиям Узбекистана (The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2023^[4]).

Быстрорастущие предприятия (особенно стартапы), как правило, сосредоточены в секторах услуг, и именно в ряде этих секторов в Узбекистане наблюдаются самые низкие показатели создания предприятий. Тем не менее в целом положительные тенденции в динамике развития бизнеса происходят в контексте обширной программы либерализации рынка, значительная часть которой была направлена на облегчение открытия и закрытия бизнеса. Помимо нормативно-правовой среды, существует ряд факторов, которые могут повлиять на динамику развития бизнеса,

многие из которых важны как для настоящего отчета, так и для других направлений работы ОЭСР в стране: интеграция в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС), доступ к финансированию, профессиональные стандарты и регулирование рынка труда – все они играют определенную роль (OECD, 2021^[5]).

Удельный вес малых и средних предприятий (МСП) и частных предпринимателей в экономике с 2000 г. увеличился. В 2000 г. в МСП было занято 4,5 млн работников, а объем производства МСП составлял 31 % ВВП. К 2021 г. занятость в МСП выросла до 10,1 млн человек, что составляет 86 % от общей занятости, а объем производства МСП составил 54,9 % ВВП. Тем не менее бурно развивающийся сектор МСП не обязательно означает развитие частного сектора, поскольку многие МСП по сути являются государственными предприятиями (ГП), а долю истинно частных компаний по официальной статистике определить затруднительно.

Рисунок 2.4. Доля МСП в торговле, ВВП и занятости (2000–2021 гг.)

Источник: расчеты ОЭСР на основе данных (The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2023^[4])

Вклад МСП в торговлю растет, но интернационализацию компаний сдерживают проблемы производительности. С 2000 г. по 2021 г. доля МСП в импорте удвоилась с 22,8 % до 48,7 %, а их доля в экспорте выросла с 10,2 % до 22,3 % (Рисунок 2.4). Такой исторический дефицит торгового баланса может частично объясняться отраслевым распределением МСП в экономике и уровнем их производительности; при этом многие МСП Узбекистана сосредоточены в секторах с низкой производительностью, что является препятствием для торговли (Melitz, 2003^[6]). Увеличение дефицита в последние годы также может быть связано с тем, что предприятия импортируют большее количество капитальных товаров для обновления и модернизации своих мощностей. По состоянию на 2023 г. остается недостаточно данных о масштабах непрямого экспорта в Россию, т. е. о доле торговли с Россией, в которой Узбекистан выступает в качестве посредника между третьим рынком и Россией. В 2022 г. на МСП приходилось 97,2 % всех предприятий в сельском хозяйстве и 74,9 % – в строительстве, причем эти два сектора характеризуются низким уровнем производительности. Напротив, наиболее значительная доля вновь зарегистрированных МСП в первой половине 2022 г. приходилась на торговлю (36,9 %) и промышленность (18,9 %), что указывает на тенденцию роста количества предприятий в секторах с более высокой производительностью, ориентированных на экспорт.

В Узбекистане наблюдается быстрый демографический рост, что повышает важность создания качественных рабочих мест и инклюзивности рынка труда. Экономика создает в

среднем около 280 000 новых рабочих мест в год, что составляет менее половины от 600 000 новых рабочих мест, необходимых для обеспечения соответствия темпам роста рабочей силы (World Bank, 2019^[7]). После начала войны России в Украине в Узбекистане также наблюдается значительный приток высококвалифицированных российских мигрантов (OECD, 2022^[8]). В отсутствие достаточного количества рабочих мест трудовая миграция, скорее всего, сохранится. Денежные переводы трудовых мигрантов, составляющие 13,3 % ВВП в 2021 г., остаются важной движущей силой потребления домашних хозяйств (особенно продуктов питания), однако их значение для потребления также повышает экономическую уязвимость Узбекистана в случае спадов на ключевых внешних рынках труда, таких как Россия (OECD, 2022^[8]). В то же время уровень урбанизации в Узбекистане остается низким – это признает и правительство. Президентским указом от 2019 г. была установлена цель по достижению уровня урбанизации в размере 60 % к 2030 г. (ILO, 2021^[9]). Людей и капитал обычно притягивают места с большим экономическим потенциалом, но на этот процесс могут влиять барьеры на пути перераспределения земли (например, для строительства более доступного жилья в городских центрах, что является основным препятствием для многих желающих переехать в крупные города), капитала и рабочей силы. Текущие правительственные консультации по отмене системы прописки (система внутренних разрешений на трудовую мобильность, которая исторически была препятствием для внутренней миграции из села в город) могут значительно ослабить ограничения на городскую миграцию (Seitz, 2020^[10]).

Значительного прогресса в процессе трансформации государства из основного производителя экономического продукта в его движущую силу еще предстоит достичь.

Правительство постепенно начинает пересматривать свою роль в экономическом развитии в сторону содействия развитию частного сектора и инвестициям, например, путем улучшения рамочных условий необходимых для предпринимательства, таких как навыки, доступ к финансированию, инфраструктура и т. д. Однако исторически сложилось так, что индустриализация и рост в подавляющем большинстве случаев осуществлялись под руководством государства. Последствия использования этой модели для текущих проблем в области развития частного сектора, весьма значительны. Например, из-за того, что до 2017 г. политика была ориентирована на самообеспечение, экономическое развитие продвигалось через государственные предприятия (ГП), которые, как правило, получали защиту от конкуренции посредством различных привилегий и часто являлись монополистами в своих отраслях. В сельскохозяйственном секторе основное внимание уделялось добыче полезных ископаемых, что мало способствовало повышению производительности труда. Власти начали программу акционирования и приватизации, хотя она находится на ранней стадии реализации.

Доминирование государственных предприятий (ГП) в исторически важных секторах – главным образом, в добыче полезных ископаемых и сельском хозяйстве, а также в ключевых сетевых секторах, стало основным препятствием для структурных преобразований.

На долю ГП Узбекистана, количество которых составляет около 2000, по-прежнему приходится около 50 % ВВП страны, 18 % занятости и 20 % экспорта (World Bank, 2022^[11]). Влияние ГП также значительно различается по регионам, при этом вклад ГП в региональное производство варьируется от 26 % в Наманганской области до 80 % в Навоийской области и Каракалпакстане (Abdullaev, 2020^[12]). Оценки истинного масштаба присутствия государства варьируются, часто в сторону увеличения, в основном из-за трудностей со сбором статистики и классификацией (власти и статистические агентства считают ГП только «государственные унитарные предприятия» со 100-процентной государственной собственностью, скрывая огромное количество компаний с частичной, часто мажоритарной, государственной собственностью, и тем самым занижая истинное присутствие государства в экономике). В отчете Всемирного банка за 2014 г., например, подсчитано, что 37 % рабочей силы было занято на государственных предприятиях, а еще 34 % являлись самозанятыми, что означает, что на долю государственных предприятий приходилось более половины всей оплачиваемой занятости в стране (World Bank, 2014^[13]). Присутствие ГП в банковском секторе является значительным: на

конец 2020 г. на государственные банки приходилось 88 % всех выданных в стране кредитов (World Bank, 2022^[11]). Несмотря на отсутствие ясности, существует общее мнение, что присутствие государства достаточно велико, чтобы вытеснить зарождающиеся рыночные институты на задворки экономики, где их способность формировать социально-экономическую ориентацию Узбекистана будет ограничена (Abdullaev, 2020^[12]).

Взаимодействие между повсеместным присутствием ГП в экономике и структурными преобразованиями является сложным и многогранным. В условиях, когда правительство активно стремится содействовать созданию высококачественных рабочих мест для быстро растущей рабочей силы, широкое присутствие ГП создает огромное количество проблем, которые будут продолжать сдерживать развитие частного сектора: мягкие бюджетные ограничения для ГП влекут за собой неэффективность, ненадлежащее управление действующими предприятиями, субсидии для поддержки услуг, оказываемых по тарифам ниже уровня возмещения затрат и влияние на инвестиции. В совокупности, масштабы присутствия ГП в экономике, ненадлежащее управление и надзор за многими из указанных предприятий, а также расположение указанных ГП в ключевых сетевых секторах – все это делает игровое поле для бизнеса неравным, ограничивая эффективность поощряемых реформ, направленных на улучшение делового и инвестиционного климата в стране.

2.2. Рост, торговля и инвестиции: актуальные экономические тенденции для развития частного сектора

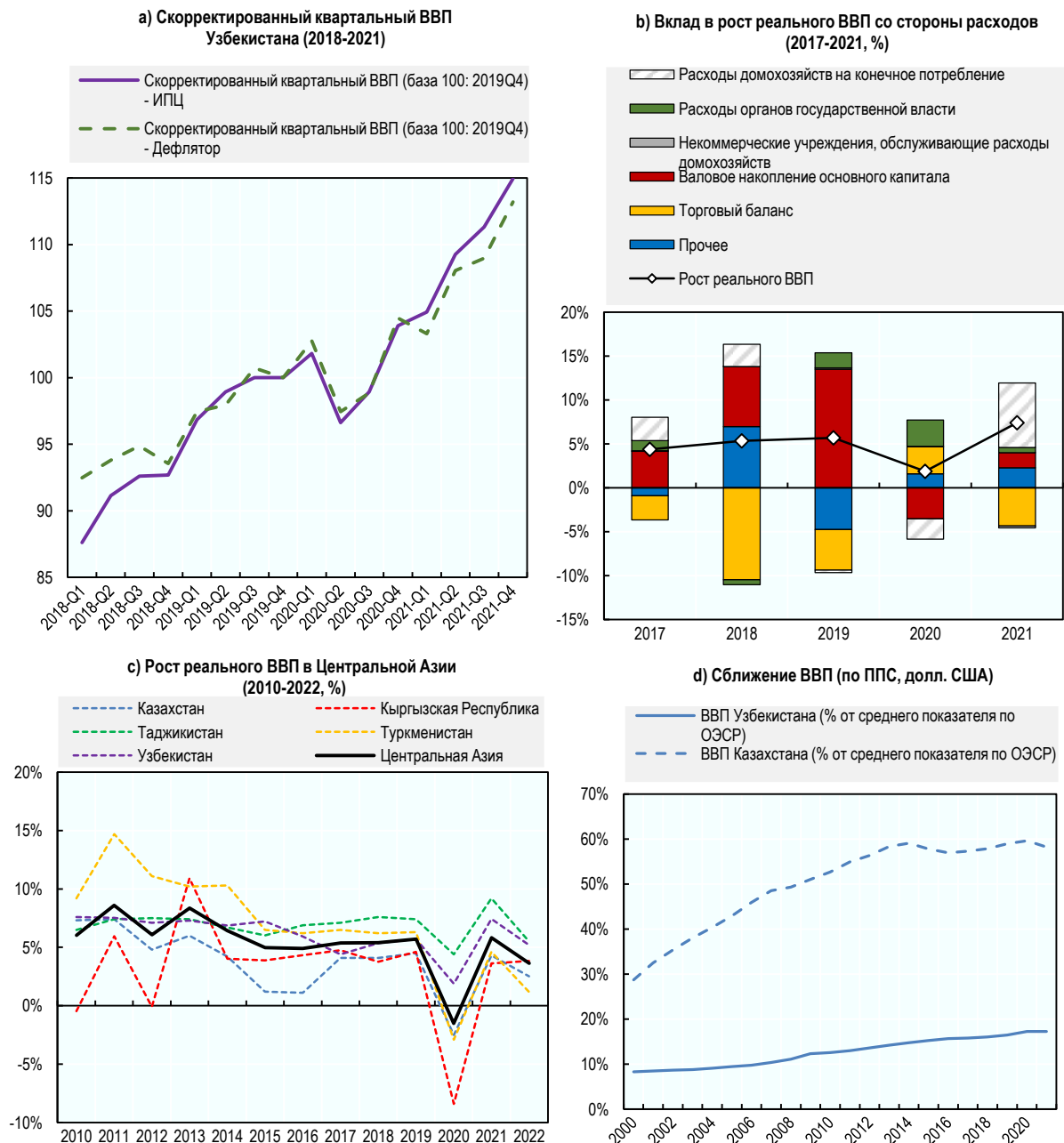
С макроэкономической точки зрения Узбекистан добился значительного прогресса с начала перехода к рыночной экономике в начале 1990-х гг. С момента выхода Узбекистана из постпереходного спада в 1996 г. реальный ВВП Узбекистана рос в среднем на 5,9 % в год, что выше среднего по региону показателя в 5,5 % (World Bank, 2023^[2]). Валовые запасы ПИИ в последнем перед пандемией 2019 г. равнялись 16,6% ВВП, что в четыре раза больше, чем в 2000 г., а чистый приток был равен 3,9% ВВП, что на 680 % и 35 % больше, чем в указанный выше период (UNCTAD, 2023^[14]) (World Bank, 2023^[2]). С 2010 г. по 2021 г. произошел семикратный рост производительности труда, измеряемый в добавленной стоимости на одного работника в млн сумов, а уровень бедности, снижение которого является ключевой амбицией правительства, с 2000 г. снизился на 88 % (измеряется как процент занятых, живущих менее чем на 1,9 доллара США по ППС в день). В 2021 г. уровень безработицы снизился с 10,5 % до 9,4 % – уровня, стабильно существовавшего в Узбекистане в годы, предшествовавшие пандемии. Также в 2021 г. внешний долг достиг 57,8 % ВВП, что ниже установленного законом порога в 60 %, при этом за последние годы он значительно увеличился (IMF, 2022^[15]).

Валовое накопление основного капитала (ВНОК) внесло существенный вклад в рост за последние годы (Рисунок 2.4 В). Основным фактором роста ВНОК стали государственные инвестиции, в то время как уровень внутренних частных и иностранных прямых инвестиций остается низким (IMF, 2022^[15]). Для частного сектора страны доступ к финансированию остается ключевой проблемой, отчасти из-за неразвитости национального банковского сектора и всепроникающей роли государства в нем; для крупных компаний дополнительным препятствием является неразвитость местных рынков капитала. МСП страдают от особенно сложных условий доступа к финансированию, в значительной степени из-за жестких требований к залоговому обеспечению и высокой стоимости кредита, при этом около 64% МСП полагаются на внутренние источники инвестиций (OECD, 2021^[16]). Кредит частному сектору в процентах от ВВП значительно вырос с 2016 г., поднявшись с самого низкого показателя в Центральной Азии (11,8 %) до самого высокого (35,7 %), хотя этот показатель остается намного ниже среднего показателя по ОЭСР (160,7 % ВВП) и сопровождается быстрым ростом проблемной задолженности. Дополнительным ограничением является сложность разграничения между ростом кредитования реального частного

сектора и ростом кредитования предприятий с разной степенью государственного контроля (World Bank, 2023^[17]).

Обвал инвестиций – государственных и частных – после пандемии COVID-19 оказал немедленное и значительное влияние на рост реального ВВП, хотя тенденция роста остается положительной (Рисунок 2.5 а). С 2019 г. вклад ВНОК в рост ВВП остается незначительным, а ужесточение глобальных монетарных условий усложнит для государства задачу оставаться ведущим инвестором страны, повышая важность принятия мер экономической политики для поддержки внутреннего кредитования и привлечения ПИИ. В то же время роль потребления домашних хозяйств как фактора роста значительно возросла (Рисунок 2.5 б).

Рисунок 2.5. Реальный рост ВВП и факторы роста

Источник: диаграммы А и В – расчеты ОЭСР на основе данных национальных счетов Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике (The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2023^[18]); диаграммы С и D – расчеты ОЭСР на основе данных Всемирного банка (World Bank, 2023^[2]).

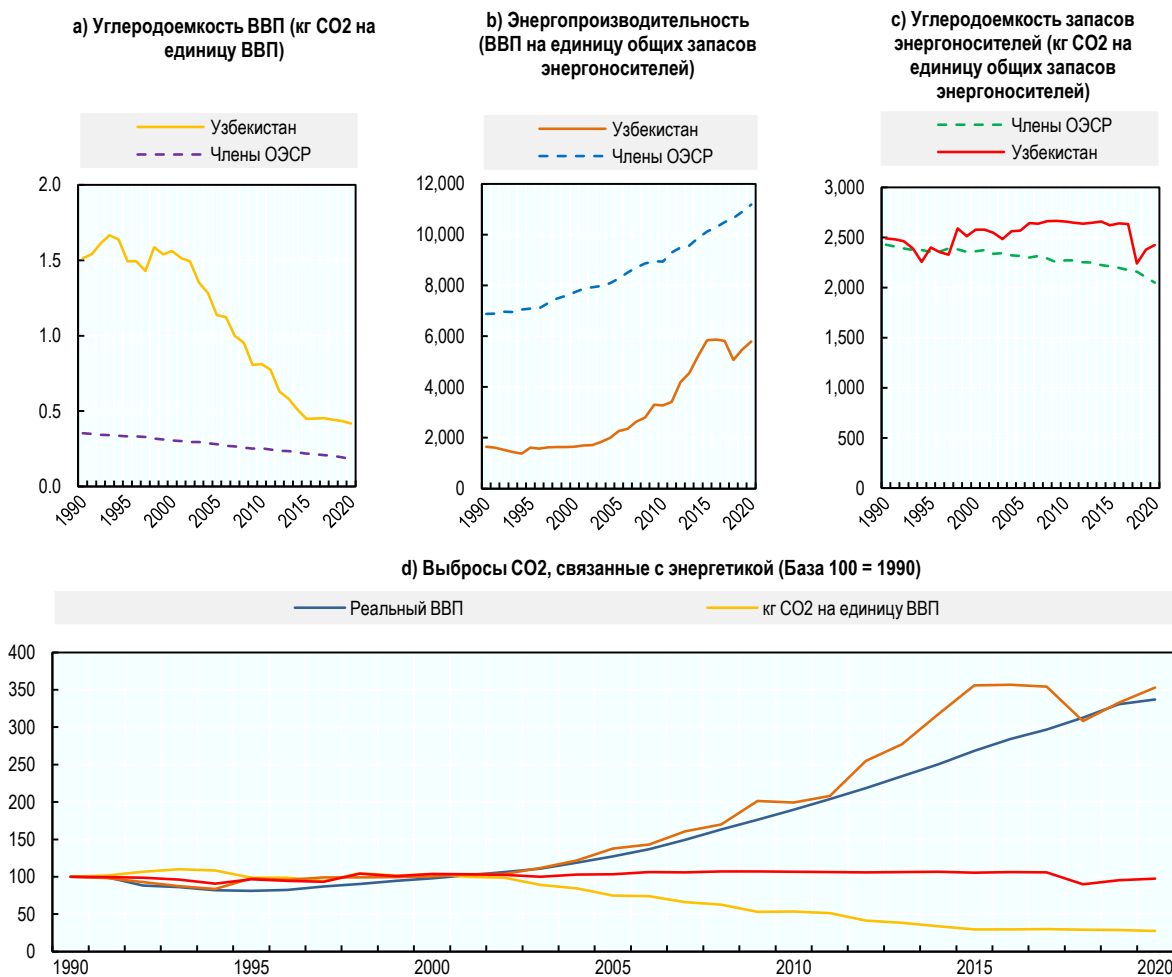
Хотя важно не принижать экономические показатели Узбекистана, в целом сильные макроэкономические тенденции страны после переходного периода следуют установленной траектории конвергенции. В литературе по экономическому развитию говорится, что страны с развивающейся экономикой, испытывающие дефицит капитала, растут быстрее, чем богатые капиталом развитые страны, из-за снижения предельной доходности инвестиций, чем можно объяснить первоначальные экономические успехи Узбекистана (Abramovitz, 1986^[19]) (Barro and Sala-i-Martin, 2004^[20]). На фоне этой долгосрочной тенденции и без того сложное десятилетие завершилось пандемией COVID-19 и войной России с Украиной. Под влиянием ряда мощных внешних потрясений – глобального финансового кризиса в 2008-2009 гг., а затем окончания резкого роста цен на сырьевые товары в 2014-2015 гг., что повлияло на страну вследствие ее глубоких торговых и трудовых связи с Россией – стало казаться, что траектории роста, основанные на сырьевых товарах и цикличности, характерные для всего региона, начали исчерпывать себя: рост оставался высоким, но замедлялся (Рисунок 2.5 с), и конвергенция со странами ОЭСР начала стагнировать; разрыв в конвергенции с Казахстаном также продолжил увеличиваться (Рисунок 2.5 d) (OECD, 2021^[21]).

Процесс реформирования, начавшийся в Узбекистане в 2017 г., был отчасти ответом на необходимость поиска новых путей для достижения устойчивого, инклюзивного и устойчивого роста. Основной замысел этих реформ заключался в том, чтобы позволить частному сектору играть более значительную роль в экономике, уменьшить роль государства в экономике и улучшить экономические «подушки безопасности» страны. Первые макроэкономические показатели свидетельствуют о том, что эти реформы, возможно, уже способствуют укреплению экономических и бюджетных позиций страны. В период с 2017 г. по 2019 г. среднегодовой рост в Узбекистане составил 5,2 %, что немного ниже среднего показателя по Центральной Азии, равного 5,5 %. Более сильные фундаментальные показатели, эффективные инструменты политики, обеспечивающие смягчение рисков – низкое отношение государственного долга к ВВП (хотя в последние годы оно значительно выросло), значительные международные резервы, денежные переводы и др., а также высокие цены на золото (основной экспортный товар) позволили стране смягчить последствия пандемии (IMF, 2022^[15]) (OECD, 2021^[21]). В 2022 г. экономика, судя по всему, относительно хорошо перенесла очередной шок от войны России в Украине, и рост ВВП в 2022 г. составил 5,2 %, хотя отчасти это может быть связано с некоторыми единовременными факторами, такими как быстрый рост потребления домашних хозяйств.

Хотя Узбекистан имеет одну из самых энергоемких экономик в мире, страна увеличивает производительность выбросов и потребление энергии относительно роста. Интенсивность выбросов CO₂ в Узбекистане – объем CO₂, необходимый для производства продукции на сумму 1 доллар США по ППС – снизилась почти на 75 % в период с 2000 г. по 2020 г., но текущий уровень (0,43 кг CO₂/доллар США по ППС) остается на 77 % выше среднемирового (Рисунок 2.6 а) (IEA, 2022^[22]). В то же время в 2020 г. 1 тонны нефтяного эквивалента (ТНЭ) в Узбекистане было достаточно для производства продукции на сумму 5524 долларов США, и этот уровень, хотя и является значительно более высоким, чем в 2000 г. (так, например, в 2000 г. при помощи той же 1 ТНЭ удалось бы произвести меньше продукции), остается намного ниже среднего уровня по странам ОЭСР, где 1 ТНЭ дает вдвое больше продукции (Рисунок 2.6 б). Сохраняющийся высокий уровень выбросов CO₂ и энергии, необходимой для роста Узбекистана, обусловлен наличием ряда энергоемких производств и преобладанием ископаемого топлива в энергоснабжении страны (Рисунок 2.6 с), хотя положительная тенденция к снижению свидетельствует о том, что модернизация промышленной базы и энергетического сектора с 2000 г. оказала влияние на экологический след экономики Узбекистана (Рисунок 2.6 d). Тем не менее цена неэффективности и выбросов очень велика как для правительства, так и для общества Узбекистана. По оценкам Директората по охране окружающей среды ОЭСР, в Узбекистане самый высокий уровень преждевременной смертности от воздействия твердых частиц (PM_{2.5}) в Центральной Азии (около

800 на 1 000 000 жителей), а социальные издержки от преждевременной смертности в результате воздействия загрязнения PM2.5 в 2019 г. составили около 10 % ВВП (ОЭСР, 2022^[23]).

Рисунок 2.6. Интенсивность выбросов CO₂ и энергоёмкость экономики Узбекистана

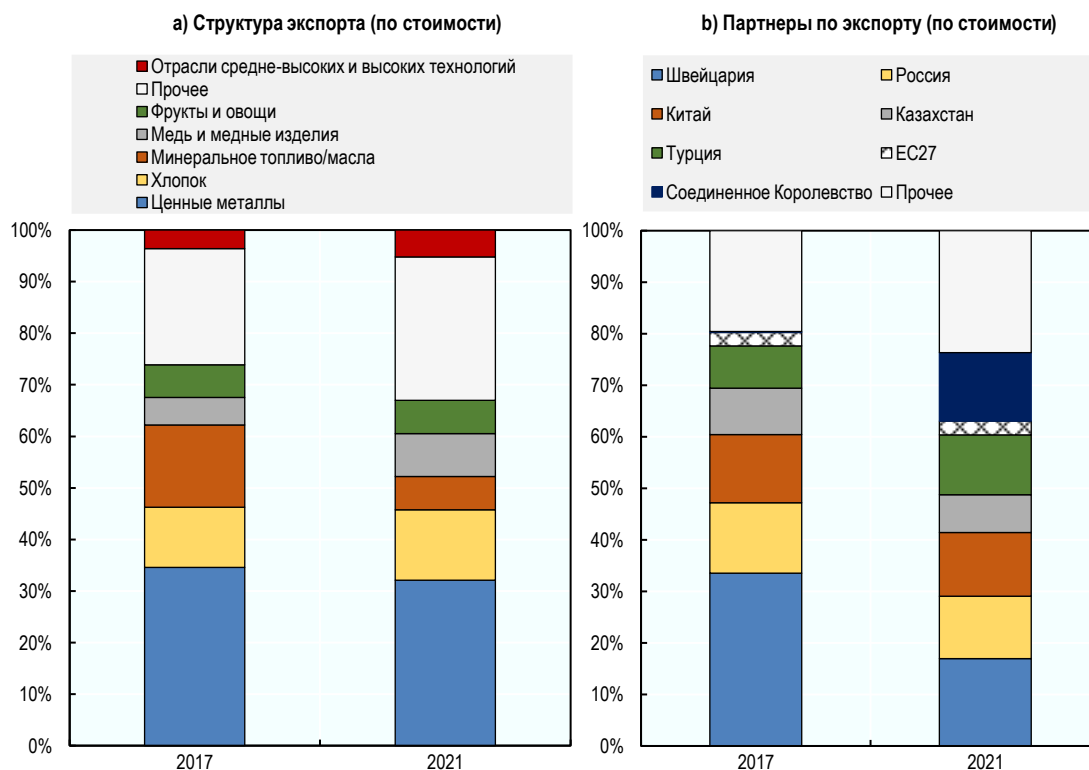

Примечание: единицы измерения: ВВП в долларах США, 2015 г.
Источник: (ОЭСР, 2023^[24]).

Реформы, направленные на поддержку международной торговли, были одним из основных компонентов более широкого процесса реформирования, начавшегося в 2017 г., а недавнее возобновление переговоров о вступлении Узбекистана в ВТО стало еще одним свидетельством интернационализации страны. С 2016 г. доля торговли в ВВП более чем удвоилась с 29 % ВВП – на тот момент самого низкого уровня в Центральной Азии – до 64 % в 2019 г., хотя частично этот рост может быть обусловлен реформами по либерализации валютного режима. Страна по-прежнему имеет значительный дефицит торгового баланса, который в последние годы мог увеличиться из-за необходимости инвестировать в капитальные товары для модернизации и расширения промышленной базы. В экспорте преобладают низкотехнологичные, в основном сырьевые товары: наибольшую долю экспортной корзины страны составляют золото, хлопок и некоторые другие минеральные и топливные продукты. Напротив, на средне- и высокотехнологичную продукцию приходится очень малая доля экспорта, что свидетельствует

либо о низком уровне экспортной ориентации этих отраслей, либо об отсутствии более наукоемких и технологичных мощностей, необходимых для их развития (Рисунок 2.7).

Рисунок 2.7. Структура торговли: экспортная корзина и партнеры

Примечание: Классификация средне-высоких и высоких технологий основывается на определении технологической емкости по МСОК, ред. 3 (ОЭСР, 2011). В категории «Прочее» три ведущих экспортируемых продукта – это текстиль, пластмассы и изделия из них и, наконец, удобрения.

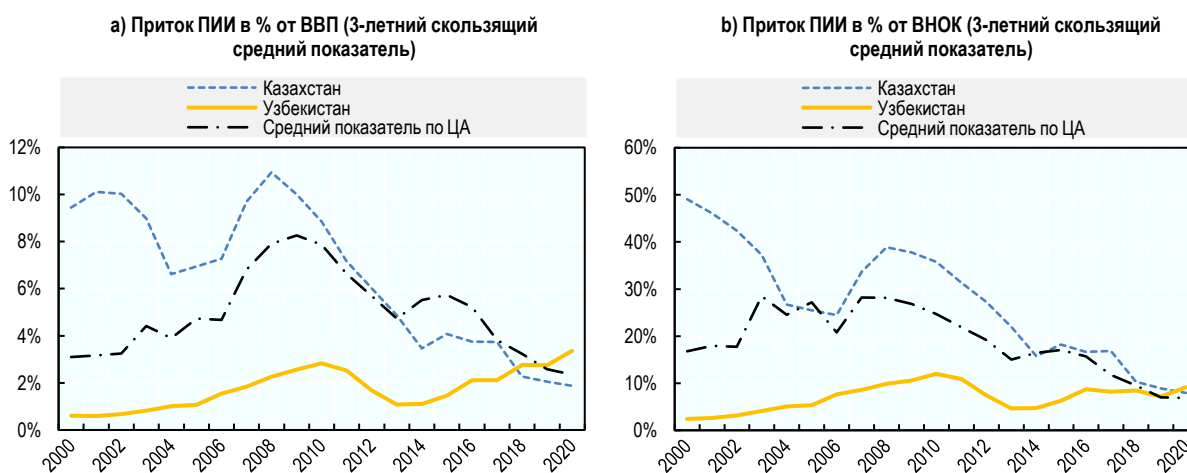
Источник: расчеты ОЭСР на основе данных (UN Comtrade, 2023^[25])

В 2021 г. крупнейшим экспортным рынком Узбекистана являлась Швейцария, на долю которой приходилось 17 % экспорта этой страны. Значительная доля Швейцарии как экспортного партнера Узбекистана отражает важность европейской страны для аффинажа золота, а также важность золота в экспорте Узбекистана: 99,9 % экспорта Узбекистана на швейцарский рынок приходится на этот драгоценный металл. Другими крупными партнерами по экспорту являются Великобритания (13,3 % экспорта), Китай (12,4 %) и Россия (12,1 %). Состав экспортной корзины страны существенно различается в зависимости от страны, при этом экспорт в Великобританию, как и в Швейцарию, почти полностью состоит из золота. Напротив, экспорт на другие рынки, такие как Китай, Россия и Турция, более разнообразен, хотя преобладают сырьевые и низкотехнологичные товары. Учитывая ограниченность транспортных связей Узбекистана, неудивительно, что его крупнейшие торговые партнеры по товарам с более низким соотношением стоимости и веса находятся в географической близости. Доля экспорта в страны ЕС27 остается небольшой (2,7 %), хотя этот показатель может вырасти в ближайшие годы после введения соглашения об упрощении процедур торговли по Всеобщей системе преференций (GSP+) между ЕС и Узбекистаном в апреле 2021 г.

В значительной степени из-за крайне ограничительного регулирования инвестиций уровень ПИИ в Узбекистане исторически был намного ниже, чем в других странах Центральной Азии.

Тем не менее, начиная примерно с 2014 г., доля ПИИ в ВВП и в общем объеме ВНОК имеет тенденцию к росту, в то время как в регионе наблюдается обратная тенденция (Рисунок 2.8). Отчасти это отражает ослабление жесткого инвестиционного и валютного регулирования, которое сдерживало приход иностранных инвесторов в Узбекистан, однако, возможно, это также связано с доступностью в Узбекистане отличающихся от других региональных экономик возможностей для инвесторов, таких как размер внутреннего рынка. Увеличение доли ПИИ во ВНОК Узбекистана является ключевой целью правительства, но успех будет зависеть как от решения давних проблем с внутренним деловым климатом, так и от других нормативных и структурных вопросов, представляющих наиболее серьезные вызовы для международных инвесторов, включая отсутствие развитого внутреннего рынка капитала и отсутствие механизмов софинансирования, таких как государственно-частное партнерство (ГЧП).

Рисунок 2.8. Прямые иностранные инвестиции в Узбекистане

Источник: расчеты ОЭСР на основе данных (UNCTAD, 2023^[26])

Хотя Узбекистану пока удается относительно успешно справляться с экономическими последствиями вторжения России в Украину, затяжной конфликт может создать серьезные проблемы для социально-экономического благосостояния в Узбекистане. На долю России по-прежнему приходится более 20 % импорта и 12 % экспорта, а большая часть внешней торговли Узбекистана проходит через Россию – недостаточно развитые торговые связи между Узбекистаном и другими регионами означают, что внешняя торговля может стать для него более затруднительной и затратной (IMF, 2022^[15]). Другим важным каналом влияния на Узбекистан являются денежные переводы, уровень которых в 2021 г. оставался близким к 10 % ВВП и из которых почти 75 % приходилось на Россию. Каждое шестое домохозяйство в Узбекистане полагается на денежные переводы как на основной источник дохода, и в среднем они составляют 20 % доходов домохозяйств (Там же). Как и в других регионах мира, рост цен на сырьевые товары – в частности, на продовольствие (пшеницу) и топливо – может привести к росту инфляции, которая на протяжении 2022 г. оставалась выше 10 % (OECD, 2022^[27]).

Список литературы

- Abdullaev, U. (2020), *State-Owned Enterprises in Uzbekistan: Taking Stock and Some Reform Priorities*, ADBI Working Paper Series, No. No. 1068, Asian Development Bank Institute, <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/560601/adbi-wp1068.pdf>. [12]
- Abramovitz, M. (1986), *Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind*, The Journal of Economic History, No. Vol. 46, No. 2, Cambridge University Press, <https://www.jstor.org/stable/2122171?seq=1>. [19]
- Barro, R. and X. Sala-i-Martin (2004), *Economic Growth (2nd ed.)*, The MIT Press, <http://piketty.pse.ens.fr/files/BarroSalaMartin2004Chap1-2.pdf>. [20]
- IEA (2022), *Uzbekistan 2022: Energy Policy Review*, International Energy Agency, Paris, <https://iea.blob.core.windows.net/assets/0d00581c-dc3c-466f-b0c8-97d25112a6e0/Uzbekistan2022.pdf>. [22]
- ILO (2023), *ILOSTAT*, ILO, Geneva, <https://ilostat.ilo.org/>. [3]
- ILO (2021), *Towards Full and Productive Employment in Uzbekistan: Achievements and Challenges*, Employment Country Reports Series, ILO, https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_782059.pdf. [9]
- IMF (2022), *Republic of Uzbekistan: 2022 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the Republic of Uzbekistan*, IMF, DC, <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2022/06/22/Republic-of-Uzbekistan-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-519919>. [15]
- Melitz, M. (2003), *The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity*, *Econometrica*, No. Vol. 71, No. 6 (Nov. 2003), The Econometric Society, <https://www.jstor.org/stable/1555536>. [6]
- OECD (2023), *Green Growth Indicators*, OECD Publishing, Paris, https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GREEN_GROWTH. [24]
- OECD (2022), *Green Economy Transition in Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia: Progress and Ways Forward*, OECD Green Growth Studies, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/c410b82a-en.pdf?expires=1677162424&id=id&accname=ocid84004878&checksum=F2BCEEF95E86BA77A3ACBB7C97571F14>. [23]
- OECD (2022), *Weathering Economic Storms in Central Asia*, OECD Publishing, <https://www.oecd.org/publications/weathering-economic-storms-in-central-asia-83348924-en.htm>. [27]
- OECD (2022), *Weathering Economic Storms in Central Asia: Initial Impacts of the War in Ukraine*, OECD, Paris, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/83348924-en.pdf?expires=1674661005&id=id&accname=ocid84004878&checksum=D702728E79EA5A3E54D1B3CA7ED454E9>. [8]
- OECD (2021), *Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/Beyond_COVID%2019_Central%20Asia.pdf. [21]

- OECD (2021), *Boosting the Internationalisation of Firms through better Export Promotion Policies in Uzbekistan*, OECD Eurasia Policy Insights, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/Monitoring_Review_Uzbekistan_ENG.pdf. [16]
- OECD (2021), *Understanding Firm Growth: Helping SMEs Scale Up*, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/fc60b04c-en>. [5]
- Seitz, W. (2020), *Free Movement and Affordable Housing: Public Preferences for Reform in Uzbekistan*, World Bank Policy Research Working Papers, No. No. 9107, World Bank, DC, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/595891578495293475/pdf/Free-Movement-and-Affordable-Housing-Public-Preferences-for-Reform-in-Uzbekistan.pdf>. [10]
- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *National Accounts*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, <https://stat.uz/en/official-statistics/national-accounts>. [18]
- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *Small Business and Entrepreneurship*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, <https://stat.uz/en/official-statistics/small-business-and-entrepreneurship>. [4]
- UN (2023), *Value added by industries at current prices (ISIC REV. 4)*, United Nations, New York, http://data.un.org/Data.aspx?d=SNA&f=group_code%3A204. [1]
- UN Comtrade (2023), *UN Comtrade Database*, UN Comtrade, Geneva, <https://comtrade.un.org/>. [25]
- UNCTAD (2023), *Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual*, UNCTAD, Geneva, <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=96740>. [26]
- UNCTAD (2023), *UNCTATStat*, UNCTAD, Geneva, <https://unctadstat.unctad.org/EN/>. [14]
- World Bank (2023), *Domestic credit to private sector (% GDP)*, World Bank, DC, <https://data.worldbank.org/indicator/FS.AST.CGOV.GD.ZS?end=2020&locations=UZ-KG-TJ-KZ-OE&start=2011&view=chart>. [17]
- World Bank (2023), *World Bank Development Indicators*, World Bank, DC, <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. [2]
- World Bank (2022), *Uzbekistan: The Second Systematic Country Diagnostic*, World Bank, DC, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/933471650320792872/pdf/Toward-a-Prosperous-and-Inclusive-Future-The-Second-Systematic-Country-Diagnostic-for-Uzbekistan.pdf>. [11]
- World Bank (2019), *Toward a New Economy: Uzbekistan Country Economic Update Summer 2019*, World Bank, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/866501562572675697/pdf/Uzbekistan-Toward-a-New-Economy-Country-Economic-Update.pdf>. [7]
- World Bank (2014), *The Skills Road: Skills for Employability in Uzbekistan*, World Bank, DC, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/744581468230693258/pdf/910100WPOP14350d000Uzbekistan0Final.pdf>. [13]

3 Методология и результаты опроса

Целью опроса представителей частного сектора Узбекистана, проведенного ОЭСР в 2022 г., являлся сбор новых ценных сведений о текущем процессе реформирования, направленного на улучшение делового климата в стране. Опрос предоставляет ОЭСР и правительству Узбекистана дополнительные материалы для анализа эффективности и направления процесса реформ. В этой главе описывается сам опрос, его методология и ряд общих наблюдений, возникших в процессе его проведения.

3.1. Введение

В данной главе представлено описание опроса по оценке делового климата в Узбекистане и изложены некоторые общие наблюдения, полученные в ходе проведения опроса. В разделе 3.2 изложена методология опроса и подробно описан процесс его проведения. Более подробная информация представлена в Приложении А к настоящему отчету, а в разделе 3.3 подробно описаны характеристики компаний, попавших в выборку. Далее в разделе 3.4 представлена дополнительная информация о восприятии компаниями текущих экономических тенденций в Узбекистане, влиянии COVID-19 и агрессии России против Украины на деловой климат в Узбекистане, а также о предполагаемых сильных и слабых сторонах мер экономической политики для поддержки компаний в эти периоды потрясений.

3.2. Методология и проведение опроса

Опрос являлся небольшим, но содержательным и охватил 52 компании, работающих в Узбекистане, большинство из которых полностью или частично принадлежат компаниям из ЕС. Опрос предоставил возможность собрать мнения из первых рук на уровне отдельных компаний по вопросам, касающимся делового климата и развития частного сектора в Узбекистане.

Опрос был разработан ОЭСР и проводился в формате онлайн среди иностранных предприятий и их представителей в торговых палатах (ТП) и посольствах. Для опроса были отобраны преимущественно европейские предприятия, чтобы выявить вопросы, имеющие особое значение для международных компаний в Узбекистане, привлечение которых остается приоритетом для правительства. В настоящем отчете анализ ответов на опрос, если не указано иное, основан на ответах как 52 отдельных компаний, так и двух респондентов-организаций.

Характеристики опрошенных компаний

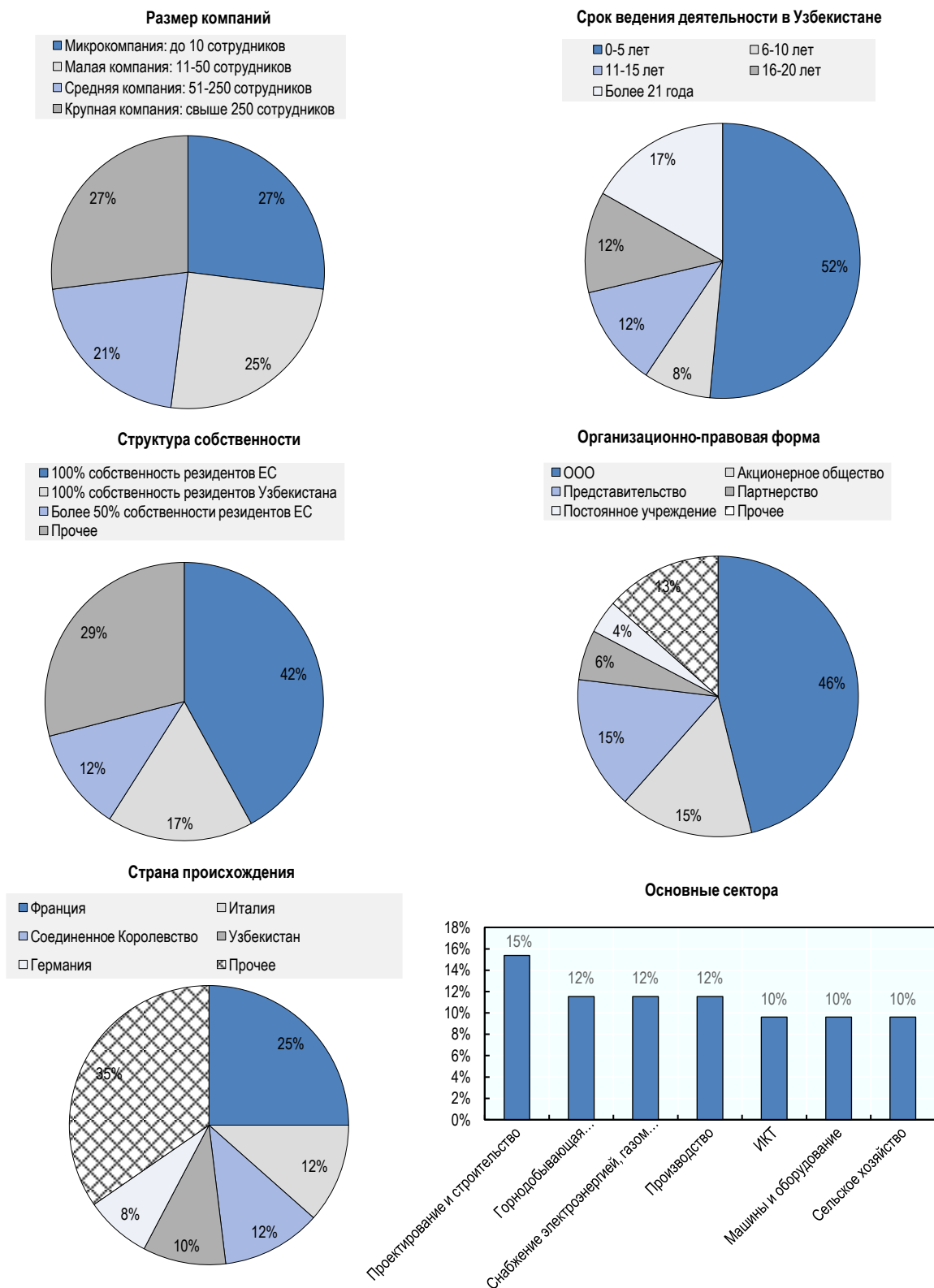
52 компании, принявшие участие в ОДК, были весьма разнообразны по своим характеристикам (Рисунок 3.1). Преобладали микро-, малые и средние предприятия (ММСП) (73 %), причем в данной категории микро- (27 %), малые (25 %) и средние предприятия (21 %) имели относительно равные доли. Крупные компании с количеством сотрудников более 250 составили оставшиеся 27 % респондентов.

Большинство компаний относительно недавно пришли в Узбекистан. Около 52 % респондентов работали в Узбекистане от 0 до 5 лет, что, возможно, свидетельствует об улучшении восприятия делового климата в стране европейским бизнес-сообществом после процесса реформ, начатого в 2017 г. Продолжительность деятельности в Узбекистане среди остальных респондентов была относительно равномерно распределена между 6–10 годами (8 %), 11–15 годами (12 %), 16–20 годами (12 %) и более 21 года (17 %).

Организационно-правовая форма респондентов также была различной. Значительное относительное большинство опрошенных компаний (42 %) находилось в 100-процентной собственности резидентов ЕС, а еще 12 % имели мажоритарных собственников в ЕС. Что касается остальных компаний, они либо находились в 100-процентной собственности резидентов Узбекистана (17 %), либо резидентов другой юрисдикции или нескольких юрисдикций (27 %). Наибольшая доля респондентов пришла из Франции (14, или 25 %), за ней следуют Италия (7/12 %) и Великобритания (6/12 %). Значительная часть компаний имела статус ООО (46 %), а остальные компании имели целый ряд различных юридических статусов, включая АО (13 %) или представительства (16 %).

Респонденты представляли самые разные отрасли и были относительно равномерно распределены между ними. Наибольшая доля (8 %) предприятий приходится на машиностроение и строительство, за которыми следуют обрабатывающая промышленность (6 %), горнодобывающая промышленность, добыча нефти и газа (6 %), производство энергии (6 %), машиностроение (5 %) и сельское хозяйство (5 %). Значительная часть респондентов (36 %) принадлежала к «другим» секторам.

Рисунок 3.1. Статистические данные компаний-респондентов

Примечание: в процентах от общего количества компаний.

Источник: опрос ЕС-ОЭСР «Оценка делового климата в Узбекистане» (2022)

3.3. Общие наблюдения касательно экономических показателей в Узбекистане и недавно принятых мерах экономической поддержки

Об Несмотря на внешние потрясения, компании не планировали прекращать свою деятельность в Узбекистане

Большинство респондентов (70 %) оценили состояние национальной экономики как «удовлетворительное», 15 % респондентов оценили его как «слабое» и столько же – как «сильное». Респонденты более позитивно оценивали деятельность сектора, в котором они работают, или деятельность своей компании (25 % и 29 % соответственно).

Несмотря на неопределенность как на региональном, так и на глобальном уровне, европейские компании сохранили относительно позитивные ожидания в отношении собственных результатов деятельности. Значительная доля респондентов (44 %) сообщили, что ожидают увеличения прибыли в 2022 г., а 37 % сообщили, что ожидают сохранения стабильности показателей деятельности компании. Лишь 8 % респондентов ожидали снижения прибыли в 2022 г., и лишь 4 % сообщили, что ожидают снижения товарооборота (внутреннего и международного) в этом году. Напротив, около 25 % респондентов ожидали увеличения оборота международной торговли, а еще 31 % – увеличения оборота внутренней торговли, что, возможно, отражает рост внутреннего спроса в связи с быстрым расширением кредитования.

В данном разделе отчета представлены основные выводы из четырех разделов опроса: в нем отражено восприятие компаниями поддержки со стороны государства во время пандемии COVID-19, влияния военной агрессии России против Украины на европейское бизнес-сообщество в Узбекистане, мер правительства по смягчению давления на бизнес-сообщество, возникающего в связи с военными действиями, и текущего процесса реформ в Узбекистане для поддержки делового климата в целом. Данный раздел не содержит подробного описания всех аспектов опроса, а сосредоточен на тех, которые особенно важны для компаний и лиц, ответственных за разработку политики. Полные сведения об ответах можно найти в Приложении В.

Компании неоднозначно оценили меры правительства по поддержке частного сектора во время пандемии COVID-19. Вспышка COVID-19 создала значительные проблемы для бизнес-сообщества в Узбекистане, как и во всей Центральной Азии и регионе ОЭСР. Эти вызовы также породили новые ожидания от правительства, которое было призвано обеспечить выживание жизнеспособных предприятий и предотвратить их уход с рынка. Разработка и реализация практических мер в указанных целях требовала высокой степени оперативности от лиц, ответственных за разработку политики: им необходимо было принимать быстрые и эффективные решения в условиях повышенных временных и бюджетных ограничений.

В целом, меры по поддержке бизнес-сообщества, реализованные узбекскими властями, совпали с мерами, предпринятыми членами ОЭСР, хотя масштаб указанных мер мог отличаться. Эти меры широко обсуждались в ряде отчетов ОЭСР в разгар пандемии, и опрос предоставил возможность увидеть, как европейские компании оценивают эффективность государственной политики по стабилизации и поддержке частного сектора в период глобальной пандемии (OECD, 2020^[1]) (OECD, 2021^[2]).

Рисунок 3.2. Эффективность мер правительства против пандемии COVID-19 по мнению респондентов

Примечание: в процентах от общего количества респондентов.

Источник: опрос ЕС-ОЭСР «Оценка делового климата в Узбекистане» (2022)

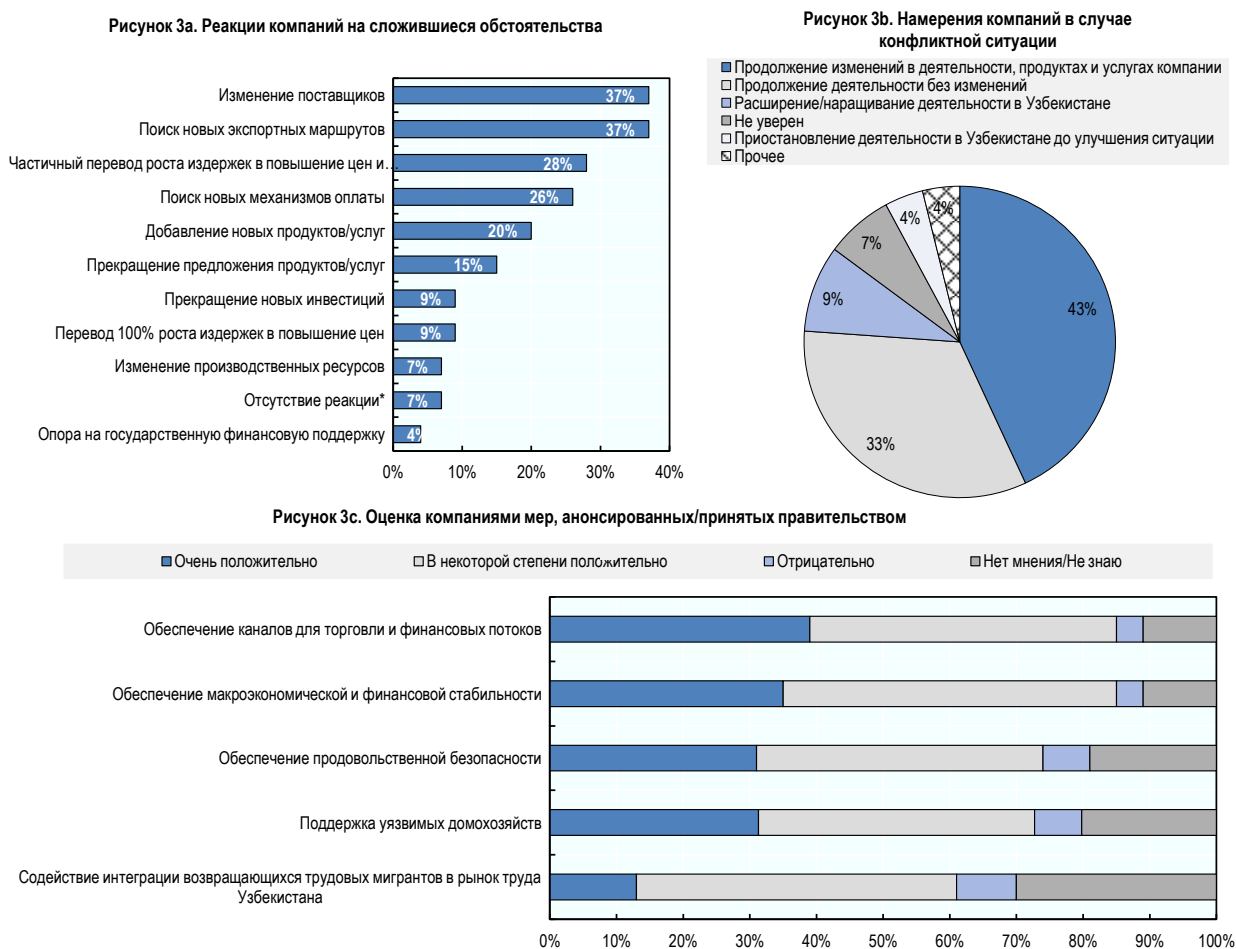
Хотя значительная доля респондентов (40 %) отметили эффективность налоговых отсрочек для предприятий и предпринимателей, примечательно, что аналогичное количество респондентов (38 %) не считает эффективной ни одну из перечисленных в опросе мер (Рисунок 3.2). Респондентов не просили объяснить причины своих ответов, однако тот факт, что относительно большое число респондентов считает неэффективными правительственные меры, принятые во время пандемии, заставляет задуматься о качестве разработки и реализации политики. В то же время, это был исключительный период как для частного, так и для государственного сектора, и разнообразие проблем, с которыми столкнулись и те, и другие, означает, что все потребности компаний вряд ли могли быть удовлетворены. В период повышенной глобальной неопределенности и потрясений для узбекских властей важно определить, что позволило лицам, ответственным за разработку политики, принять эффективные меры в быстро меняющихся условиях, и учесть уроки этих периодов в будущем.

Компании отметили быстроту реагирования на потрясения, вызванные вторжением России в Украину

Военная агрессия России против Украины стала еще одним серьезным потрясением для делового сообщества Узбекистана – как для отечественных, так и для международных компаний. Потрясения, пережитые местным бизнес-сообществом, оказывали свое воздействие по тем же каналам, что и во многих странах ОЭСР: нарушение цепочки поставок, рост цен на первичные и промежуточные товары, инфляция и ужесточение мировой финансовой системы, повлиявшее на стоимость международных и внутренних заимствований. В то же время эти каналы воздействия накладывались на местные условия, характерные для региона: особенно большое значение России как торгового партнера и экспортного маршрута для экономик Центральной Азии, взаимосвязь банковских систем Центральной Азии с российской, непосредственное влияние низкоквалифицированных и высококвалифицированных мигрантов из России, возможность влияния стагнации российской экономики на уровень денежных переводов и влияние потрясений в российской экономике на местные обменные курсы.

Ответы на опрос показывают, что наиболее серьезное воздействие на опрошенные предприятия оказали проблемы с цепочками поставок, осложнения, возникшие в результате отключения России от платежной системы SWIFT, и рост цен. Около 50 % респондентов оценили влияние сбоев в цепочках поставок из-за логистических проблем как серьезное для их деятельности, а еще 35 % заявили, что это оказывает некоторое влияние на их деятельность. Влияние сбоев в цепочках поставок на дефицит также было заметным: 33 % заявили, что дефицит, связанный с цепочками поставок, серьезно повлиял на деятельность, а еще 44 % заявили, что это оказало на них некоторое влияние. Кроме того, 33 % компаний заявили, что отключение России от платежной системы SWIFT серьезно повлияло на их бизнес, а еще 22 % заявили, что это оказало на них некоторое влияние, что свидетельствует о значительной степени интеграции международных компаний в Центральной Азии с российской экономикой. Однако, в то время как отключение России от системы SWIFT оказало серьезное влияние на треть респондентов, еще треть компаний (35 %) не ощутили никакого влияния.

Рисунок 3.3. Реакции компаний на военную агрессию России и оценка правительственных мер

Примечание: * Из-за отсутствия деловых отношений с Россией или Украиной.
 Источник: опрос ЕС-ОЭСР «Оценка делового климата в Узбекистане» (2022)

Хотя доля респондентов, утверждающих, что рост цен на сырьевые товары, энергию и другие несырьевые ресурсы серьезно повлиял на их деятельность, была относительно низкой (30 %, 28 % и 20 % соответственно), большинство предприятий все же отметили, указанный рост оказал на них влияние (52 %, 41 % и 61 %). Другими словами, лишь меньшая часть предприятий не пострадала от повышения цен, однако примечательным является тот факт, что из трех групп товаров, включенных в опрос, повышение цен на энергоносители меньше всего повлияло на опрошенные предприятия.

Участники опроса наметили ряд возможных ответов на вызовы, с которыми столкнулось бизнес-сообщество Узбекистана в связи с военной агрессией России против Украины. Значительное относительное большинство респондентов продемонстрировали гибкость в решении указанных проблем: 37 % заявили, что сменят поставщиков, 37 % ответили, что найдут новые маршруты экспорта, а 26 % – новые механизмы оплаты (Рисунок 3.3 а). Относительно небольшое число компаний указали, что кризис побудит их к инновациям: 20 % ответили, что планируют добавить новый продукт или услугу. В то же время 28 % респондентов отметили свое намерение перевести растущие издержки в повышение цены и снизить маржу, что может повлиять на их способность к реинвестированию в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Лишь небольшое число респондентов заявили о намерении сократить ассортимент предлагаемой продукции (15 %), и еще меньше – прекратить инвестиции (9 %) или перевести 100% роста издержек (9 %).

Респонденты выразили намерение остаться на узбекском рынке даже в том случае, если война будет продолжаться еще шесть месяцев с момента проведения опроса. При этом лишь 4 % сообщили, что приостановят свою деятельность в стране до улучшения ситуации, в то время как 43 % сообщили, что будут корректировать свою деятельность в зависимости от развития событий, а еще 33 % заявили, что будут продолжать действовать в соответствии с текущим курсом, даже если война затянется (Рисунок 3.3 б). Еще 9 % респондентов заявили, что они расширят свою деятельность в стране в случае продолжения войны, однако неясно, связано ли это с войной или просто с продолжением реализации ранее существовавших планов расширения.

Компании в целом положительно оценили меры, принятые правительством для поддержки частного сектора после вторжения России в Украину

Интерпретация мнений компаний о мерах, принятых узбекскими властями в поддержку бизнес-сектора, должна быть обусловлена тем, что, в отличие от преимущественно ретроспективной оценки эффективности мер по поддержке предприятий в период пандемии COVID-19, каналы воздействия агрессии России против Украины на предприятия в Украине все еще определяются, и полные последствия остаются неясными. Решение проблем компаний в Узбекистане, возникших в результате войны с Россией, потребует от правительства проявить такую же гибкость и креативность, как и во время пандемии COVID-19, но области политики, требующие вмешательства, будут порой совсем другими (например, меры по смягчению сбоев в банковском секторе или политика на рынке труда для интеграции недавно прибывших работников).

Большинство респондентов положительно оценили все представленные в опросе меры, принятые правительством. Наибольшую поддержку получили меры по обеспечению безопасности торговых и финансовых каналов (39 % очень положительно и 46 % в некоторой степени положительно), а также меры по обеспечению макроэкономической и финансовой стабильности (35 % и 50 %) (Рисунок 3.3 с). Хотя эти категории относительно неточны и в определенной степени могут пересекаться, они указывают на то, в чем заключаются предполагаемые потребности европейских компаний после ухудшения местного делового климата в связи с вторжением России в Украину, а также на общий настрой европейских компаний по отношению к общему направлению политики властей. Предприятия также положительно оценили

меры правительства, ориентированные на решение социальных вопросов и вопросов рынка труда, такие как обеспечение продовольственной защиты, поддержка уязвимых домохозяйств и содействие реинтеграции на внутреннем рынке труда возвращающихся мигрантов.

Около 67 % респондентов считают, что меры, принятые правительством для смягчения давления на деловой сектор, вызванного войной, были достаточными, в то время как остальные 33 % респондентов предложили на рассмотрение властей дополнительный ряд мер налоговой, управленческой и торговой политики. Однако трудно сказать, являются ли многие из предложенных стратегий ответом на конкретные проблемы, возникшие в связи с вторжением России в Украину, либо ответом на более широкую озабоченность по поводу делового климата и рамочных условий для деятельности компаний. Так, например, такие вопросы как прозрачность регулирования и недискриминационное правоприменение, могут быть особенно сложными для компаний в периоды неопределенности, однако они не ограничиваются указанными периодами, а являются проявлениями давних проблем в деловом климате. Действительно, указанные вопросы более широко освещались в рамках работы ОЭСР в области делового климата в Узбекистане и Центральной Азии, в частности, в отчете 2021 г. «Совершенствование правовой среды предпринимательства и инвестиционной деятельности в странах Центральной Азии» (OECD, 2019^[3]).

Призывы некоторых респондентов расширить доступ к нероссийским товарам отражают важность российского рынка для узбекских компаний в отношении как готовых, так и промежуточных товаров. Неспособность использовать российских поставщиков, будь то из-за санкций или других логистических трудностей, неизменно сказывается на узбекских компаниях, но это не будет являться проблемой для местного делового климата, если местные компании не будут сталкиваться с барьерами для закупки товаров на других рынках в связи с проводимой правительством экономической политикой. Тем не менее это отражает важность таких вопросов как инфраструктура и содействие торговле как факторов, способствующих развитию местного частного сектора. В то же время призывы респондентов к устранению серого импорта свидетельствуют о непоследовательном применении таможенных процедур, что может несправедливо повлиять на европейские компании в стране.

Список литературы

- OECD (2021), *Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/Beyond_COVID%2019_Central%20Asia.pdf. [2]
- OECD (2020), *COVID-19 Crisis Response in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=129_129634-ujyjsqu30i&title=COVID-19-crisis-response-in-central-asia. [1]
- OECD (2019), *Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/Improving-LEB-CA-ENG%2020%20April.pdf>. [3]

4 Упрощение процедур торговли и интернационализация предприятий в Узбекистане

Респонденты опроса высказали ряд опасений, связанных с простотой торговли в Узбекистане. Эти опасения перекликаются с результатами масштабной работы, проведенной ОЭСР в сотрудничестве с правительством по вопросам содействия торговле и развитию транспортных связей. Несмотря на ограниченность транспортных связей Узбекистана в связи тем, что страна дважды замкнута сушей, у него все же есть потенциал стать привлекательным направлением для инвестиций, ориентированных на рынок, благодаря многочисленному и растущему населению и расположению среди ряда других небольших, но потенциально быстрорастущих рынков. Тем не менее, чтобы местные и международные компании могли использовать потенциальные рыночные возможности, еще многое предстоит сделать для снижения стоимости торговли и повышения осведомленности о внешних возможностях для местного частного сектора. В этой главе представлен ряд выводов, сделанных в ходе опроса, а также обзор последних достижений, возможностей и проблем в области содействия торговле и продвижения экспорта в Узбекистане.

4.1. Результаты опроса и обзорный анализ

Значительная доля респондентов опроса подчеркнули важность рыночных возможностей как фактора, определяющего их решение о вхождении в страну. Около 46 % компаний заявили, что доступ на внутренний рынок является одной из основных причин для ведения бизнеса в стране, что свидетельствует о том, что многочисленное и быстрорастущее население Узбекистана и устойчивый рост национального дохода являются важными факторами привлекательности для инвесторов. Аналогичным образом, более четверти (27 %) предприятий подчеркнули важность регионального рынка при принятии решения о входе на рынок; несмотря на недавние сбои, треть респондентов ожидает, что в 2022 г. доходы от внутренней торговли увеличатся, а четверть ожидает увеличения объемов международной торговли. Значение компаний, ориентированных на рынок, является высоким, особенно в контрасте с тем фактом, что доступ к природным ресурсам (17 %) и более дешевой рабочей силе (10 %), по-видимому, были менее важны для компаний, принявших участие в опросе.

Тем не менее остается ряд проблем, которые ограничивают рыночные возможности для местных и международных компаний, как в Узбекистане, так и в регионе в целом. В Узбекистане компании, ориентированные на торговлю, сталкиваются с теми же проблемами делового климата, что и компании, ориентированные на внутренний рынок, такими как низкий уровень соблюдения нормативных требований, недостаточно развитая конкуренция и недостаточные инвестиции в важнейшую инфраструктуру связи. В то же время, компании, которые ориентированы или потенциально могут быть ориентированы на экспорт, сталкиваются с рядом специфических проблем: ограничения материальной и нематериальной инфраструктуры и более широкие вопросы содействия торговле, недостаточная осведомленность МСП о возможностях внешнего рынка и недостаточное развитие инфраструктуры содействия экспорту, необходимой для продвижения компаний из Узбекистана за рубежом (OECD, 2017^[1]; OECD, 2021^[2]).

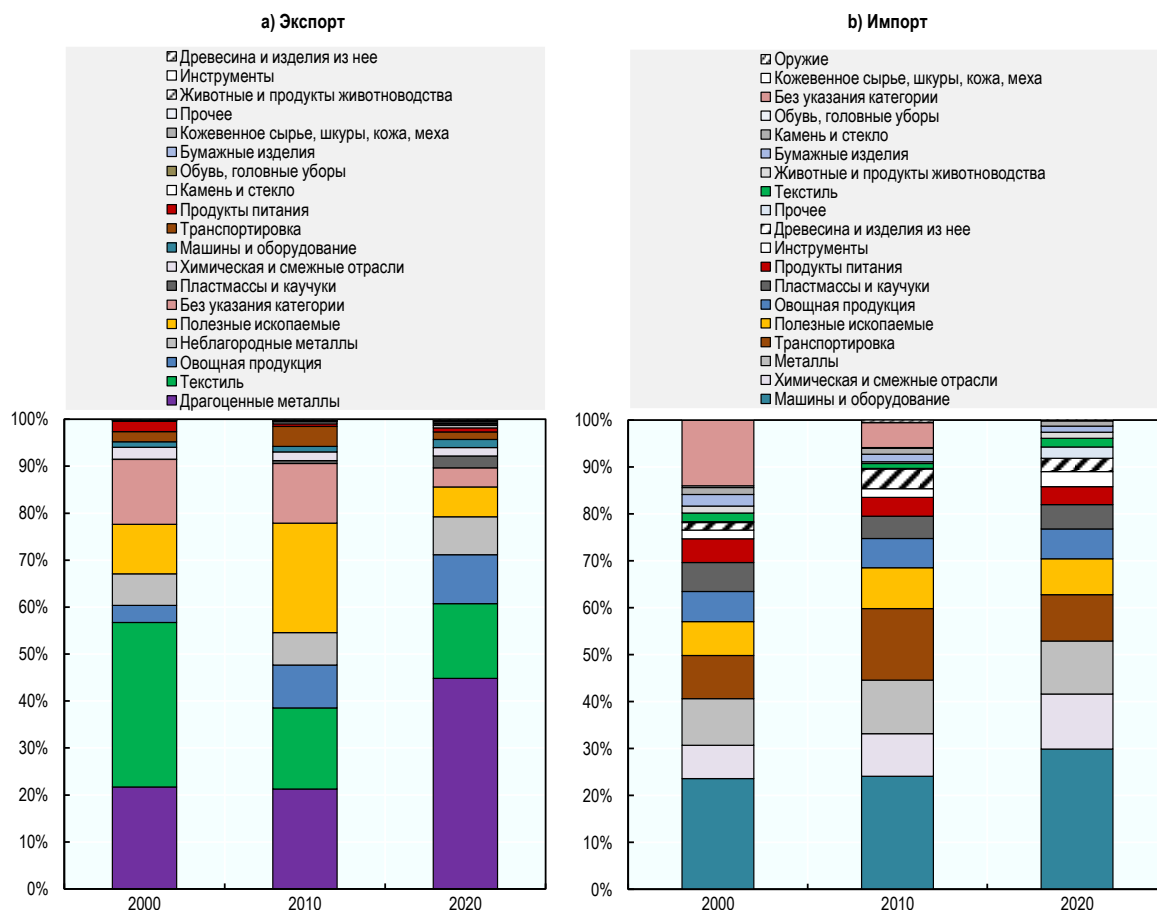
Обеспокоенность по поводу этих давних проблем в области торговли, а также влияния недавних сбоев в торговле, была широко затронута в опросе. Около 50 % опрошенных компаний отметили, что война в Украине оказала серьезное влияние на цепочки поставок из-за логистических проблем, а еще 35 % заявили о некотором влиянии. Аналогичная картина сложилась и в отношении дефицита: почти половина (44 %) заявили, что дефицит в той или иной степени повлиял на цепочки поставок их предприятий, а 35 % заявили, что дефицит оказал серьезное влияние на деятельность компании.

Влияние недавних сбоев на внешние аспекты деятельности компаний в Узбекистане происходит на фоне общей положительной, хотя и неравномерной оценки реформ, направленных на поддержку компаний-экспортеров. Большинство предприятий (61 %) отметили, что за последние пять лет был достигнут прогресс в улучшении таможенных процедур и тарифов, хотя только 6 % отметили, что этот прогресс был значительным. Тем не менее абсолютный уровень одобрения остается низким: 54 % респондентов заявили, что нормативная база для таможенных процедур и тарифов остается слабой, а еще 43 % оценили ее только как удовлетворительную. Что касается экспортеров, то треть респондентов не смогли оценить преимущества агентства по продвижению экспорта, что, возможно, свидетельствует о недостаточной осведомленности о его функциях и услугах или о том, что опрошенные компании ориентированы на внутренний рынок. Тем не менее почти треть (31 %) считают агентство в некоторой степени полезным, а еще 15 % – очень полезным. Относительное большинство респондентов (41 %) отметили, что качество таможенного контроля является препятствием для делового климата. В то же время респонденты также отметили ряд областей, улучшение которых может оказать значительное положительное влияние на деловой климат, начиная от большей поддержки экспорта услуг, устранения серого импорта и заканчивая созданием альтернативных торговых маршрутов.

Поддержка развития экспорта и улучшение торговых связей в более широком смысле может принести значительные выгоды экономике Узбекистана, а аспект ориентации на рынок в мотивах респондентов свидетельствует о некоторых основных географических и демографических характеристиках, которые отличают Узбекистан от других стран в регионе. Во-первых, эта страна, безусловно, является самой густонаселенной в Центральной Азии: ее население в 2021 г. составило 35 миллионов человек, что значительно превышает показатели следующей по численности населения страны региона – Казахстана, население которого в том же году составляло 19 миллионов человек. Население менее урбанизировано, чем в Казахстане (58 % против 50 %), но рост городского населения устойчив (2 % в 2021 г.), страна более густо населена (78 человек на квадратный километр земли против 7 в Казахстане), и, поскольку некоторые исторические ограничения на внутреннюю мобильность были недавно сняты, количество населения в ближайшие годы, вероятно, будет расти более интенсивно.

Вышеупомянутые реформы уже начали оказывать существенное влияние на экономику Узбекистана – как на внешний сектор, так и опосредованно на внутреннюю экономику. Внутренняя и международная торговля значительно выросли с тех пор, как правительство Узбекистана начало свою широкомасштабную программу реформ в 2017 г. Доля торговли товарами в ВВП с 2016 г. по последний допандемийный 2019 г. выросла более чем в два раза – с 23,6 % ВВП до 59,9 %. Расширение экспорта в основном обусловлено значительным увеличением экспорта золота, в то время как экспорт товаров с более высокой добавленной стоимостью и более технологически продвинутых товаров остается низким, что отчасти объясняется более высокими торговыми издержками и существующими проблемами делового климата, которые влияют на инновации и производительность. В период с 2010 г. по 2020 г. объем импорта увеличился более чем в два раза – с 9,2 млрд долларов США до 20 млрд долларов США. Освобожденные от ранее существовавших обременительных правил торговли, компании Узбекистана в последние годы активно импортируют новую технику и другие капитальные товары (Рисунок 4.1).

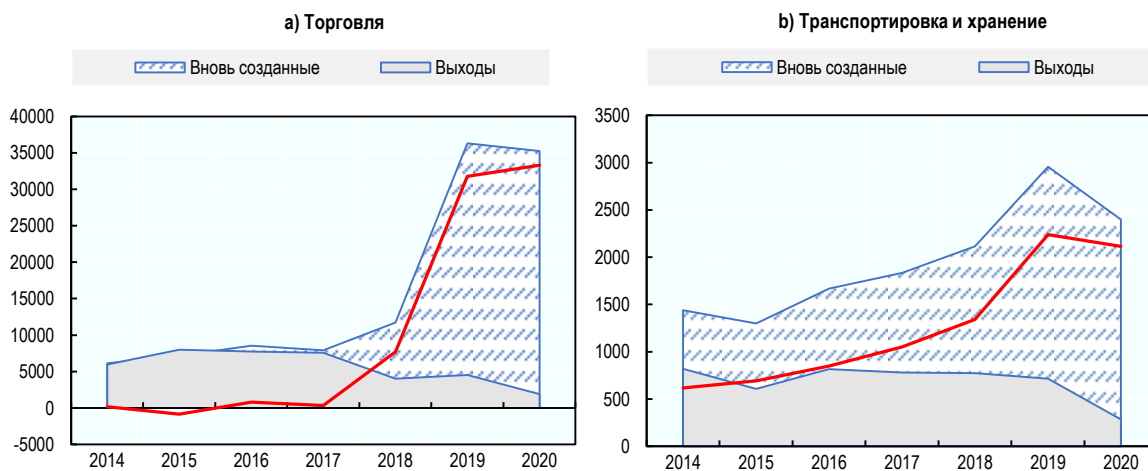
Рисунок 4.1. Структура торговли (по стоимости)

Источник: (State Agency for National Statistics of the Republic of Uzbekistan, 2023^[3])

Несмотря на значительные запасы, Узбекистан не является крупным экспортером природного газа, однако в структуре его экспорта преобладают сырьевые ресурсы. Узбекистан продолжает направлять свои основные запасы природного газа на нужды внутреннего теплоэнергетического сектора, а не на экспорт, при этом страна экспортирует около 25 % добываемого газа, а оставшуюся часть продает внутри страны по ценам ниже мировых (IEA, 2022^[4]). Правительство планирует полностью прекратить экспорт газа к 2025 г., а излишки газа использовать для производства нефтехимической продукции, что должно положительно сказаться на внутренней добавленной стоимости промышленного экспорта (Там же). Добывающие отрасли являлись важным источником иностранной валюты для властей, при этом добыча и торговля сырьевыми товарами обычно находились в компетенции государственных монополистов, а операции проводились через управляемый государством банковский сектор. Отсутствие диверсификации экспорта и в целом низкий уровень участия МСП в международной торговле означает, что Узбекистан остается в значительной степени периферийным для глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), интеграция с которыми могла бы стать важным источником инвестиций, знаний и передачи технологий (OECD, 2021^[2]).

Рисунок 4.2. Динамика развития компаний в секторах экономики, связанных с внешней торговлей

Источник: (The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2023^[5])

В секторе оптовой торговли наблюдались наиболее высокие темпы роста компаний, хотя вклад в рост занятости был минимальным, возможно, из-за того, что частный сектор в данной области является небольшим и фрагментированным, а также из-за существующих проблем, связанных с неформальностью (Рисунок 4.2). Положительные тенденции во внешнем секторе Узбекистана и динамика в его ориентированном на торговлю деловом секторе указывают на значительный потенциал, который внутренняя и международная торговля, а также интернационализация местного частного сектора могут иметь для экономического развития страны.

4.2. Правительство реализует ряд реформ нормативно-правовой базы, направленных на поддержку интернационализации предприятий

В последние годы Узбекистан добился значительного прогресса в открытии своей экономики для внешней торговли и интернационализации частного сектора. С 2017 г. реформы законодательства, направленные на поддержку торговли, были в целом сосредоточены на трех областях: реформы в сфере обменных курсов и операций с иностранной валютой, либерализация тарифов и вопросы, связанные с экспортными ограничениями, и, соответственно, интеграция в глобальную торговую архитектуру.

4.2.1. Благодаря реформам были существенно либерализованы обменные курсы и валютные ограничения

Одной из первых крупных реформ, проведенных в рамках текущей волны реформирования, стала унификация в сентябре 2017 г. нескольких валютных курсов, существовавших до этого момента. Правительство девальвировало сум на 50 %, приведя его официальный обменный курс в соответствие с курсом черного рынка, который существовал до принятия пакета реформ. В августе 2019 г. правительство отменило ограничения на ежедневные колебания сума, перейдя вместо этого к режиму свободного курсообразования (OECD, 2019^[6]).

В то же время правительство начало либерализацию валютных операций для предприятий, которые ранее были сильно ограничены. Правительство отказалось от требования по сдаче

валютной выручки, тем самым устранив одно из основных препятствий для роста и реинвестирования как для местных, так и для иностранных компаний, ведь фактически это представляло собой частичную экспроприацию иностранных доходов (согласно требованию по сдаче валютной выручки, предприятия должны были обменивать часть своей экспортной выручки по официальному курсу).

Реформы в области обменных курсов сопровождались значительными дополнительными реформами, связанными с валютными операциями. В дополнение к отмене требований о сдаче валюты, компании получили возможность свободно покупать иностранную валюту без ограничений, будь то для импорта товаров или услуг, репатриации прибыли или других нужд бизнеса. Аналогичные свободы получили также и физические лица, которые с 2017 г. могли приобретать иностранную валюту для деловых и туристических целей, а с августа 2019 г. имеют возможность приобретать иностранную валюту без ограничений.

4.2.2. Большое количество тарифов было упразднено

В течение 2017-2018 гг. правительство начало осуществлять процесс односторонней либерализации торговли, в основном путем снижения тарифов, сократив импортные тарифы примерно на 8000 из 10 800 наименований товаров, из которых около 5000 были отменены полностью (World Bank, 2021^[7]). Снижение тарифов привело к снижению фактических тарифных ставок с 14,9 % в сентябре 2017 г. до примерно 7,5 % в 2020 г. (Там же).

Помимо снижения большинства наиболее высоких тарифов, реформы предусматривали перевод остальных тарифов со смешанных и комбинированных на более прозрачную систему тарифов, взимаемых в виде процента от стоимости, а также отмену большинства дискриминационных акцизов на некоторые виды импорта (World Bank, 2021^[7]). В то же время правительство отменило запреты на экспорт муки, риса, мяса и растительного масла, а для экспорта фруктов и овощей на ряд ключевых рынков, в частности в Россию, Казахстан и Кыргызскую Республику, был введен «зеленый коридор» с упрощенными таможенными процедурами. В совокупности эти реформы помогли сделать торговлю Узбекистана более конкурентоспособной, о чем свидетельствует быстрый рост товарной торговли начиная с 2017 г.

4.2.3. Узбекистан вновь стремится участвовать в глобальной торговой архитектуре

Обсуждение членства в ВТО возобновилось в 2020 г., примерно через 15 лет после последней официальной встречи по вопросу вступления страны в ВТО (World Bank, 2021^[7]). За этот период правительство подготовило дорожную карту для вступления в ВТО, представило обновленный *Меморандум о режиме внешней торговли*, что стало важнейшим шагом для возобновления переговоров о вступлении в ВТО, и включило вступление в ВТО в качестве одной из целей разработанной правительством в 2022 г. *Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.* (Republic of Uzbekistan, 2022^[8]). Если Узбекистану удастся реализовать принципы, необходимые для вступления в ВТО, в стране, вероятно, будет наблюдаться значительное сокращение затрат, времени и неопределенности, которые продолжают характеризовать существующую нормативно-правовую базу для внешней торговли (World Bank, 2021^[7]).

Сотрудничество между ЕС и Узбекистаном по вопросам торговли также активизировалось в последние годы. В июле 2018 г. Совет Европы принял директивы для проведения переговоров по Соглашению о расширенном партнерстве и сотрудничестве (СРПС) – обновленной версии Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, действующего с 1999 г. СРПС было заключено в феврале 2021 г., а в апреле 2021 г. Узбекистан получил вышеупомянутый статус GSP+. Этот статус позволяет Узбекистану пользоваться преимуществами базовой системы GSP (разрешение на

экспорт 3000 товаров в ЕС без таможенных пошлин и 3200 товаров по сниженным ставкам), а также предоставляет узбекским производителям и экспортерам односторонние преференции при экспорте на европейский рынок, такие как удвоение беспошлинного экспорта (OECD, 2021^[2]).

4.3. Узбекистану удалось добиться упрощения процедур торговли, хотя ряд барьеров все же остается

Правительство, несомненно, добилось прогресса в устранении барьеров в торговле. Тем не менее остается ряд вопросов, связанных с упрощением процедур торговли (т.е. с простотой выполнения логистических и процедурных требований, необходимых для импорта и экспорта), которые продолжают оказывать сильное влияние на деловой климат. Решение этих вопросов является целью политики правительства, и успех в этом направлении окажет значительное и положительное влияние на способность Узбекистана расширять и диверсифицировать свою торговлю.

Вопросы, относящиеся к категории упрощения процедур торговли, могут влиять на компании различными способами. В стране, дважды замкнутой сушей, торговые предприятия сталкиваются с ограниченностью транспортных связей, что также сказывается и на международных компаниях, желающих расширить рынки сбыта (ITF, 2019^[9]). Как уже говорилось выше, большая часть издержек для торговых предприятий в регионе связана с проблемами нематериальной инфраструктуры, в отличие от материальной, физической инфраструктуры, на которую часто обращают внимание лица, ответственные за разработку политики. Следствием этого является то, что более высокие затраты, связанные с перемещением товаров и услуг через границы, усугубляемые высокой степенью неопределенности сроков и процессов, связанных с этим, могут либо отбить у компаний желание экспортировать или импортировать, либо, с учетом затрат, сделать их экспорт неконкурентоспособным на внешних рынках.

Вставка 4.1. Индикаторы упрощения процедур торговли ОЭСР

Чтобы помочь правительствам оптимизировать пограничные процедуры, снизить торговые издержки, увеличить торговые потоки и получить больше выгод от международной торговли, ОЭСР разработала ряд Индикаторов упрощения процедур торговли (ИУПТ), которые позволяют определить точки приложения усилий и оценить возможные последствия реформ по упрощению процедур торговли. ИУПТ ОЭСР помогают вести мониторинг в конкретных областях, в которых был достигнут прогресс в реализации ИУПТ, а также других практических мер по упрощению процедур торговли. ИУПТ также помогают выявить области, требующие более пристального внимания и более глубоких реформ.

Их главная ценность заключается в выявлении изменений – как в нормативно-правовой базе, на которой строятся меры по упрощению процедур торговли, так и в их реализации на практике. Таким образом, эти индикаторы охватывают весь спектр пограничных процедур для более чем 160 стран с разным уровнем дохода, географическим расположением и уровнем развития. ИУПТ могут иметь значения от 0 до 2, где 2 соответствует максимально возможному уровню.

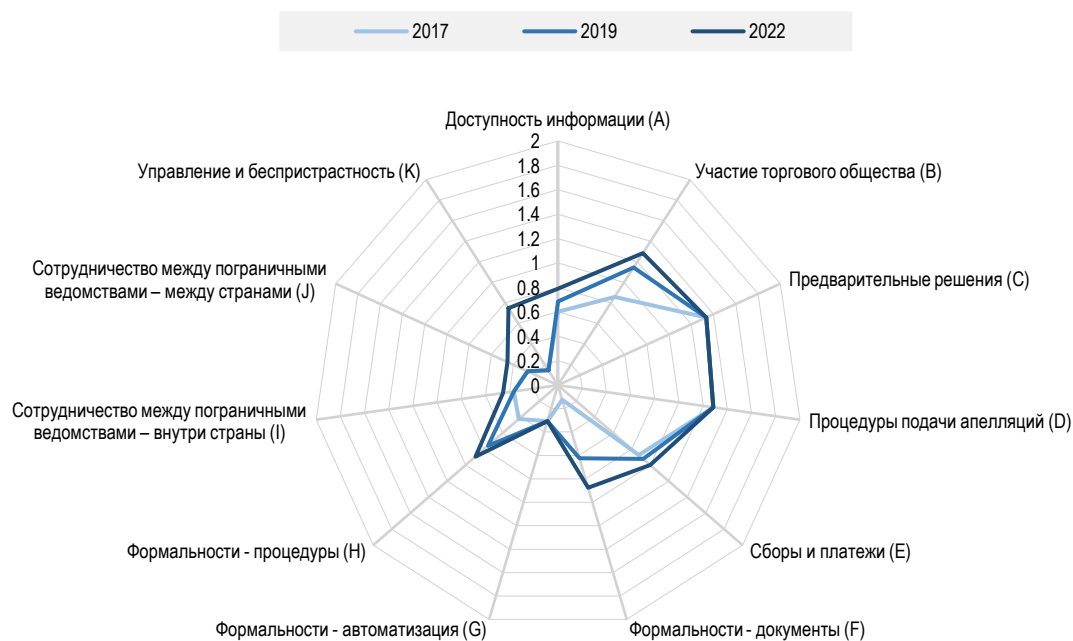
ИУПТ ОЭСР: обзор основных параметров и показателей

Показатель	Основные компоненты
(а) Доступность информации	<ul style="list-style-type: none"> ▪ публикация таможенных и торговых требований и информации, в том числе на веб-страницах в интернете; ▪ наличие и функционирование справочных служб; ▪ специальные функции для бизнеса (специальные веб-страницы/порталы, руководства и т. д.)
(b) Вовлечение торгового сообщества (консультантов)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ структуры для проведения консультаций; ▪ установленные правила проведения консультаций; ▪ публикация законопроектов; ▪ наличие системы для внесения замечаний и предложений
(c) Предварительные решения	<ul style="list-style-type: none"> ▪ заявления, предварительно направляемые запрашивающим торговцам администрацией, относительно классификации, происхождения, метода оценки и т. д., применимых к конкретным товарам на момент их ввоза; ▪ правила и процедуры, применимые к таким заявлениям
(d) Процедуры обжалования	<ul style="list-style-type: none"> ▪ возможность обжалования административных решений пограничных ведомств и различные способы такого обжалования
(e) Сборы и платежи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ положения о пошлинах и сборах, взимаемых с импорта и экспорта; ▪ положения о штрафах
(f) Формальности – документы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ возможность подачи копий; ▪ упрощение торговых документов; ▪ приведение в соответствие с международными стандартами
(g) Формальности – автоматизация	<ul style="list-style-type: none"> ▪ электронный обмен данными; ▪ использование автоматизированного управления рисками; ▪ автоматизация пограничных процедур
(h) Формальности – процедуры	<ul style="list-style-type: none"> ▪ упрощение пограничного контроля (досмотры, оформление); ▪ отграничение выпуска для таможенной очистки; ▪ единые пункты приема всей необходимой документации (единое окно); ▪ пост-таможенный аудит; ▪ наличие и функционирование программ авторизованных операторов (АО)

(i) Сотрудничество между пограничными ведомствами – внутри страны	<ul style="list-style-type: none"> ■ делегирование контроля таможенным ведомствам; ■ сотрудничество между различными пограничными ведомствами страны
(j) Сотрудничество между пограничными ведомствами – между странами	<ul style="list-style-type: none"> ■ сотрудничество со странами ближнего и дальнего зарубежья
(k) Управление и беспристрастность	<ul style="list-style-type: none"> ■ прозрачность таможенных структур и функций; ■ политика ответственности и этики

В 2022 г. ОЭСР была проведена повторная оценка Узбекистана в рамках Индикаторов упрощения процедур торговли (ИУПТ) (Вставка 4.1), впервые после 2019 г. и через два года после начала процесса реформ (ОЭСР, готовится к публикации). На тот момент страна уже начала добиваться прогресса по сравнению с результатами предыдущего сравнительного анализа, особенно в области процедурных формальностей и вовлечения международного торгового сообщества. С указанного момента страна продолжила улучшать свои общие результаты, добившись наиболее значительного прогресса в таких областях как доступность торговой информации, вовлечение торгового сообщества, упрощение и оптимизация пошлин и сборов, упрощение и гармонизация торговой документации, а также сотрудничество между национальными и трансграничными ведомствами (Рисунок 4.3). В то же время в отношении предварительных решений, процедур обжалования и автоматизации пограничных процедур был достигнут ограниченный прогресс.

Рисунок 4.3. Узбекистан в Индикаторах упрощения процедур торговли ОЭСР, 2017–2022 гг.

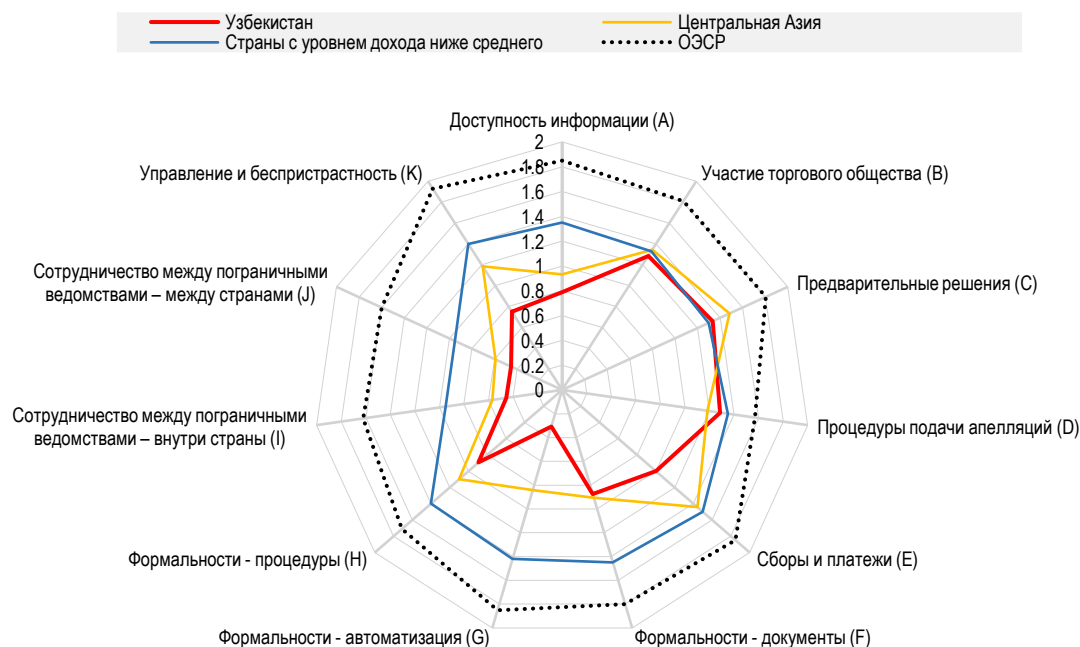

Источник: (ОЭСР, 2023^[10])

ИУПТ Узбекистана в целом соответствуют средним показателям для стран с низким и средним уровнем дохода (СНСД) в ряде областей. К ним относятся прозрачность и предсказуемость (последнее включает такие аспекты, как вовлечение торгового сообщества, предварительные решения и процедуры обжалования) (Рисунок 4.4). Сравнение с СНСД также позволяет выявить ряд более сложных областей, таких как доступность информации, пошлины и

сборы, упрощение и гармонизация документов, связанных с торговлей, автоматизация пограничных процессов и сотрудничество с пограничными службами. Несмотря на достигнутый прогресс, Узбекистан отстает от СНСД по большинству из этих направлений и значительно отстает от среднего показателя по ОЭСР.

Рисунок 4.4. Упрощение процедур торговли в сравнении с международными стандартами, 2022 г.

Источник: (OECD, 2023^[10])

В 2023 г. ОЭСР был отмечен ряд заметных улучшений благодаря недавним реформам в области политики, а также некоторые области, в которых дополнительные улучшения могут оказать существенное положительное влияние на местный деловой климат (OECD, Forthcoming^[11]). Повысив удобство пользования информацией о ставках пошлин, процедурах экспорта и импорта, общем законодательстве, касающемся торговли, и информацией о торговых соглашениях, а также предоставив руководства по работе новых пограничных систем, правительство заметно повысило прозрачность для торговых предприятий. Также был достигнут прогресс в области включения нового и более широкого круга заинтересованных сторон в процессы консультаций по изменениям торговой политики. Кроме того, была введена система предварительных решений, а также процедурные правила подачи апелляций по вопросам, связанным с торговлей. Работа во всех этих областях помогла повысить прозрачность и предсказуемость для торговых предприятий, работающих внутри страны и сотрудничающих с ней.

Правительство также добилось прогресса в оптимизации пограничных процедур благодаря созданию службы «одно окно» в области торговли, внедрению инструмента постаможенного аудита и программы авторизованных операторов (АО). К этим изменениям добавились новые процедуры обращения со скоропортящимися товарами и их обработки при таможенном оформлении, проведения досмотров перед отгрузкой, использования таможенных брокеров и возможности временного ввоза товаров. Оптимизация пограничных процедур также

удалось достичь благодаря упрощению и гармонизации документов, связанных с торговлей, и автоматизации процедур, причем особый прогресс наблюдается во внедрении возможностей электронной уплаты пошлин, автоматизированного управления рисками, приема копий документов и использования международных стандартов.

Правительство также предприняло шаги по укреплению межведомственных механизмов, призванных поддержать сотрудничество между пограничными службами. В настоящий момент в сотрудничестве, координации, обмене информацией и помощи участвуют все национальные ведомства, вовлеченные в трансграничную торговлю. Проводятся регулярные встречи представителей различных государственных учреждений, участвующих в процедурах, необходимых для импорта или экспорта товаров, дополняемые неформальными и специальными механизмами координации между учреждениями для разрешения конкретных ситуаций на границе. Важным также является тот факт, что в настоящее время национальное законодательство допускает трансграничное сотрудничество, координацию, взаимопомощь и обмен информацией с пограничными ведомствами соседних стран.

В оценке результатов, достигнутых Узбекистаном, ОЭСР также был выделен ряд областей для улучшения, которые во многом совпадают с замечаниями, содержащимися в опросе и других работах ОЭСР по содействию торговле и торговым связям в регионе. Например, в условиях постоянных сбоев дополнительное значение приобретают прозрачность и предсказуемость, благодаря которым обеспечивается раннее предупреждение о сбоях и повышается надежность цепочек поставок. Как отмечалось выше, Узбекистану удалось добиться прогресса в этой области, однако в плане повышения доступности и полноты информации в интернете многое еще предстоит сделать.

ОЭСР также была отмечена необходимость прогресса в нескольких областях. Они включают дальнейшее упрощение торговой документации (например, путем увеличения доли подтверждающих документов, которые могут быть предоставлены в виде копии), автоматизацию пограничных процедур (например, увеличение доли импортных и экспортных процедур, совершаемых в электронном виде, или разрешение предварительной электронной оплаты пошлин и налогов) и оптимизацию пограничных процедур (например, путем завершения внедрения автоматизированной системы управления рисками для таможенных и других органов, участвующих в трансграничной торговле). Расширение сотрудничества пограничных ведомств – например, путем внедрения формально утвержденного механизма поддержки межведомственной координации или предоставления государственным органам возможности делегировать функции контроля другим органам – также было отмечено в качестве ключевых областей для улучшения.

4.4. Дополнительная целевая поддержка может помочь МСП выйти на иностранные рынки

. Для интернационализации компаний также важны вопросы торговли, связанные со спросом, такие как осведомленность о внешних возможностях и способность успешно проходить таможенные процедуры. Помощь компаниям – особенно МСП – Узбекистана в интернационализации являлась ключевым мотивом правительства и ОЭСР при проведении в 2017 г. экспертного обзора политики в области продвижения экспорта в стране для поддержки интернационализации компаний, а в 2021–2022 гг. был проведен дополнительный мониторинг в данной области (OECD, 2017^[1]; OECD, 2021^[2]).

МСП играют значительную роль в обеспечении роста и занятости в Узбекистане: в 2020 г. на них приходилось 55 % ВВП и 75 % официальной занятости. В то же время их вклад в экспорт остается ограниченным, что говорит о том, что барьеры на пути экспорта продолжают снижать их потенциальный вклад в рост. В последний допандемийный 2019 г. на МСП приходилось 27 %

экспорта, а в 2020 г. эта доля упала до 20,5 %. Эти цифры отражают прямой экспорт, то есть не учитывают косвенный экспорт, в который МСП вносят свой вклад благодаря интеграции в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) и своей роли в более широких промышленных экосистемах крупных компаний в стране. Включение Узбекистана в базы данных ОЭСР, такие как база данных по торговле добавленной стоимостью (TiVA), будет содействовать учету более широкой роли МСП Узбекистана в экспортно-ориентированных отраслях.

В условиях ограниченности транспортных связей Узбекистана и относительно высокой стоимости международной торговли МСП страны в целом остаются ориентированными на внутренний рынок или ближайших соседей по региону, особенно в торговом и производственном секторах. Программы целевой поддержки, направленные на повышение осведомленности МСП о новых экспортных возможностях и оказание им помощи в понимании процедур, необходимых для получения доступа к ним, в последние годы стали одним из ключевых направлений деятельности в области политики.

После проведения первоначального экспертного обзора политики Узбекистана по стимулированию экспорта в 2017 г. правительством страны был получен от ОЭСР ряд рекомендаций. Многие из этих рекомендаций остаются актуальными, включая следующие:

- развитие консультационной деятельности для развития знаний МСП о зарубежных рынках, включая потенциал экспортных рынков, требования и возможности сертификации продукции;
- расширение сети продвижения экспорта за границей и разработка четкой стратегии брендинга на целевых рынках в сотрудничестве с деловым сообществом; и
- мониторинг работы и эффективности экспортных агентств для более эффективного распределения ресурсов с использованием ключевых показателей эффективности и комплексных стратегий оценки различных учреждений.

С момента предоставления указанных рекомендаций в 2017 г. Узбекистану удалось добиться значительного прогресса в ряде областей. За прошедший период было создано несколько учреждений по продвижению экспорта, включая Агентство по продвижению экспорта (АПЭ), которое было создано при Министерстве инвестиций и внешней торговли (МИВТ). Создание АПЭ позволило правительству консолидировать и рационализировать полномочия нескольких ранее существовавших учреждений, включая Агентство по развитию малого бизнеса и предпринимательства при Кабинете министров. С момента своего создания АПЭ стало ключевым участником процесса продвижения экспорта, помогая МСП получить доступ к финансированию, связанному с торговлей, взаимодействуя с органами власти и проводя переговоры по экспортным контрактам. Оно также предоставляет информацию об экспортных рынках для МСП страны в сотрудничестве с такими исследовательскими центрами, как Центр экономических исследований и реформ (CERR) и Центр исследования отраслевых рынков и производительности труда в производстве. На данное агентство также возложена важная роль по контролю и реализации рекламного бренда «Сделано в Узбекистане».

Правительство также углубило сотрудничество с частным сектором, стремясь расширить его интернационализацию. Одним из важных направлений работы в этом отношении являлась работа по поддержке МСП в области стандартизации и инфраструктуры качества, например, усилия Агентства по техническому регулированию по предоставлению экспортным предприятиям поддержки в вопросах сертификации. АПЭ также стремится устранить пробелы в знаниях и навыках, которые могут препятствовать превращению МСП в экспортеров, путем создания консультационных и маркетинговых служб, которые в настоящее время являются важнейшим элементом его мандата. АПЭ имеет шесть специализированных отделов, два из которых занимаются исследованиями и анализом экспортного рынка.

Тем не менее остается ряд областей, где дополнительное стратегическое вмешательство могло бы значительно улучшить возможности узбекских МСП по интернационализации. Например, можно увеличить предложение услуг по сертификации и сделать их более доступными. Как отмечается в записке о мониторинге от 2021 г., АПЭ может предоставить варианты совместного покрытия расходов на эти и другие услуги, чтобы расширить круг МСП, которые могут получить к ним доступ. Партнерство с международными органами и компаниями по сертификации и также может улучшить осведомленность о «инфраструктуре качества», чтобы МСП Узбекистана могли максимально использовать возможности, которые появились благодаря GSP+ и которые могут появиться в результате дальнейшей гармонизации с ВТО.

Бренд «Сделано в Узбекистане» стал важным шагом в создании узнаваемой идентичности Узбекистана на потенциальных экспортных рынках, но еще предстоит проделать определенную работу для того, чтобы узбекские МСП ассоциировались с четким ценностным предложением. Это та область, где связи АПЭ за рубежом, особенно посольства и торговые дома, могут быть использованы более стратегически.

Список литературы

- IEA (2022), *Uzbekistan 2022: Energy Policy Review*, International Energy Agency, Paris, [4]
<https://iea.blob.core.windows.net/assets/0d00581c-dc3c-466f-b0c8-97d25112a6e0/Uzbekistan2022.pdf>.
- ITF (2019), *Enhancing Connectivity and Freight in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, [9]
https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/connectivity-freight-central-asia_2.pdf.
- OECD (2023), *Uzbekistan*, OECD Trade Facilitation Indicators, OECD Publishing, Paris, [10]
<https://www.oecd.org/trade/topics/trade-facilitation/>.
- OECD (2021), *Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, [13]
https://www.oecd.org/eurasia/Beyond_COVID%2019_Central%20Asia.pdf.
- OECD (2021), *Boosting the Internationalisation of Firms through better Export Promotion Policies in Uzbekistan*, OECD Eurasia Policy Insights, OECD Publishing, Paris, [2]
https://www.oecd.org/eurasia/Monitoring_Review_Uzbekistan_ENG.pdf.
- OECD (2020), *COVID-19 Crisis Response in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, [12]
https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=129_129634-ujyjsqu30i&title=COVID-19-crisis-response-in-central-asia.
- OECD (2019), *Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, [6]
<https://www.oecd.org/eurasia/Improving-LEB-CA-ENG%2020%20April.pdf>.
- OECD (2017), *Boosting SME Internationalisation in Uzbekistan through better Export Promotion Policies*, OECD Publishing, Paris, [1]
https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/Uzbekistan_Peer_review_note_dec2017_final.pdf.
- OECD (Forthcoming), *Enhancing Trade Connectivity in Central Asia*, OECD Publishing, Paris. [11]

- Republic of Uzbekistan (2022), *Development Strategy of New Uzbekistan for 2022-2026*, [8]
<https://uzembassy.kz/upload/userfiles/files/Development%20Strategy%20of%20Uzbekistan.pdf>.
- State Agency for National Statistics of the Republic of Uzbekistan (2023), *External Economic Statistics*, State Agency for National Statistics, Tashkent, <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade>. [3]
- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *Small Business and Entrepreneurship*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, <https://stat.uz/en/official-statistics/small-business-and-entrepreneurship>. [5]
- World Bank (2021), *Assessing Uzbekistan's Transition: Country Economic Memorandum*, World Bank, DC, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/862261637233938240/pdf/Full-Report.pdf>. [7]

5

Преобразование нормативно-правовой среды для ведения бизнеса в Узбекистане

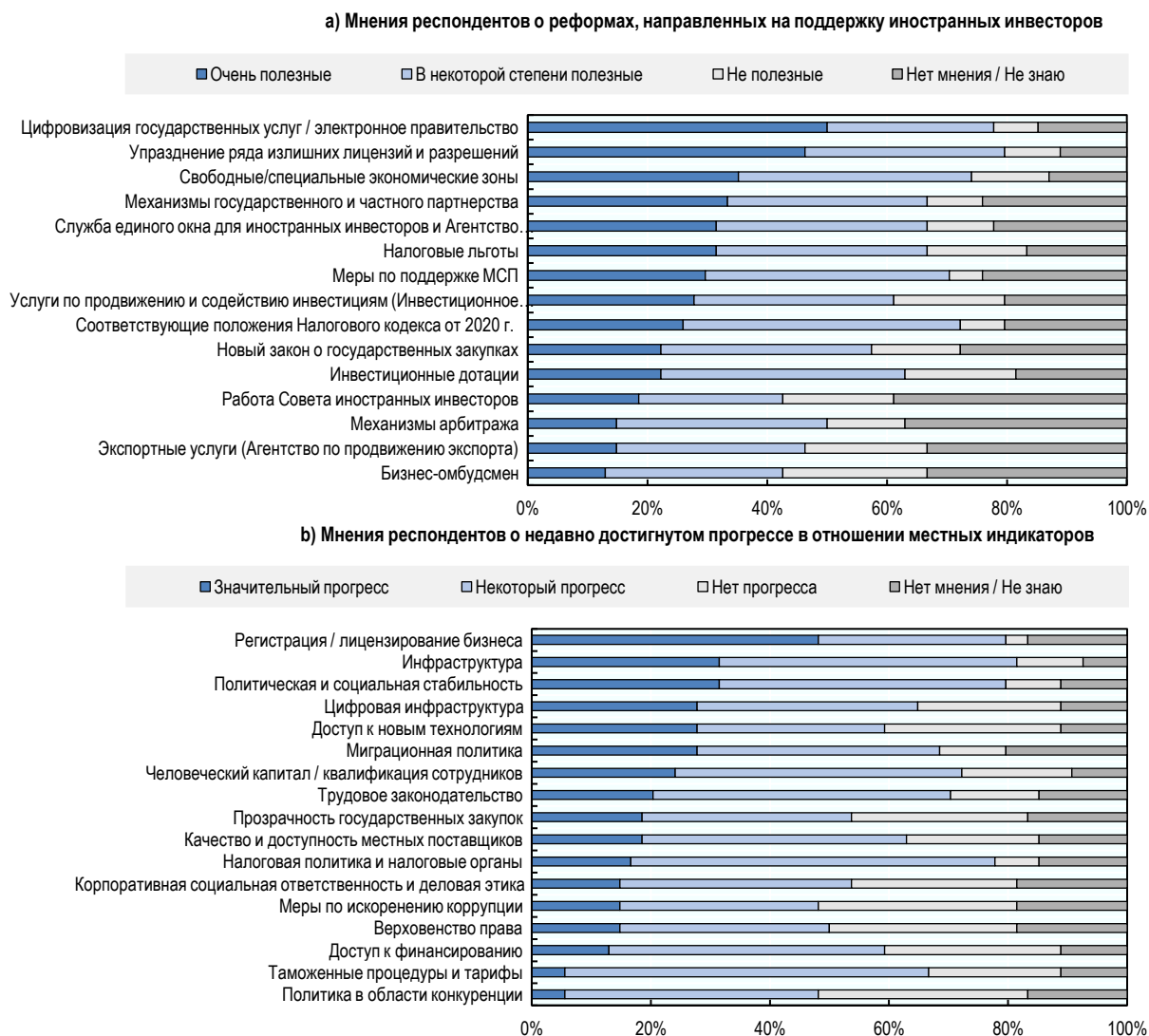
Ответы, полученные в ходе опроса, свидетельствуют о том, что, по мнению компаний, текущие нормативно-правовые реформы, направленные на поддержку делового климата в Узбекистане, движутся в правильном направлении. В то же время респонденты отмечают, что предстоит проделать значительную работу как в отношении реализации этих реформ, так и в области разработки дополнительных реформ, направленных на защиту конкуренции. Эти мнения согласуются с анализом ОЭСР по ряду областей, выделенных респондентами, таких как общие рамочные условия для ведения бизнеса, налогообложение и конкурентная политика. Хотя нормативно-правовая база для ведения бизнеса в Узбекистане значительно улучшилась с 2017 г., позволив бизнесу сократить многие ненужные постоянные затраты, по результатам опроса был выделен ряд областей, в которых необходимо провести дополнительную работу для содействия развитию частного сектора.

5.1. Результаты опроса и обзорный анализ

Ответы на опрос свидетельствуют о том, что компании в Узбекистане неоднозначно оценивают скорость, эффективность и направление проводимых реформ для поддержки развития частного сектора. Например, респонденты в подавляющем большинстве отметили, что в Узбекистане благоприятный климат для ведения бизнеса: 28 % отметили, что он является очень благоприятным, а 54% – в некоторой степени благоприятным. Лишь 9 % респондентов заявили, что деловой климат в стране неблагоприятен. Однако за этой в целом положительной оценкой скрываются гораздо более неоднозначные мнения относительно различных показателей состояния делового климата в стране.

Например, значительная часть компаний сообщили, что регистрация и лицензирование бизнеса, трудовое законодательство и миграционная политика являются удовлетворительными, хотя значительно меньшее число компаний оценили эти показатели как высокие. Это вполне предсказуемо, учитывая, что в указанных областях реформы еще продолжаются, и примечателен тот факт, что большинство респондентов согласилось с тем, что за последние пять лет в каждой из этих областей правительству удалось добиться некоторого или значительного прогресса (Рисунок 5.1 b). В отчете ОЭСР «Совершенствование правовой среды предпринимательства» совершенствование требований к регистрации и лицензированию для предприятий было отмечено как одна из ключевых областей, требующих принятия мер, наряду с налоговой политикой – еще одной областью, где значительное большинство респондентов отмечают некоторый или значительный прогресс, хотя относительно немногие оценивают текущее налоговое администрирование и политику как эффективные (OECD, 2021^[1]).

Рисунок 5.1. Оценка предприятиями реформ и недавно достигнутого прогресса в Узбекистане

Примечание: в процентах от общего количества респондентов.

Источник: опрос ЕС-ОЭСР «Оценка делового климата в Узбекистане» (2022)

В то же время 50 % или более респондентов оценили более половины показателей как низкие, в то время как значительно меньшая доля респондентов сочли соответствующие показатели высокими, при этом наиболее высокие цифры из них составили 20 % (политическая и социальная стабильность) и 19 % (регистрация бизнеса и лицензирование). Процент предприятий, оценивших остальные 15 показателей как высокие, составил менее 10 %. Тем не менее обнадеживающим является тот факт, что относительное большинство – а во многих случаях и абсолютное большинство – компаний оценили прогресс правительственных реформ в каждой области как положительный, что, пожалуй, свидетельствует о том, что общая оценка респондентов в целом также является положительной.

5.1.1. Наиболее проблемными областями для компаний остаются прозрачность и конкуренция

В ответах компаний на опрос был выявлен ряд вопросов, связанных с деловым климатом, каждый из которых отражает давние проблемы в нормативно-правовой среде. Прозрачность государственных закупок остается для компаний серьезной проблемой: 56 % респондентов отметили ее как низкую, и только 2 % – как высокую. Это проблема не только европейских компаний, но и всего частного сектора, а также государственного сектора, который благодаря своей значительной покупательной способности может, например, при осуществлении закупок отдавать предпочтение низкоуглеродным и устойчивым технологиям. Также верно и обратное – недальновидные решения в области закупок могут затруднить достижение правительством долгосрочных целей, таких как чистые нулевые выбросы, если эти решения приведут к сохранению ранее существовавших квот для предприятий с углеродоемкими технологиями или способами организации. Поэтому решение вопросов прозрачности закупок важно не только для расширения возможностей компаний, но и для ускорения внедрения тех видов устойчивой и повышающей производительность инфраструктуры и технологий, которые необходимы для реализации заявленных правительством социально-экономических амбиций. Еще одним важным вопросом является доступ к финансированию, и мнения респондентов вновь разделились аналогичным образом: 2 % респондентов считают его хорошим, а 56 % – плохим. Работа над вопросами доступа к финансированию, особенно для МСП, остается ключевым направлением взаимодействия ОЭСР с правительством Узбекистана.

Одним из основных вопросов, выявленных в ходе опроса, является вопрос конкуренции. В то время как 56 % респондентов сообщили, что политика в области конкуренции неэффективна, ни один из респондентов не считает ее эффективной. Это является ключевым недостатком делового климата Узбекистана и основным препятствием для развития устойчивого и инклюзивного частного сектора. По каждому из субпоказателей конкурентной политики большинство отметили, что они находятся на низком уровне (институциональная основа конкурентной политики – 52 %; контроль концентрации – 54 %; меры по борьбе с картелями и сговорами – 57 %; контроль рыночного доминирования и монопольной практики – 67 %). Это вопрос, о котором власти осведомлены и над которым они работают совместно с ОЭСР, чтобы улучшить ситуацию (OECD, 2022^[2]).

Поскольку опрашиваемые компании являются представителями европейского бизнеса в Узбекистане, их также попросили оценить государственные меры, направленные на поддержку иностранных инвесторов (Рисунок 5.1). По 11 из 15 показателей, которые респондентам было предложено оценить, большинство сочли усилия правительства по поддержке иностранных инвесторов полезными в некоторой степени или очень полезными.

Респондентов не просили сообщать об относительной важности каждой меры, а просто ответить, была ли она полезной или нет, и в какой степени. Поэтому на основании полученных ответов невозможно определить, в какой степени та или иная мера повлияла на инвестиционные решения, принятые или не принятые европейскими компаниями в стране. Тем не менее примечательным является тот факт, что две области, в которых за последние годы были проведены широкомасштабные государственные реформы – цифровизация государственных услуг и отмена излишних лицензий и разрешений – получили наивысшую оценку как очень полезные (50 % и 46 %), что перекликается с результатами более ранней работы ОЭСР в указанных областях. Значительное количество компаний ответили, что не могут оценить полезность ряда мер, возможно, из-за недостаточной осведомленности о них среди европейского бизнес-сообщества.

Во многих отношениях ответы на опрос совпадают с анализом делового климата в Узбекистане, проведенным ОЭСР. Очевидно, что был достигнут значительный прогресс в улучшении делового климата, особенно благодаря реформам по либерализации рынка, которые

обсуждались в Главе 4, а также посредством многочисленных реформ нормативно-правовой базы для предпринимательства и инвестиций (OECD, 2021^[1]). В то же время влияние этих реформ на фактические условия деятельности компаний остается ограниченным во многом из-за лишь частичного прогресса в реализации реформ, направленных на борьбу с конкуренцией, привлечение инвестиций и развитие в определенных ключевых рамочных условиях для бизнеса, а также в последовательном внесении юридических изменений в нормативно-правовую базу.

5.2. Правительство осуществляет широкий комплекс реформ нормативно-правовой базы для поддержки развития частного сектора и привлечения иностранных инвесторов

После начала масштабных реформ в 2017 г. Узбекистаном были сделаны значительные шаги в направлении улучшения нормативно-правовой среды для ведения бизнеса. Активность со стороны лиц, ответственных за разработку политики, и регулирующих органов была высокой, и в последние годы был принят большой объем новых законов, которые прямо или косвенно затрагивают частные предприятия в стране. Благодаря недавно принятым законодательным изменениям, в том числе *Закону об инвестициях и инвестиционной деятельности* от 2020 г. и существенно пересмотренному налоговому кодексу от 2020 г., были устранены давние неопределенности и недостатки в нормативно-правовой среде для ведения бизнеса. Более того, в 2022 г. был разработан Предпринимательский кодекс, который объединит многочисленные до сих пор разрозненные законодательные акты, касающиеся бизнеса, в один закон.

В то же время в 2017–2022 гг. правительство в основном сосредоточилось на реформах, способных принести быстрые результаты без приложения особых усилий. Некоторые заметные барьеры для бизнеса, безусловно, были устранены – например, открыть свое дело стало значительно проще и дешевле, – но другие барьеры, часто связанные с неизменно сложными вопросами политики и политэкономии, остаются либо на месте, либо ослаблены лишь частично.

5.2.1. Процесс реформирования основывается на ряде стратегий высокого уровня

Процесс реформирования осуществляется на основе нескольких стратегических документов высокого уровня. Руководящим стратегическим документом для начальных этапов процесса реформирования являлась *Национальная стратегия развития на 2017–2022 гг.* (НСР), в которой были изложены планы правительства по либерализации экономики, снижению роли государства, совершенствованию управления и повышению роли частного сектора и иностранных инвестиций (Republic of Uzbekistan, 2017^[3]). НСР была дополнена практической *Дорожной картой реформ на 2019–2021 гг.* (Republic of Uzbekistan, 2019^[4]). Оба документа, а также большое количество президентских указов, законов и подзаконных актов свидетельствуют о широте и глубине программы реформ. В 2022 г. НСР была заменена *Национальной стратегией развития на 2022–2026 гг.* (НСР), которая основывается на приоритетах предыдущего документа и добавляет ряд конкретных целей: увеличение ВВП на душу населения в 1,6 раза к концу проектного периода, доход на душу населения до 4000 долларов США к 2030 г., снижение годовой инфляции до 5 % к 2023 г., увеличение объема промышленного производства на 40 % и увеличение доли промышленности в ВВП, а также достижение ряда целей в области изменения климата и устойчивого развития, производства электроэнергии и вступления в ВТО.

Для поддержки реализации приоритетов в области развития частного сектора и делового климата правительство провело значительную институциональную реформу. Были созданы

новые институты и учреждения, реформированы существующие и увеличена автономия некоторых существующих институтов. Указанная реорганизация была осуществлена благодаря согласованным усилиям по обеспечению соответствующих учреждений полномочиями и возможностями для реализации программы реформ правительства, а также отражает общую тенденцию к сокращению штатов и оптимизации государственного управления. Некоторые из указанных изменений подробно описаны ниже:

- Правительством было создано Агентство стратегических реформ (АСР) при Президенте, которое отвечает за надзор за текущими реформами и их оценку, а также призвано сформулировать дополнительные возможности для изменения политики и реформ.
- Правительством также было учреждено Министерство инвестиций, промышленности и торговли (МИПТ), а также Министерство экономики и финансов (МЭФ), в задачи которых входит улучшение общего делового и инвестиционного климата.
- Для поддержки приватизации правительством было учреждено Агентство по управлению государственными активами (АУГА), заменившее ныне расформированный Государственный комитет по приватизации, демонополизации и развитию конкуренции.
- Кроме того, правительством было создано Агентство по развитию рынка капитала (АРК), которое работает совместно с АУГА над стратегией приватизации, а также самостоятельно над созданием функционирующего рынка капитала в Узбекистане.
- Правительством также было создано Агентство по развитию малого бизнеса и предпринимательства при Министерстве экономики и промышленности (МЭП), при этом МЭП также отвечает за реформы в отношении несельскохозяйственных земель и разработку стратегии урбанизации страны.
- Правительство также учредило новый орган для согласования горизонтального подхода к разработке, координации и реализации антикоррупционной политики через межведомственные комиссии на национальном уровне (республиканская межведомственная комиссия) и в регионах страны (территориальные межведомственные комиссии).
- Кроме того, под эгидой Администрации Президента внедрен институт бизнес-омбудсмена.

В 2022 г. правительством был разработан проект нового Предпринимательского кодекса (ПК), объединившего в себе ряд до сих пор разрозненных законодательных актов, касающихся бизнеса. Текущий проект ПК включает ключевые разделы, организованные в соответствии с международными стандартами, включая четкие определения предприятий, в частности, МСП, с соответствующими пороговыми значениями и ограниченным по времени учетным периодом. В нем также проводится четкое разграничение между определением и целью коммерческих предприятий и социальных предприятий; определяются их права и обязанности; содержатся положения, необходимые для создания надежной нормативно-правовой базы для ведения бизнеса, в частности, определение процедуры регистрации и закрытия бизнеса, что является важным шагом для формализации предприятий; а также правила, касающиеся характера и условий государственной поддержки бизнеса. Кроме того, в документе прописана иерархия международных и национальных нормативных актов, поскольку он отдает приоритет международным договорам, ратифицированным Узбекистаном, перед ПК, а также приоритет ПК перед всеми другими нормативными актами, связанными с предпринимательством (текущая статья 2).

5.2.2. В результате реформ процедуры регистрации бизнеса и лицензирования были значительно упрощены

Открыть бизнес стало намного проще. Процесс регистрации предпринимателей был значительно улучшен, осуществлен переход к онлайн-регистрации и использованию цифровых платформ (World Bank, 2019^[5]). Предприниматели могут зарегистрироваться, посетив один из Центров государственных услуг, расположенных в Ташкенте и имеющих филиалы в каждой области, или через платформу онлайн-регистрации www.fo.birdacha.uz. Минимальные требования к капиталу для учреждения акционерного общества (АО) и общества с ограниченной ответственностью (ООО) были отменены в марте 2019 г. (Dentons, 2019^[6]). Процедура продления регистрации с проставлением апостиля также может быть упразднена.

Продолжается оптимизация процесса выдачи лицензий и разрешений, необходимых для ведения бизнеса. В апреле 2018 г. в двух президентских указах – «О мерах по дальнейшему сокращению и упрощению лицензионных и разрешительных процедур в сфере предпринимательской деятельности» и «Об улучшении условий ведения бизнеса» – было признано, что многие лицензии и разрешения не соответствуют современным стандартам и устарели. Более того, было признано, что процесс выдачи лицензий был слишком медленным, а взаимодействие государственных органов оставалось слишком ограниченным. Указы предусматривают сокращение количества видов деятельности, требующих лицензирования, и времени, необходимого для получения лицензий, отмену временных ограничений по большинству лицензий и разрешение заявителям осуществлять лицензируемые виды деятельности, если государственные органы не укладываются в установленные сроки рассмотрения заявлений о выдаче лицензий (Republic of Uzbekistan, 2018^[7]).

5.2.3. Правительство продолжает реформы в области налогового администрирования

С 2017 г. правительство осуществляет реформу налоговой системы, изменения которой направлены на упрощение налоговой политики и администрирования. Начиная с 2018 г., для предприятий всех размеров была установлена единая ставка личных и корпоративных налогов в размере 12 %; критерий классификации предприятий по размеру был изменен с количества сотрудников на оборот, и была введена новая единая ставка налога для малых предприятий в размере 4 % от оборота (World Bank, 2021^[8]). Малым предприятиям также было разрешено уплачивать НДС, что, в свою очередь, позволило им более эффективно участвовать в цепочке поставок крупным компаниям, также предусматривающей уплату НДС, и тем самым был устранен один из барьеров на пути к росту МСП (OECD, 2021^[11]). Новый кодекс был введен в действие в январе 2020 г. вслед за масштабной перестройкой налоговой системы страны (Republic of Uzbekistan, 2019^[9]). Несмотря на воздействие пандемии COVID-19, налоговые поступления увеличились с 19,2 % ВВП в 2019 г. до 19,5 % ВВП в 2020 г., что частично объясняется увеличением налоговой базы и ростом формализации занятости, компенсирующими потери доходов от снижения налоговых ставок (World Bank, 2021^[8]).

5.2.4. Государственная программа приватизации в последние годы набрала обороты

Для решения проблемы роли государства в экономике правительство приступило к реализации широкой программы акционирования в рамках подготовки к приватизации ряда государственных предприятий (ГП) (Republic of Uzbekistan, 2018^[10]). Одной из фундаментальных проблем для лиц, ответственных за разработку политики, и инвесторов в понимании степени присутствия государства в экономике является вопрос измерения и классификации, поскольку в

законодательстве в качестве государственных признаются только те предприятия, которые находятся в 100-процентной государственной собственности (Republic of Uzbekistan, 2006^[11]). Использование властями столь узкого определения означает, что многие другие предприятия с прямым или косвенным участием государства не включены в официальную статистику, что может создать неверное впечатление об участии государства в экономике. Так, например, хотя правительство сообщает, что в Узбекистане насчитывается 257 акционерных обществ, находящихся в прямой собственности государства, недавнее исследование АБР показало, что еще 329 АО находились в непрямой собственности государства, что говорит о том, что почти три четверти подобных компаний в стране полностью или частично контролировались государством (Abdullaev, 2020^[12]). С одной стороны, положительным является тот факт, что государство признает свой контроль, включая в свои расчеты ООО и АО, не вписывающиеся в строгое определение, используемое властями; с другой стороны, остаются проблемы с отражением фактической экономической реальности в анализе государственной собственности.

Правительство уже начало предпринимать практические шаги по реализации программы приватизации при технической помощи со стороны МФО, включая ЕБРР, АБР и Всемирный банк (World Bank, 2019^[13]): для улучшения экономической жизнеспособности ряда коммунальных ГП были повышены тарифы; были приняты законы, разрешающие приватизацию несельскохозяйственных земельных участков (Republic of Uzbekistan, 2019^[14]); кроме того, в 2019 г. решением правительства была одобрена продажа акций в химическом, углеводородном, машиностроительном, банковском и страховом секторах (Republic of Uzbekistan, 2019^[15]). Пересмотр правительством деятельности вертикально интегрированной национальной авиакомпании (НАК) свидетельствует о его намерениях по реформированию ГП. Уже был издан президентский указ о реорганизации подразделений НАК в новые юридические лица с планом привлечения ГЧП для эксплуатации активов прежнего монополиста (Republic of Uzbekistan, 2018^[10]). В процессе приватизации приходится сталкиваться с фрагментарным и неконсолидированным правовым ландшафтом, что затрудняет управление и оценку активов, которые могут быть приватизированы. Например, закон, регулирующий оценку ГП и государственных активов, датируется 1992 г. и никогда не изменялся, что может препятствовать точной оценке активов в современном контексте.

5.2.5. Создается более четкая и либеральная нормативно-правовая база для поддержки иностранных инвестиций

В 2020 г. был принят новый Закон об инвестициях и инвестиционной деятельности (ЗИИД), заменивший и расширивший предыдущие законы от 1998 г. об иностранных инвестициях и защите инвесторов, среди прочего. Инвестиционное законодательство может помочь обеспечить прозрачность и ясность инвестиционного режима страны, оговаривая условия доступа на рынок, а также защиту инвестиций и разрешение споров. Многие правительства, особенно среди членов ОЭСР, регулируют инвестиции с помощью законов более общего применения, однако в более чем 100 странах был принят специальный закон об инвестициях в качестве сигнала для потенциальных инвесторов.

Вставка 5.1. Закон об инвестициях и инвестиционной деятельности от 2020 г.

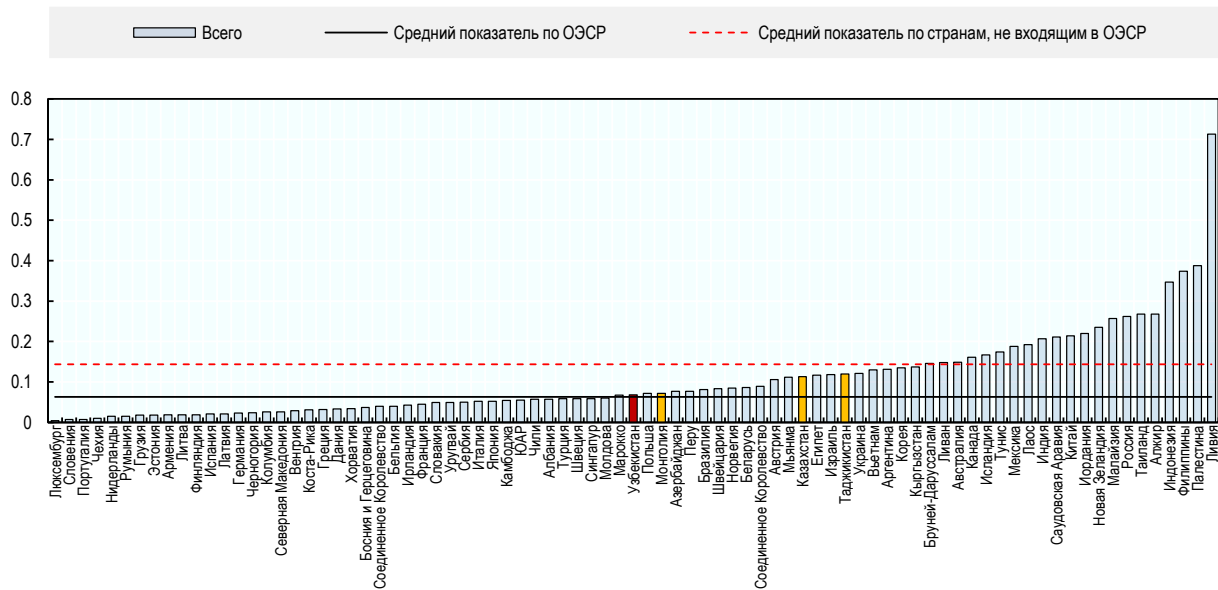
ЗИИД 2020 г. призван систематизировать существующие законы и подзаконные акты и уравнивать условия игры для иностранных и местных инвесторов. Как таковой, он распространяется как на иностранных, так и на местных инвесторов, хотя и исключает многие формы инвестиций, например, осуществляемые в рамках соглашений о разделе продукции, концессионных договоров и государственно-частного партнерства, а также в особых экономических зонах. Поэтому он вряд ли применим ко многим дорогостоящим инвестиционным проектам, связанным с природными ресурсами и инфраструктурой, в том числе к проектам, в рамках которых, как правило, существуют конкретные договорные отношения с государством. В то же время неясно, могут ли законы, регулирующие эти другие сферы деятельности (такие как ГЧП и ОЭЗ или контракты с государством по конкретным проектам), заменять положения ЗИИД, тем самым предоставляя правительству лазейку для экспроприации или национализации. Вопрос о правовой иерархии – это вопрос, который правительство должно прояснить для бизнеса, как местного, так и международного, чтобы он мог быть уверен в правовой окончательности таких актов как ЗИИД. Для инвестиций, подпадающих под действие ЗИИД, новый закон сохраняет широкий спектр щедрых мер защиты, многие из которых применяются в равной степени к иностранным и внутренним инвестициям. Он включает общий принцип отсутствия дискриминации и гарантии применения национального режима, защиту от национализации (хотя и не косвенной экспроприации) и возможность перевода средств за границу.

Новый закон также решает проблему, с которой сталкиваются инвесторы в некоторых бывших советских республиках, в частности, попытки некоторых представителей центральных и региональных органов власти аннулировать лицензии на иностранные инвестиционные проекты под предлогом нарушения экологических или других норм. Он также защищает инвесторов от негативных изменений в законодательстве, обеспечивая стабильность регулирования в течение десяти лет с момента первоначального инвестирования. Хотя стабилизационные гарантии широко распространены в регионе, они гораздо реже встречаются в других регионах мира, поскольку могут сильно связать руки правительствам. Альтернативным – и более гибким – подходом может быть включение положения о косвенной экспроприации в сам закон с некоторыми четко прописанными исключениями.

Новый закон вводит состоящий из четырех этапов процесс разрешения споров, касающихся иностранных инвестиций. Несмотря на некоторую неясность в формулировке соответствующих положений, согласно новому закону, как представляется, эти четыре этапа являются обязательными и следующими друг за другом шагами. Инвестор может обратиться в международный арбитраж против государства только в том случае, если он сначала попытался разрешить спор путем переговоров, посредничества и судебного разбирательства в узбекских судах. Новый закон предусматривает возможность проведения арбитражного разбирательства между инвесторами и государством в рамках инвестиционных договоров или контрактов, но не дает открытого согласия государства на арбитраж всех инвестиционных споров.

Индекс регуляторных ограничений ПИИ, разработанный ОЭСР, демонстрирует, что Узбекистан является страной, относительно открытой для иностранных инвестиций. С точки зрения законодательных ограничений страна находится на уровне среднего показателя ОЭСР и опережает другие страны региона, включенные в Индекс ПИИ, такие как Казахстан, Кыргызстан и Монголия (Рисунок 5.2 .

Рисунок 5.2. Индекс регуляторных ограничений ПИИ, разработанный ОЭСР: Узбекистан (2020)

Примечание: 0 = открытый; 1 = закрытый.

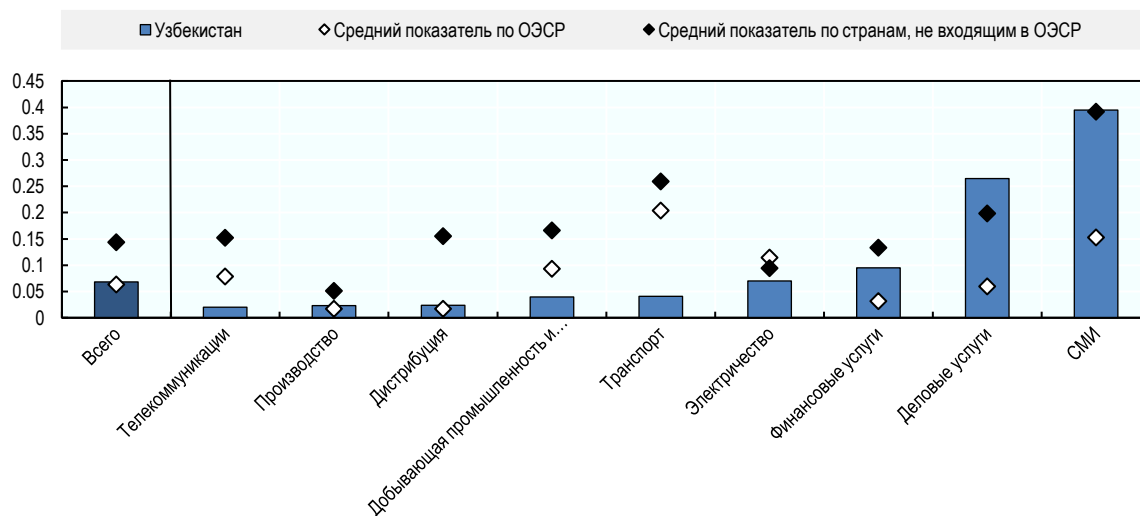
Источник: (OECD, 2023^[16])

Ограничения сохраняются в таких сферах как СМИ, телекоммуникации, энергетика, деловые услуги и др., и особенно высоки в секторах СМИ, финансовых и деловых услуг (Рисунок 5.3). Некоторые секторальные ограничения являются довольно распространенными и отражают национальные интересы, однако другие заслуживают переоценки, чтобы определить, оправдывают ли их предполагаемые преимущества возможный сдерживающий эффект, который они могут оказать на приток капитала. Это особенно характерно для финансового сектора и сектора бизнес-услуг. Помимо непосредственного воздействия на приток капитала, правительствам следует также учитывать, как ограничения влияют на приближенные к конечному потребителю отрасли, а также на самих потребителей. Правительство должно, по меньшей мере, четко изложить ограничения на инвестиционном онлайн-портале. Поскольку сектора, в которых в настоящее время доминируют ГП, должны быть открыты, условия участия иностранных инвесторов в процессе приватизации также должны быть четко определены и озвучены. В настоящее время ЕБРР работает с правительством над новым законом о приватизации и призывает правительство обеспечить повышение прозрачности процесса приватизации и участия в нем международных инвесторов.

Секторальные стимулы для ПИИ многочисленны в промышленности, гостиничном бизнесе, фармацевтике и секторе природных ресурсов и в основном состоят из налоговых льгот. Компании, работающие в специальных экономических зонах (СЭЗ), также пользуются налоговыми льготами, а также таможенными льготами и услугами. В настоящее время в стране насчитывается двенадцать СЭЗ, из них некоторые имеют отраслевую направленность (фармацевтика, спорт, сельское хозяйство и туризм) (Dentons, 2019^[6]). Хотя законодательство, регулирующее ОЭЗ, может быть достаточно четко прописанным, возникает неопределенность в отношении взаимодействия национальных законов с этими отдельными юрисдикциями. Эта проблема не ограничивается Узбекистаном; во всем регионе вопрос «правовой иерархии», т. е. окончательного понимания того, как национальное законодательство взаимодействует с правилами, регулирующими деятельность ОЭЗ, создает неопределенность в правовой среде для бизнеса. По данным ТПП, планы по

реформированию этих зон, более четкому определению их целей и переоценке стимулирующих пакетов обсуждались, но пока не были реализованы на практике.

Рисунок 5.3. Индекс регуляторных ограничений ПИИ, разработанный ОЭСР: Секторальные ограничения в Узбекистане (2020)

Примечание: 0 = открытый; 1 = закрытый.

Источник: (OECD, 2023^[16])

В либерализации ключевых рыночных факторов, таких как транспорт и земля, был достигнут ограниченный прогресс, но покупка и передача последних по-прежнему являются затруднительными. Иностранное участие в процессе приватизации несельскохозяйственных земель, однако, возможно только через создание местного юридического лица. Иностранным инвесторам и компаниям с иностранным капиталом, созданным в Узбекистане, разрешено владеть правами аренды на землю, но с учетом различных правил в отношении получения разрешения со стороны государства на сдачу указанных земель в аренду. Иностранные инвесторы и компании с иностранным капиталом должны быть одобрены Кабинетом Министров, в то время как юридические лица с местным капиталом – только хокимом – главой администрации района или города. Существование двойственных процедур и специальных правил предоставления земельных участков иностранным юридическим и физическим лицам (например, в Ташкенте; см. «Постановление Кабинета Министров о предоставлении в аренду земельных участков иностранным юридическим и физическим лицам в г. Ташкенте») вызывают опасения по поводу дискриминационного отношения к иностранным инвесторам и отражены в Индексе регуляторных ограничений ПИИ, разработанном ОЭСР.

Продолжая открывать дополнительные сектора экономики для иностранных инвесторов, правительство должно уделять первоочередное внимание обеспечению надлежащего выполнения ЗИИД и соответствующего законодательства. Это должно включать согласованные усилия по повышению потенциала государственных учреждений и развитию возможностей МИПТ для оказания помощи в реализации и удовлетворении потребностей инвесторов. В частности, в Узбекистане недавно было создано Агентства по привлечению иностранных инвестиций при МИПТ, которое могло бы стать точкой входа для инвесторов и информировать их о нормативных требованиях и последних изменениях, а также помогать им в выполнении этих требований (OECD, Forthcoming^[17]). Стабильность заинтересованных сторон

является существенной чертой эффективных инвестиционных отношений, на которую регулярно ссылаются инвесторы.

Эффективные агентства по содействию инвестициям (АСИ) в странах-членах ОЭСР, таких как Турция и Ирландия, являются активными генераторами инвестиций и центрами знаний для инвесторов, помимо деятельности по продвижению и формированию имиджа (President of Turkey's Investment Office, 2019^[18]). Агентство по привлечению иностранных инвестиций Узбекистана может выйти за рамки предоставления информации и оказывать консультационные и последующие услуги инвесторам, в том числе по вопросам регулирования, координируя свою деятельность с другими ведомствами, особенно с налоговыми органами и органами лицензирования, чтобы избежать множества контактов и несогласованных административных процедур.

Правительство также должно стремиться к снятию дальнейших секторальных ограничений для инвесторов, в том числе в секторах финансовых и деловых услуг. Оно также могло бы предоставлять подробную информацию об ограничениях на инвестиционном портале в интернете. Поскольку сектора, в которых в настоящее время доминируют ГП, должны быть открыты, условия участия иностранных инвесторов в процессе приватизации должны быть четко определены и озвучены.

5.3. Для устранения фактических барьеров для инвестиций необходимы сопутствующие реформы, направленные на защиту конкуренции

Как отмечалось во введении к данной главе, респонденты отметили политику в области конкуренции как наиболее слабый аспект правовой базы для ведения бизнеса в Узбекистане, а также как область, в которой респонденты увидели наименьший прогресс за последние пять лет. Когда их попросили высказать свое мнение по трем конкретным аспектам конкурентной политики – контроль рыночного доминирования и монопольной практики, меры по борьбе с картелями и сговорами, а также контроль концентрации – прогресс был оценен как слабый более чем 50 % в каждом случае (до 67 % для рыночного доминирования и монопольной практики). Правительство Узбекистана осознает необходимость серьезного улучшения конкурентной политики для достижения более широких целей развития частного сектора и привлечения инвестиций, и в 2022 г. обратилось к ОЭСР за помощью в этой области (OECD, 2022^[2]).

Согласно складывающейся картине, частный сектор продолжает сталкиваться с огромным количеством проблем, связанных с конкуренцией (например, практика льготного кредитования ГП по ставкам ниже рыночных, налоговые льготы для определенных ГП и даже квоты в определенных отраслях), что препятствует стимулам для инвестиций и роста. Однако, как и в случае с общей нормативно-правовой базой для ведения бизнеса, описанной в разделе 5.2, эти жалобы и опасения возникают на фоне большого количества изменений, которые были введены именно для того, чтобы уравнивать условия для частного бизнеса. То, что компании еще не ощутили преимущества этих правовых реформ, говорит о проблемах с реализацией, масштабах проведенных на данный момент правовых реформ и сложном спектре смежных реформ (например, на рынках земли и других факторов, или акционирования и приватизации государственных активов), которые необходимы для выравнивания условий игры между государственными и частными предприятиями.

5.3.1. Реформы антимонопольного законодательства и правоприменения являлись ключевой частью более широкого процесса реформ

Законодательство и политика в области конкуренции стали важной частью текущей более широкой программы реформ правительства Узбекистана. Одним из первых важных шагов на пути к созданию сильной конкурентной среды стало учреждение в 2019 г. Комитетом по развитию конкуренции и защите прав потребителей Республики Узбекистан (АКРУ), что было достигнуто путем институциональной реорганизации более крупного регулятора, ранее курировавшего как конкурентную, так и приватизационную политику. На АКРУ, который задуман как независимый регулятор, возложена задача надзора за реализацией политики в области конкуренции и других связанных с рынком вопросов, таких как защита прав потребителей, реклама и борьба с коррупцией, искажающей конкуренцию.

Регулятор уже начал активную работу. С момента своего создания он уже провел оценку более 5500 законодательных актов с точки зрения их возможного влияния на рыночную конкуренцию, провел более 2000 антимонопольных расследований, дал разрешение на около 500 слияний и организовал около 100 информационно-пропагандистских мероприятий, направленных на повышение осведомленности государственных органов о важности рыночной конкуренции (OECD, 2022^[2]).

В дополнение к институциональным изменениям, направленным на поддержку конкурентной политики, в 2022 г. правительство разработало новый закон о конкуренции. В нем был кодифицирован ряд важных изменений в системе конкуренции страны, включая следующие: новые правила для вертикальных соглашений; расширение списка действий, считающихся злоупотреблением доминирующим положением; контроль слияний в случаях создания совместных предприятий; расширенные правоприменительные полномочия, включая право налагать штрафы; включение регулирования государственной помощи с надзором со стороны АКРУ; регулирование масштабов участия государства в экономике; а также система регулирования цифровых рынков.

После оценки, проведенной ОЭСР в 2022 г., Организация вынесла ряд целевых рекомендаций, которые, в случае их выполнения, позволят напрямую решить многие из проблем, о которых продолжают сообщать компании. Эти рекомендации включали повышение независимости и расширение мандата АКРУ, в том числе путем обеспечения АКРУ бюджетом и ресурсами, необходимыми для выполнения его мандата, совершенствование правовых положений по борьбе с картелями и злоупотреблениями доминирующим положением, обеспечение адекватных полномочий для правоприменения, а также обеспечение эффективных полномочий и процедур АКРУ в области продвижения конкурентной нейтральности.

Таблица 5.1. Введение в законодательство и политику Узбекистана в отношении конкуренции: обзор рекомендаций:

Рекомендация	Политика в области защиты конкуренции
1	Уточнить фокус и цели политики в области конкуренции
	Организационная структура и рамочные условия
2	Обеспечить, чтобы назначение Председателя АКРУ основывалось на объективных, прозрачных и качественных критериях, включая опыт и знания кандидата, и определить исчерпывающий список причин для досрочного увольнения с должности
3	Обеспечить, чтобы институциональная структура АКРУ допускала (i) достаточное разделение мандатов, связанных с конкуренцией, и мандатов, не связанных с конкуренцией, и (ii) достаточное количество сотрудников для выполнения задач, связанных (и не связанных) с конкуренцией
4	Обеспечить достаточный и надежно финансируемый бюджет АКРУ для эффективного и независимого выполнения своего мандата

5	Увеличить операционную независимость АКРУ, чтобы обеспечить более эффективное правоприменение
6	Повысить уровень знаний и ознакомления судебных сотрудников с экономическими концепциями и принципами применения решений о правоприменении в области конкуренции
7	Активнее участвовать в международном сотрудничестве
	Нормативно-правовая база и правоприменение
8	Улучшить материально-правовые нормы о картелях и злоупотреблении доминирующим положением
9	Обеспечить адекватные полномочия для эффективного применения антимонопольного законодательства
10	Уточнить материальный критерий слияний; увеличить сроки оценки
11	Повысить прозрачность правоприменительных решений и принципов АКРУ
12	Обеспечить эффективные полномочия и процедуры АКРУ для продвижения конкурентного нейтралитета
	Непрерывное совершенствование
13	Обеспечить непрерывную оптимизацию системы правоприменения посредством международного сравнительного анализа

Источник: (OECD, 2022^[2])

Эти недавние изменения в законодательстве Узбекистана о конкуренции, в дополнение к уже существующим условиям, означают, что де-юре в стране имеется эффективное законодательство в области защиты конкуренции, при этом Узбекистан демонстрирует высокие показатели по сравнению с другими странами региона в международном сравнительном анализе, проведенном ОЭСР (OECD, 2022^[2]). Самые высокие баллы были получены в категориях правоприменительной политики против антиконкурентного поведения и адвокации, а самые низкие – в области честности расследований. Тем не менее предстоит еще много работы по совершенствованию законодательной базы в области конкуренции, хотя решение правительства принять участие в обзоре ОЭСР по конкурентной политике само по себе является важным свидетельством серьезности, с которой правительство относится к этому вопросу.

Список литературы

- Abdullaev, U. (2020), *State-Owned Enterprises in Uzbekistan: Taking Stock and Some Reform Priorities*, <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/560601/adbi-wp1068.pdf>. [12]
- Dentons (2019), *Doing business in Uzbekistan*. [6]
- European Union (2019), *European Union Supports Uzbekistan's Accession to WTO*, https://eeas.europa.eu/delegations/burkina-faso/59579/european-union-supports-uzbekistan%E2%80%99s-accession-world-trade-organization-wto_en. [27]
- ITF (2019), *Enhancing Connectivity and Freight in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/connectivity-freight-central-asia_2.pdf. [25]
- OECD (2023), *FDI Regulatory Restrictiveness Index*, OECD Publishing, Paris, <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=FDIINDEX>. [32]
- OECD (2023), *OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index*, Uzbekistan, OECD Publishing, Paris, <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=FDIINDEX>. [16]
- OECD (2023), *OECD Trade Facilitation Indicators*, Uzbekistan, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/trade/topics/trade-facilitation/>. [31]

- OECD (2022), *An Introduction to Competition Law and Policy in Uzbekistan*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/daf/competition/an-introduction-to-competition-law-and-policy-in-uzbekistan.pdf>. [2]
- OECD (2021), *Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/Beyond_COVID%2019_Central%20Asia.pdf. [20]
- OECD (2021), *Boosting the Internationalisation of Firms through better Export Promotion Policies in Uzbekistan*, OECD Eurasia Policy Insights, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/Monitoring_Review_Uzbekistan_ENG.pdf. [23]
- OECD (2021), *Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/Improving-LEB-CA-ENG%2020%20April.pdf>. [1]
- OECD (2020), *COVID-19 Crisis Response in Central Asia*, OECD Publishing, Paris, https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=129_129634-ujyjsqu30i&title=COVID-19-crisis-response-in-central-asia. [19]
- OECD (2017), *Boosting SME Internationalisation in Uzbekistan through better Export Promotion Policies*, OECD Publishing, Paris, https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/Uzbekistan_Peer_review_note_dec2017_final.pdf. [24]
- OECD (Forthcoming), *Investment promotion practices in Eurasia*. [17]
- OECD (Forthcoming), *Monitoring Report: Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia*, OECD Publishing, Paris. [33]
- President of Turkey's Investment Office (2019), *Official website*, <http://www.invest.gov.tr>. [18]
- Republic of Uzbekistan (2022), *Development Strategy of New Uzbekistan for 2022-2026*, <https://uzembassy.kz/upload/userfiles/files/Development%20Strategy%20of%20Uzbekistan.pdf>. [22]
- Republic of Uzbekistan (2019), *Draft Tax Code*, https://regulation.gov.uz/ru/document/7232-nalogovy_kodeks_respubliki_uzbekistan (accessed on 2020). [9]
- Republic of Uzbekistan (2019), *Law No. ZRU-522 "On privatization of non-agricultural land plots"*. [15]
- Republic of Uzbekistan (2019), *On Further Measures for the Implementation of the Mechanisms for Attracting FDI into the Economy No. 4300*. [14]
- Republic of Uzbekistan (2019), *Reform Roadmap 2019-21*. [4]
- Republic of Uzbekistan (2018), *Decree of the President of the Republic of Uzbekistan on Measures to Further Reduce and Simplify Licensing and Licensing Procedures in the Field of Entrepreneurial Activity, as well as Improving Business Conditions*, <http://www.lex.uz/ru/docs/3676962> (accessed on 13 May 2019). [7]
- Republic of Uzbekistan (2018), *Presidential Decree 5584 On Measures to Improve Civil Aviation*. [10]
- Republic of Uzbekistan (2017), *National Development Strategy 2017-21*. [3]

- Republic of Uzbekistan (2017), *State Programme for the Realisation of the Strategy on Five Priority Areas for Development of the Republic of Uzbekistan 2017-2021*. [30]
- Republic of Uzbekistan (2006), *Law on State Owned Enterprises*, [https://nrm.uz/contentf?doc=372435_polojenie_o_gosudarstvennyh_predpriyatiyah_\(prilojenie_n_1_k_postanovleniyu_km_ruz_ot_16_10_2006_g_n_215\)&products=1_vse_zakonodatels tvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=372435_polojenie_o_gosudarstvennyh_predpriyatiyah_(prilojenie_n_1_k_postanovleniyu_km_ruz_ot_16_10_2006_g_n_215)&products=1_vse_zakonodatels tvo_uzbekistana). [11]
- State Asset Management Agency of Uzbekistan (2020), *Privatization as a Driver of Economic Reform*. [28]
- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *Small Business and Entrepreneurship*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, <https://stat.uz/en/official-statistics/small-business-and-entrepreneurship>. [21]
- World Bank (2022), *Uzbekistan: The Second Systematic Country Diagnostic*, World Bank, DC, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/933471650320792872/pdf/Toward-a-Prosperous-and-Inclusive-Future-The-Second-Systematic-Country-Diagnostic-for-Uzbekistan.pdf>. [29]
- World Bank (2021), *Assessing Uzbekistan's Transition: Country Economic Memorandum*, World Bank, DC, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/862261637233938240/pdf/Full-Report.pdf>. [8]
- World Bank (2020), *Doing Business 2020*, <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1440-2>. [26]
- World Bank (2019), *Doing Business 2019: Uzbekistan, Training for Reform*, <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/u/uzbekistan/UZB.pdf>. [5]
- World Bank (2019), *Press Release: Support to Public Financial Management and State-Owned Enterprises Reforms to Benefit Uzbekistan's Citizens and Economy*. [13]

6 Навыки и инфраструктура для цифровизации частного сектора

Хотя респонденты опроса положительно оценили уровень развития цифровых технологий в стране, многие выразили обеспокоенность по поводу инфраструктуры и навыков. Процесс цифровизации будет в значительной мере определять экономику и общество Узбекистана в ближайшие годы, как это происходит во всех странах ОЭСР. Для того, чтобы частный сектор мог максимально использовать возможности цифровизации, необходимо обеспечить доступ к высококачественной инфраструктуре связи и повышение уровня цифровых навыков у рабочей силы.

6.1. Результаты опроса и обзорный анализ

Цифровая трансформация оказывает существенное влияние на частный сектор Узбекистана. Многие последствия цифровизации хорошо известны, общедоступны и анализируются, и ОЭСР продолжает проводить обширную работу в области поиска наиболее эффективных способов использования возможностей цифровизации при одновременном снижении социально-экономических рисков, которые может повлечь за собой переход к цифровым технологиям. Цифровизация может открыть новые возможности для организации деятельности компаний и производства, а также для управления важнейшими государственными услугами, в то время как постоянно растущая ценность данных как экономического ресурса расширяет границы инноваций как в государственном, так и в частном секторах. В то же время, поскольку вклад цифровых технологий и услуг продолжает увеличивать свою долю в добавленной стоимости как в обрабатывающей промышленности, так и в сфере услуг, для обеспечения инклюзивности экономического роста большое значение будет иметь то, кто обладает навыками и возможностями для использования преимуществ цифровизации.

Для того чтобы частный сектор – и общество в целом – могли максимально использовать возможности, открывающиеся в результате цифровой трансформации, требуется целый ряд различных мер в области экономической политики. Во-первых, компании могут вводить цифровые технологии в свою деятельность – например, путем внедрения ИТ-решений, будь то простых или сложных, для повышения производительности – только при наличии базовой цифровой и коммуникационной инфраструктуры. Это означает наличие доступа к высококачественному интернету, стационарному и сотовому, доступ к оборудованию и программному обеспечению ИКТ, а также наличие более сложных форм цифровой инфраструктуры, таких как облачные вычисления. Это также означает наличие доступа к навыкам и знаниям, необходимым для применения цифровых технологий и генерации благодаря им новых идей и инноваций. Наконец, это означает наличие доступа к капиталу, необходимому для инвестирования в вышеперечисленное, и нормативно-правовой среды, способствующей цифровизации, а не сдерживающей ее.

Как и во всех других странах, проблемы, с которыми сталкиваются лица, ответственные за разработку политики, при оказании содействия цифровой трансформации, включают в себя общие для многих стран барьеры, на которые, однако, накладываются локальные условия. В Узбекистане это особенно касается проблем, связанных с цифровыми навыками, доступом к финансированию и конкуренцией в ключевых сетевых секторах. Правительство заявило о своем стремлении к содействию цифровой трансформации экономики страны, стратегические цели которой закреплены в проекте «Цифровой Узбекистан – 2030», где особое внимание уделяется цифровизации государственного управления, образования, здравоохранения и сельского хозяйства (Вставка 6.1).

Эти локальные проблемы были выявлены респондентами опроса ОДК, многие из которых подчеркнули свой энтузиазм в отношении цифровых возможностей в Узбекистане, но также и разочарование тем, как неразвитые рамочные условия мешают им максимально использовать эти возможности. Респонденты опроса сообщили о высоком уровне оптимизма в отношении возможностей, предоставляемых цифровизацией, а также в целом о высоком уровне цифровизации в их компаниях. Около 80 % респондентов считают, что цифровизация открывает возможности для их бизнеса в Узбекистане (37 % – значительные возможности, 43 % – некоторые возможности).

Вставка 6.1. «Цифровой Узбекистан – 2030»

Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» направлена на активное развитие цифровой экономики Узбекистана. Особое внимание уделяется государственному управлению, образованию, здравоохранению и сельскому хозяйству. Дорожная карта по реализации стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» на 2020-2022 годы включает в себя эти измерения с установленными для каждого из них отдельными действиями, целями и задачами. С 2023 года НСР будет реализовываться на основе двухлетних программ, утвержденных Кабинетом Министров.

Эти программы основаны на достигнутых результатах, целевых показателях и развитии цифровых технологий в каждом предшествующем и предстоящем периоде. Измерения, которые будут развиваться в период 2020-2022 годов, с примерами инициатив, следующие:

- развитие **электронного правительства**:
 - Электронные идентификационные карты для сотрудников государственных органов
 - Портал открытых данных в области закупок, регистрации и статистики
 - Системы электронной уплаты всех обязательных платежей
- развитие **цифровой промышленности**:
 - Статус резидента технопарка и льготы для компаний, работающих в сфере обучения ИТ, программного обеспечения, аппаратного обеспечения, робототехники, услуг по экспорту через интернет, хранения данных, обработки данных и т. д.
 - Цифровая трансформация коммерческих банков
- развитие **цифрового образования**:
 - Компенсация до 50% стоимости получения международных сертификатов в области ИТ в востребованных областях для физических лиц
 - Открытие центров цифрового обучения в каждом районе и городе
 - Поэтапное открытие более 200 специализированных школ по обучению информатике и ИТ-технологиям
- развитие **цифровой инфраструктуры**:
 - Подключение каждого населенного пункта к интернету со скоростью передачи данных не менее 10 Мбит/с
 - Обеспечение высокоскоростного доступа в интернет на всех популярных туристических объектах

По состоянию на 1-й квартал 2023 года начата реализация более чем половины из 400 приоритетных проектов.

Все респонденты опроса сообщили, что в цифровой формат были переведены по меньшей мере 50 % их деловых операций, а 41 % респондентов сообщили, что в цифровой формат были переведены около 75 % операций. Несмотря на небольшую выборку, эти цифры, тем не менее, свидетельствуют об относительно высоком уровне распространения цифровых технологий среди европейских компаний в Узбекистане, хотя для того, чтобы определить, является ли такой уровень репрезентативным по всей стране, необходимо провести сравнение с местным бизнес-сообществом при большем размере выборки.

Примечательно, что значительное большинство респондентов сообщили, что они используют передовые инструменты. Так, 79 % респондентов используют программное

обеспечение для управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) или некоторые формы анализа данных, что говорит об относительно высоком уровне цифровой зрелости европейских компаний, работающих в Узбекистане. Доля компаний, использующих облачные решения для обработки данных (52 %) и цифровые коммуникации (54 %), еще больше подчеркивает заметную цифровизацию опрошенных компаний.

Однако, как и в случае с зеленым переходом, ключевым препятствием для дальнейшего внедрения и использования цифровых технологий опрошенными компаниями, по-видимому, является прежде всего инфраструктура. Подавляющее большинство (83 %) респондентов подчеркнули важность для цифровизации повышения скорости и качества интернета, еще 43 % отметили необходимость улучшения инфраструктуры безопасности данных. Другие вопросы касались необходимости развития систем онлайн-платежей (33 %), повышения цифровых навыков и квалификации рабочей силы (30 %) и улучшения качества нормативно-правовой базы для онлайн-торговли (30 %).

Цель этой небольшой главы – более подробно рассмотреть ситуацию в двух областях, определенных в исследовании ОДК как проблемные для цифровизации частного сектора в Узбекистане. Первая касается цифровой и коммуникационной инфраструктуры, доступной для компаний. Инструментарий ОЭСР «Going Digital Toolkit» позволяет оценить степень цифровой трансформации как в странах-членах ОЭСР, так и в странах, не являющихся членами организации, и в данном разделе некоторые из общепринятых показателей цифровизации сочетаются с другими данными, такими как инвестиции в цифровой и нематериальный капитал, чтобы дать общее представление о степени цифровизации в Узбекистане. Во втором разделе рассматривается еще один ключевой барьер на пути цифровизации частного сектора – навыки. Данный раздел основан на работе по изучению цифровых навыков в Узбекистане, проведенной ОЭСР в рамках Программы по повышению конкурентоспособности стран Евразии, и представляет некоторые ключевые выводы, сделанные по результатам этой работы.

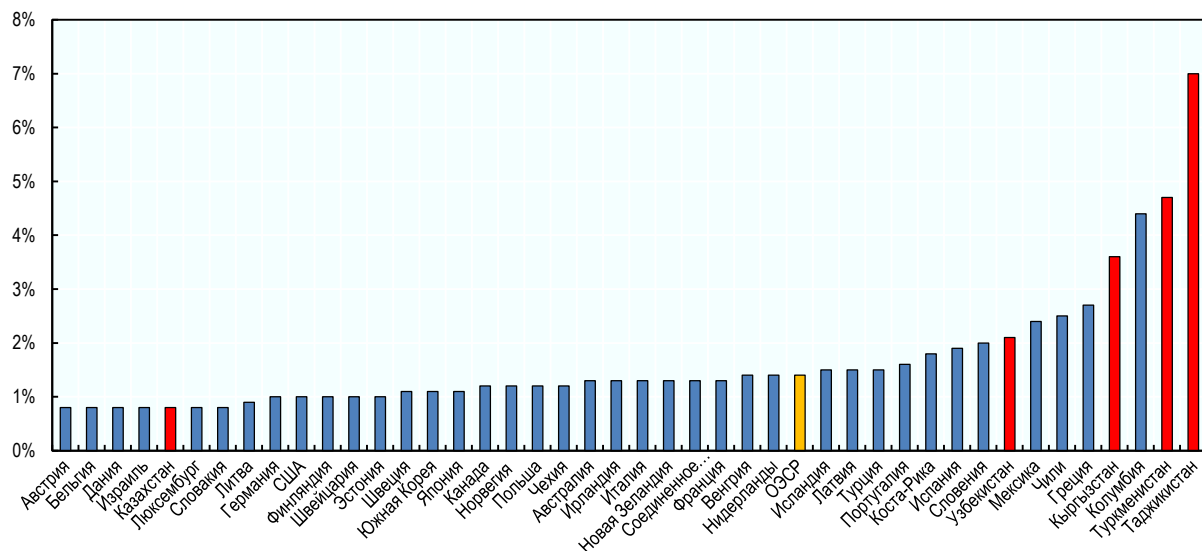
6.2. Для достижения прогресса в области цифровизации частного сектора необходимо устранить пробелы в инфраструктуре и возможностях подключения

Темпы и глубина цифровизации в Узбекистане, как и в любой стране, определяются рядом важных рамочных условий, связанных с инфраструктурой и распространением цифровых технологий. Именно недостаточное развитие этих рамочных условий респонденты ОДК назвали основным препятствием на пути цифровизации в Узбекистане. ОЭСР осуществляет сбор широкого спектра данных по таким вопросам, как распространение и доступ к широкополосной связи, потребление данных, использование на предприятиях и географический охват, однако страны, не являющиеся членами организации, пока не включены в эту статистику, что затрудняет проведение точного международного сравнительного анализа. Тем не менее в данном разделе представлена краткая оценка развития вспомогательной инфраструктуры, необходимой для цифровизации частного сектора Узбекистана, на основе ряда показателей ОЭСР, включая показатели с Портала ОЭСР по вопросам широкополосной связи.

Стоимость фиксированной широкополосной связи в Узбекистане относительно высока и составляет 2,1 % ВВП, что немного выше целевого показателя ЦУР, равного 2 %, хотя и значительно ниже, чем в некоторых странах Центральной Азии, таких как Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан (Рисунок 6.1). Стоимость доступа к Интернету в Узбекистане все же сближается со странами ОЭСР, и наблюдается прогресс в достижении показателя ЦУР. Это положительный знак, указывающий на относительно низкую стоимость барьера для доступа к

Интернету, что теоретически должно сделать цифровые возможности доступными для большого числа домохозяйств и компаний.

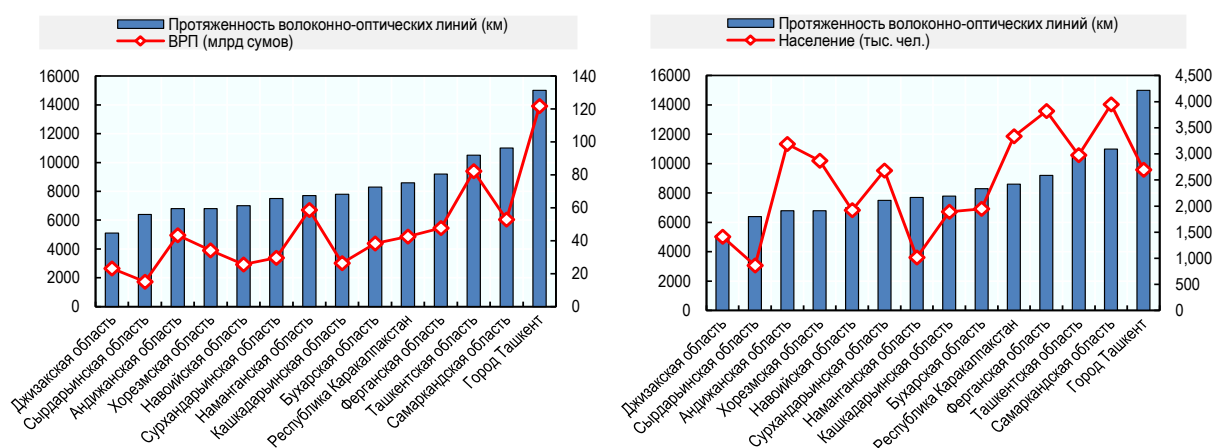
Рисунок 6.1. Стоимость фиксированной широкополосной связи как процент от ВВП (2021)

Источник: (ITU, 2023^[1])

В то же время, хотя стоимость доступа к Интернету на национальном уровне является относительно низкой, качество инфраструктуры подключения в регионах Узбекистана сильно различается. Так, например, общая протяженность волоконно-оптических линий связи на региональном уровне, по-видимому, сильнее коррелирует с валовым региональным продуктом, чем с численностью или плотностью населения. Из этого следует, что степень развития инфраструктуры связи, необходимой для цифровой трансформации, выше в районах с более высоким уровнем экономического производства, независимо от того, являются ли они более или менее населенными (Рисунок 6.2).

Рисунок 6.2. Региональная инфраструктура связи и экономическое развитие (2021)

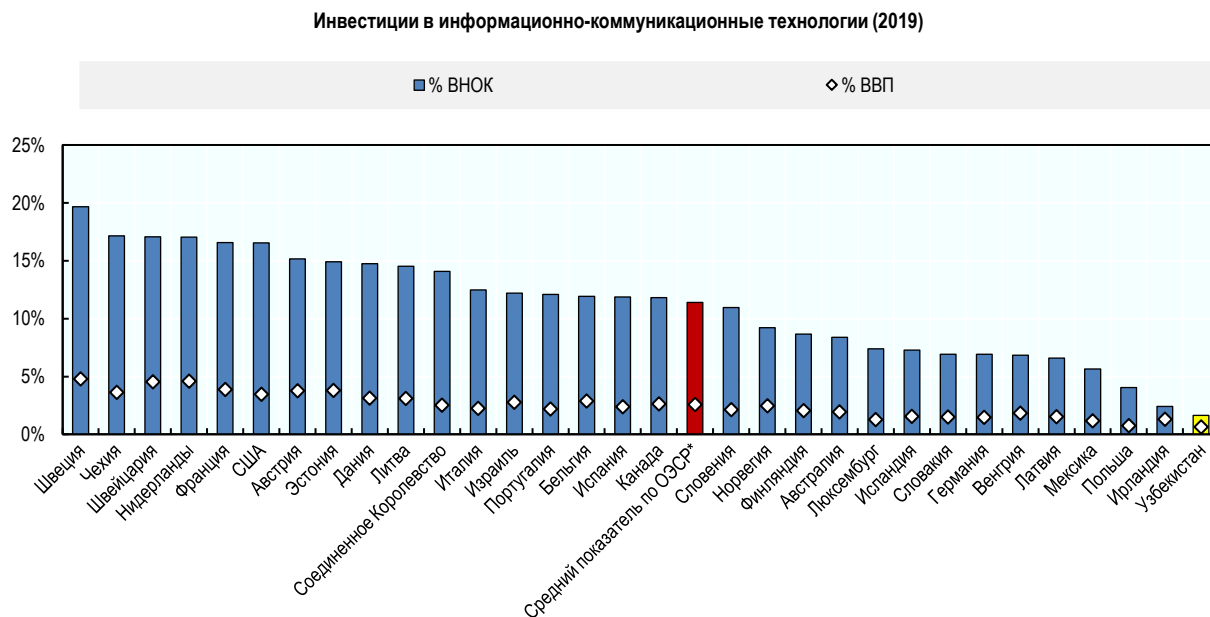

Примечание: расчеты ОЭСР

Источник: (The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2023^[2]), (The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2023^[3])

Одной из явных тенденций в Узбекистане, которая имеет значительные последствия для цифрового перехода, является недостаточное инвестирование в ИКТ. Инвестиции в ИКТ в Узбекистане составили всего 1,65 % от общего объема ВНОК, что значительно ниже среднего показателя по ОЭСР, составляющего 11,4 %, и еще ниже по сравнению с ведущими членами ОЭСР – Швецией (20 %) и Чехией (17 %) (Рисунок 6.3). Относительно размера экономики этот уровень столь же низок (эквивалентен 0,65 % ВВП), и среди членов ОЭСР он сопоставим только с Польшей (0,78 % ВВП).

Рисунок 6.3. Инвестиции в ИКТ: Узбекистан в международном контексте

Примечание: *Средний показатель по ОЭСР не включает Чили, Колумбию, Коста-Рику, Грецию, Японию, Корею, Новую Зеландию.
Источник: (OECD, 2023^[4])

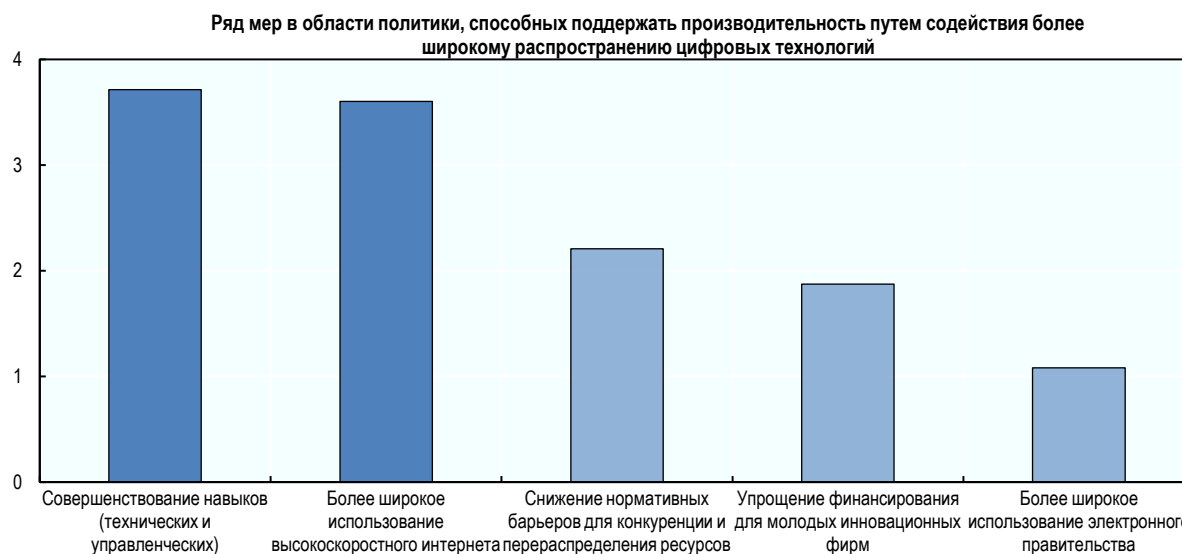
Существуют факторы, объясняющие относительно низкий уровень инвестиций в ИКТ и цифровые технологии в Узбекистане. Например, с тех пор как правительство начало либерализацию внешней торговли, значительно вырос импорт капитальных товаров, в основном за счет государственных инвестиций, что частично объясняется необходимостью модернизации и пополнения промышленной базы страны. Отчасти этим можно объяснить относительно низкую долю инвестиций в ИКТ (и другие формы нематериального капитала). В то же время Узбекистану необходимо увеличить как относительную долю, так и общий объем инвестиций в указанные активы, чтобы его компании и работники могли воспользоваться преимуществами цифровой трансформации, но при этом производительность и объем производства зарождающегося частного сектора страны не отклонялись в будущем от среднего показателя по ОЭСР. Как и в других секторах экономики, вопросы конкуренции в телекоммуникационном секторе могут стать существенным препятствием для повышения уровня инвестиций в цифровую инфраструктуру и инфраструктуру связи.

6.3. Для успешного осуществления цифрового перехода компаниям нужны новые навыки

Компании нуждаются в новых навыках и способностях, чтобы успешно осуществить цифровой переход. Способность компаний частного сектора максимально использовать возможности, открывающиеся в связи с переходом к цифровым технологиям, и обеспечить отсутствие отставания от конкурентов как внутри страны, так и на международном уровне, зависит от их способности использовать ряд цифровых технологий, а также от дополнительных возможностей в других областях, необходимых для определения коммерческих или организационных вариантов использования этих технологий (например, управленческие навыки, отражающие то, как цифровизация может повлиять на организацию компании).

Способность производственных МСП в Узбекистане внедрять инновации в организацию или производство зависит от их способности получать новые данные и анализировать их с помощью цифровых инструментов. Именно по этой причине в исследовании влияния различных мер в области политики и рамочных условий на распространение цифровых технологий в ЕС ОЭСР обнаружила, что мера, оказавшая наибольшее единовременное воздействие, заключалась в повышении технических и управленческих навыков компаний (Рисунок 6.4). В то же время компании должны обладать внутренним потенциалом и знаниями, чтобы осознавать ценность использования цифровых инструментов для своего бизнеса, а также навыками, необходимыми для распознавания полезных для них возможностей цифровизации.

Рисунок 6.4. Воздействие избранных мер в области политики на повышение продуктивности

Примечание: Последствия устранения половины разрыва с ведущими странами ЕС в ряде структурных и политических областей на многофакторную производительность среднего предприятия, ведущего деятельность в ЕС, через 3 года.

Источник: (OECD, 2019^[5])

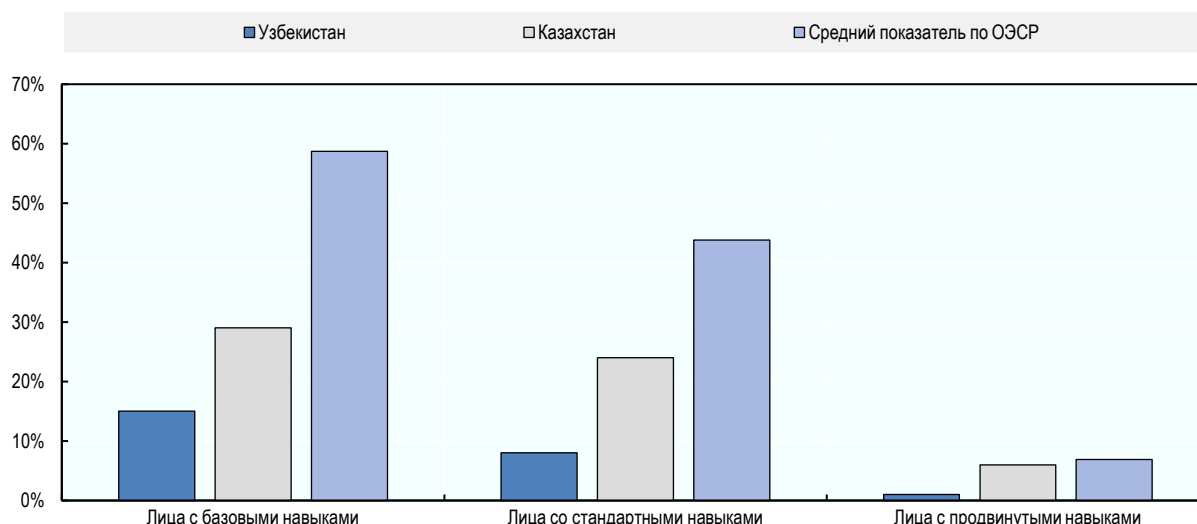
Навыки, необходимые рабочей силе для максимально эффективного использования возможностей цифрового перехода, многообразны. В некоторых случаях появление новых профессий и изменение характера существующих требуют от претендентов сочетания технических и когнитивных навыков высокого уровня, например, навыков управления базами данных и соответствующих навыков анализа данных. В одних профессиях необходимо знание языков

кодирования, таких как Python и Java, в других – знание и опыт работы с машинным обучением, анализом и обработкой данных и методами визуализации. Это сложные навыки, которыми не владеют повсеместно даже в странах ОЭСР (1 % населения), но, тем не менее, они важны для Узбекистана и других стран с переходной экономикой, если они хотят осваивать новые формы создания стоимости, факторы производительности и инновации (OECD, 2022^[6]). В то же время более базовые навыки, такие как знание широко используемого программного обеспечения или опыт работы с платформами социальных сетей, становятся все более важными для широкого круга отраслей, выходя за традиционные рамки сектора ИКТ. Несмотря на то, что в каждом секторе и отрасли существуют собственные потребности в цифровых навыках, значение цифровизации для всей экономики требует инклюзивного подхода к развитию цифровых навыков.

Хотя очевидно, что цифровизация открывает широкие возможности для инноваций и роста производительности МСП Узбекистана, неравномерное распространение инфраструктуры и навыков может усугубить разрыв в производительности между компаниями из-за трудностей с финансированием цифровых технологий и соответствующего нематериального капитала, необходимого для их эффективного использования. Проблемы доступа к финансированию являются давними препятствиями для роста компаний в Узбекистане, но жесткие требования банковского сектора к залоговому обеспечению особенно сложны для МСП в цифровом контексте, где большая часть инвестиций приходится на нематериальный капитал (навыки, программное обеспечение и другие формы интеллектуальной собственности). Поэтому обеспечение широкого доступа к навыкам и компетенциям, необходимым для максимально эффективного использования цифровизации, также важно для интеграции, будь то на промышленном уровне (т. е. между компаниями и отраслями с большим или меньшим инвестиционным потенциалом), на региональном уровне (т. е. между МСП в Ташкенте и крупными промышленными центрами и более сельскими районами страны) или на социально-экономическом уровне (т. е. в контексте гендерных различий в доступе к цифровым навыкам).

Уровень цифровых навыков в Узбекистане значительно отстает от среднего показателя по ОЭСР, а также от уровня, наблюдаемого в соседнем Казахстане (Рисунок 6.5). Тревожным является тот факт, что это относится ко всем категориям базовых, стандартных и продвинутых навыков, что говорит о том, что рабочая сила в Узбекистане по-прежнему недостаточно подготовлена для использования даже самых простых цифровых технологий и понимания их потенциального применения в собственном бизнесе или в контексте стартапа или инноваций. Повышение общего уровня цифровых навыков должно стать приоритетом для правительства в его стремлении обеспечить конкурентоспособность частного сектора. Необходимо приложить усилия к тому, чтобы начать обучение цифровым навыкам на ранних этапах системы образования, обеспечивая новых участников рынка труда навыками, необходимыми для достижения успеха, а также предотвращая появление узких мест на рынке труда, связанных с навыками, поскольку цифровые технологии продолжают менять методы работы и производства, используемые компаниями.

Рисунок 6.5. Обзор цифровых навыков: Узбекистан, Казахстан и средний показатель по ОЭСР

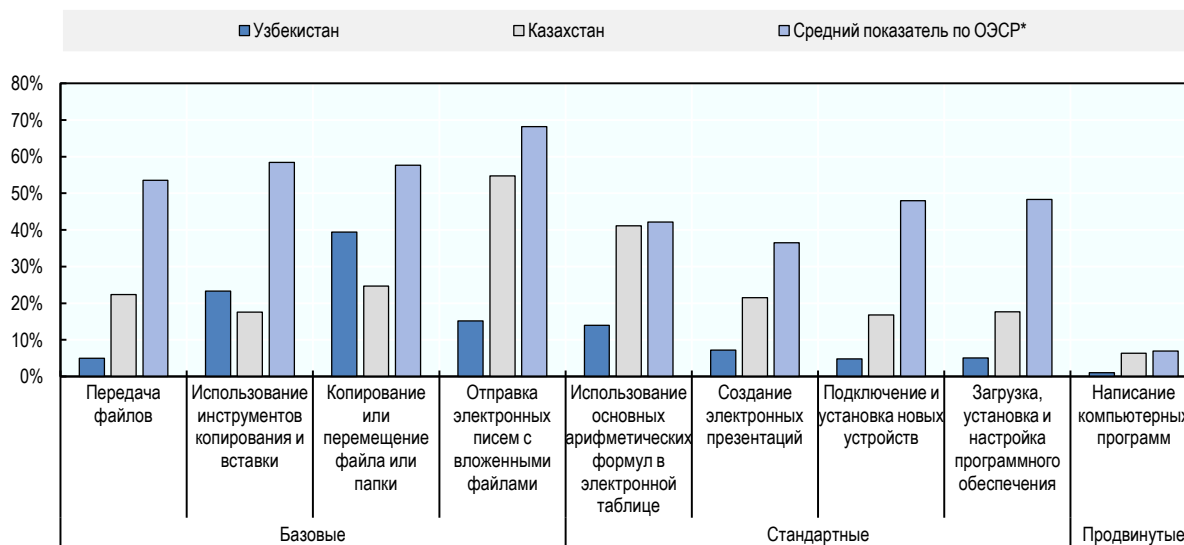

Примечание: в процентах от населения. *Данные по Австралии, Канаде, Коста-Рике, Израилю, Новой Зеландии, США отсутствуют. Данные по Узбекистану относятся к 2018–2020 гг., данные по Казахстану – к 2019–2020 гг. Наблюдения для стран ОЭСР ведутся с 2013 по 2020 год.

Источник: (ITU, 2023^[11])

Разница в уровне цифровых навыков в Узбекистане и других странах региона особенно заметна в областях, которые можно отнести к повышающим производительность, где человек использует свои цифровые знания для создания новых знаний и выводов из данных или для инноваций и улучшения коммуникаций. Например, Узбекистан значительно отстает от Казахстана, который близок к среднему уровню по ОЭСР, в использовании арифметической формулы в электронной таблице, создании электронной презентации, подключении новых электронных устройств, загрузке и настройке программного обеспечения (Рисунок 6.6). Отчасти это может также отражать медленные структурные преобразования в Узбекистане, где гораздо больше людей работает в секторах и отраслях, где использование цифровых инструментов в целом ниже (например, в сельском хозяйстве); тем не менее это подчеркивает возможность возникновения значительной нехватки рабочей силы, связанной с навыками, и узких мест по мере того, как экономика продолжает двигаться в сторону видов деятельности с более высокой добавленной стоимостью, где преимущества и эффекты цифровизации более очевидны и распространены. Более широкая доступность данных о цифровых навыках и распространении цифровых технологий в бизнес-сообществе, например, с точки зрения размера компании и отрасли, в случае необходимости позволит принимать более целенаправленные меры в области политики.

Рисунок 6.6. Цифровые навыки по категориям: Узбекистан, Казахстан и средний показатель по ОЭСР (2019)

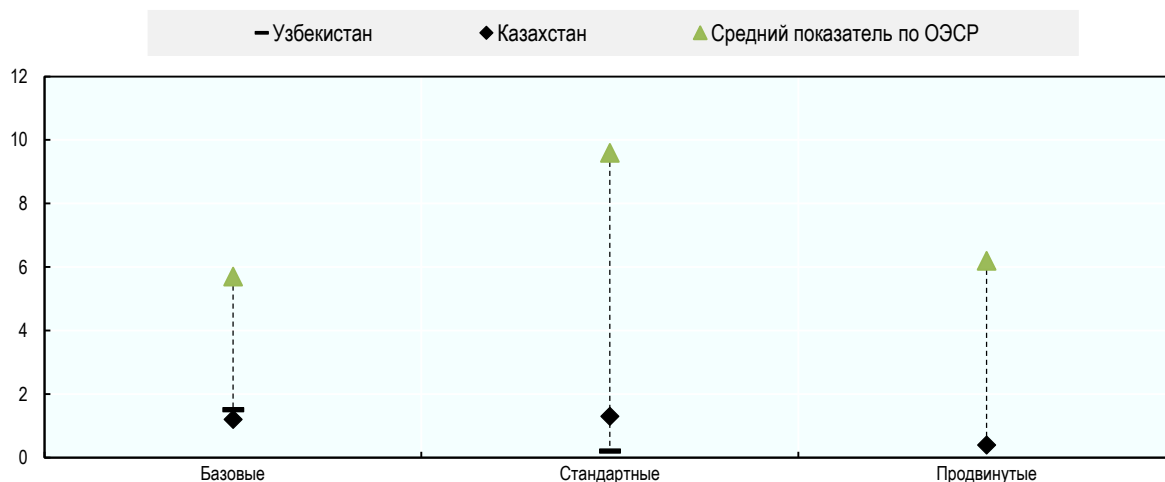

Примечание: в процентах от населения. *Данные по Австралии, Канаде, Коста-Рике, Израилю, Новой Зеландии, США отсутствуют. Данные по Узбекистану относятся к 2018–2020 гг., данные по Казахстану – к 2019–2020 гг. Наблюдения для стран ОЭСР ведутся с 2013 по 2020 год.

Источник: (ITU, 2023^[11])

Одной из особенностей ландшафта цифровых навыков в Узбекистане, как и в Казахстане, является то, что разрыв в цифровых навыках, по-видимому, является относительно не зависящим от пола. Разрыв между мужчинами и женщинами в базовых, стандартных и продвинутых навыках в ОЭСР значительно выше, чем в Узбекистане и Казахстане (Рисунок 6.7). Учитывая общий низкий уровень цифровых навыков в Узбекистане, относительно небольшой гендерный разрыв может быть скорее показателем более широкой доступности этих навыков, чем положительной тенденцией в их развитии. В интервью для экспертного обзора цифровых навыков в Узбекистане в 2023 году отмечалось, что доступ к развитию цифровых навыков для женщин является более ограниченным. Важно отметить, что исторически важные отрасли промышленности страны могут создавать зависимость в наличии и развитии навыков, что может либо способствовать, либо препятствовать переходу частного сектора к цифровым и зеленым технологиям (OECD, 2022^[17]). Если, например, в определенной экономике исторически сложилась высокая значимость определенного сектора или отрасли, в которых существует гендерный разрыв, то может оказаться, что отправные точки в развитии цифровых навыков могут различаться (например, если в отрасли, в которой цифровизация имеет очевидный потенциал для повышения производительности и инноваций, такой как обрабатывающая промышленность, исторически наблюдался значительный гендерный разрыв в плане занятости или производительности, то могут существовать структурные барьеры, которые необходимо преодолеть, чтобы развитие цифровых навыков было действительно инклюзивным).

Рисунок 6.7. Гендерные различия и разрыв в цифровых навыках: Узбекистан, Казахстан и средний показатель по ОЭСР (2019 г., в процентных пунктах)

Примечание: в процентах от населения. Оценки ОЭСР на основе данных МСЭ. Данные по Австралии, Канаде, Коста-Рике, Израилю, Новой Зеландии, США отсутствуют. Данные по Узбекистану относятся к 2018–2020 гг., данные по Казахстану – к 2019–2020 гг. Наблюдения для стран ОЭСР ведутся с 2013 по 2020 год.

Источник: (ITU, 2023^[11])

Решение проблем, связанных с навыками для цифрового перехода частного сектора в Узбекистане, находилось в центре внимания недавнего экспертного обзора Программы ОЭСР по повышению конкурентоспособности стран Евразии. Примечательно, что основная тема записки была выбрана правительством Узбекистана, что отражает то значение, которое власти придают вопросу цифровых навыков в стране. Такой запрос также отражает сложную реальность в стране: при всем энтузиазме, выраженном в отношении цифровых возможностей в ходе опроса ОДК, уровень использования цифровых технологий остается низким (Portulans Institute, 2020^[8]).

Малые предприятия в Узбекистане, как правило, менее осведомлены о программах поддержки цифровых навыков, доступных для них по сниженной или нулевой стоимости. Правительства обычно играют координирующую роль в управлении различными участниками и институтами, участвующими в цифровом переходе, и часть этой работы включает в себя информирование лиц, на которых направлены определенные меры в области политики, в данном случае компаний, об имеющихся у них возможностях. В Узбекистане, несмотря на сильную политическую приверженность поддержке цифровизации частного сектора, закрепленную в утвержденной правительством Национальной цифровой стратегии, наблюдается недостаток конкретных мер в области политики, направленных на поддержку улучшения цифровых навыков в частном секторе, а также недостаточная осведомленность и информационно-просветительская работа в отношении немногочисленных существующих мер.

Частный сектор Узбекистана в целом слабо осведомлен о возможностях цифрового перехода. В особенности это касается небольших компаний страны, которые часто не знают ни о возможностях, предоставляемых цифровизацией, ни о навыках, необходимых для того, чтобы максимально использовать эти возможности. Это является особо важной проблемой для Узбекистана в связи с ограниченностью его транспортных связей: для того, чтобы быть конкурентоспособными за рубежом, национальные компании должны сократить разрыв в производительности с международными компаниями, что является давней политической целью правительства.

Список литературы

- ITU (2023), *ITU Digital Development Dashboard*, ITU, World Telecommunication/ICT Indicators Database, <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Dashboards/Pages/Digital-Development.aspx>. [1]
- OECD (2023), *Digital Skills for Private Sector Competitiveness*, OECD Publishing, Paris. [14]
- OECD (2023), *Investment by asset (database)*, OECD Publishing, Paris, <https://data.oecd.org/gdp/investment-by-asset.htm>. [4]
- OECD (2022), *Going Digital to Advance Data Governance for Growth and Well-being*, OECD Publishing, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/e3d783b0-en.pdf?expires=1676886088&id=id&accname=ocid84004878&checksum=09D05160C9B561082FD490BBDA17AC86>. [10]
- OECD (2022), *OECD Reviews of Innovation Policy: Germany 2022: Building Agility for Successful Transitions*, OECD Reviews of Innovation Policy, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/50b32331-en>. [7]
- OECD (2022), *Skills for the Digital Transition: Assessing Recent Trends using Big Data*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/38c36777-en.pdf?expires=1676976769&id=id&accname=ocid84004878&checksum=5BF20BE13D076B519F8C025F7ADC90E8>. [6]
- OECD (2021), *Emerging Trends in Communication Market Competition*, OECD Digital Economy Papers, No. No. 316, OECD Publishing, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4ad9d924-en.pdf?expires=1676886224&id=id&accname=ocid84004878&checksum=DAD3B788FF9D688A715466EF1D2135A7>. [11]
- OECD (2019), *Digitalisation and productivity: A story of complementarities*, OECD Economic Outlook: 2019, https://www.oecd-ilibrary.org/sites/b2e897b0-en/1/2/2/index.html?itemId=/content/publication/b2e897b0-en&_csp_=d2743ede274dd564946a04fc1f43d5dc&itemIGO=oecd&itemContentType=book. [5]
- OECD (2019), *Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives*, OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/digital/going-digital-shaping-policies-improving-lives-9789264312012-en.htm>. [9]
- OECD (2018), *Bridging the Rural Digital Divide*, OECD Digital Economy Papers, No. No. 265, OECD Publishing, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4ad9d924-en.pdf?expires=1676886224&id=id&accname=ocid84004878&checksum=DAD3B788FF9D688A715466EF1D2135A7>. [12]
- Portulans Institute (2020), *Focus on Taiwan and Uzbekistan*, Network Readiness Around the World, Portulans Institute, <https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/04/Uzbekistan.pdf>. [8]
- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *Digital Economy*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, <https://stat.uz/en/official-statistics/tsifrovaya-ekonomika-eng>. [3]

- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *Labor Market*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, [13]
<https://stat.uz/en/official-statistics/labor-market>.
- The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2023), *National Accounts*, The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, Tashkent, [2]
<https://stat.uz/en/official-statistics/national-accounts>.

Анализ делового климата в Узбекистане

Устранение преград на пути развития частного сектора является долгосрочной целью правительства Узбекистана, а начавшаяся в 2017 году масштабная программа реформ предусматривала более активное содействие росту конкурентоспособности и производительности компаний частного сектора. Чтобы справиться с вызовами и воспользоваться возможностями «зеленого» и цифрового переходов, которые обеспечивают новый импульс для ускорения этих реформ, Узбекистану необходим более динамичный и инновационный частный сектор. Настоящий отчет, основанный на результатах небольшого целевого опроса иностранных компаний, работающих на территории Узбекистана, дает новое представление об их восприятии текущих реформ и тем самым привлекает внимание к некоторым из наиболее актуальных проблем, стоящих перед органами, отвечающими за разработку и реализацию мер экономической политики, и бизнесом.

Финансирование
Европейского Союза

PRINT ISBN 978-92-64-61625-7
PDF ISBN 978-92-64-93335-4

9 789264 616257